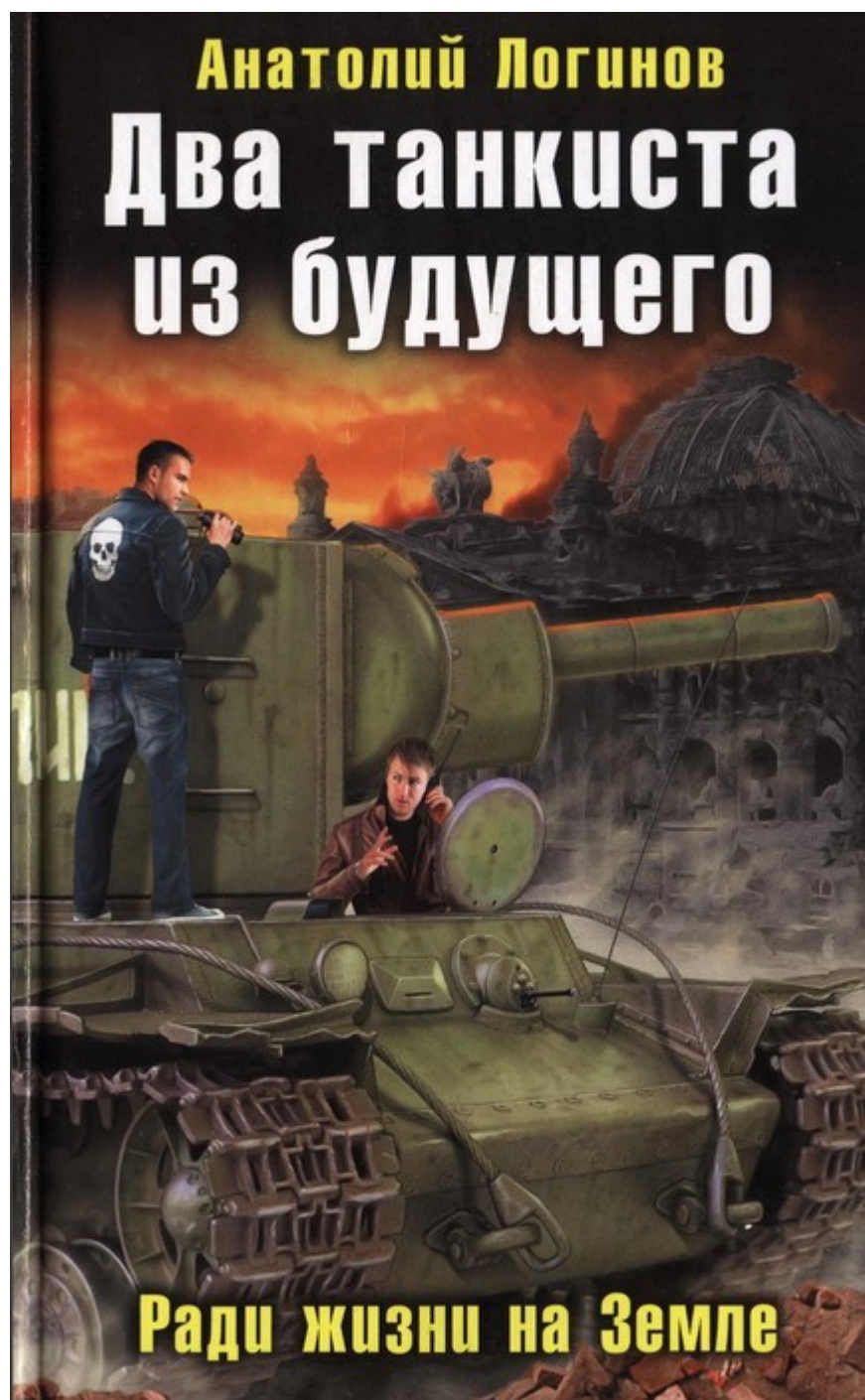

Анатолий Анатольевич Логинов
Два танкиста из будущего. Ради жизни на земле

Три танкиста из будущего – 2

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan, OCR, ReadCheck, Conv - Kortes_10;
Check - Igorek67)

«Два танкиста из будущего. Ради жизни на земле / Анатолий Логинов»: Издательства:
Яуза, Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-47874-3

Аннотация

Новая книга от автора бестселлера «ТРИ ТАНКИСТА ИЗ БУДУЩЕГО» — самого яркого дебюта в жанре альтернативной истории! Продолжение боевого пути наших современников, заброшенных в 1941 год и меняющих ход Великой Отечественной войны.

Их ТАНК ПРОРЫВА ВРЕМЕНИ КВ-2 дойдет до Берлина на целый год раньше срока. Они откроют Сталину и Берии правду о судьбе СССР, чтобы не допустить развала страны. Русские выиграют у США атомную гонку, наши космонавты первыми высадятся на Луне, а Советский Союз станет единственной сверхдержавой. Но чтобы все это сбылось, нужно выполнить ЧЕТЫРЕ ПРАВИЛА «ПОПАДАНЦА»: убить Гудериана, замочить Хрущева, добиться внедрения промежуточного патрона 7.62 и перепеть Высоцкого!

Анатолий Логинов **ДВА ТАНКИСТА ИЗ БУДУЩЕГО** **Ради жизни на Земле**

Выражаю глубочайшую признательность: Сергею Кокорину — за отличную идею и знакомство с прототипом Ленга, всем коллегам с форума «В вихре времен» (<http://forum.amahrov.ru>) за помощь в написании, а также персонально Андрею Торопову — за помощь в редактировании книги, всем своим друзьям и знакомым — за те знания и навыки, которые я передал героям, моей жене и детям — за моральную поддержку.

«После Курской дуги мы начали понимать, что стали сильнее, что можем бить немца, а немец уже не тот и Победа не за горами! И что ее приход — только вопрос времени. Сознание этого помогало нам работать с большим напряжением...

И только с приходом „кукурузника“ в душе появился безотчетный страх и сомнение в том, что выбрал нужное дело..., и хоть правление Хрущева продлилось недолго, ощущение победы, гордости за свое дело как-то сгладилось, ушло на второй план!»

Л. Горлицкий.

ПРОЛОГ

Из остановившейся неподалеку от милицейского оцепления новенькой «Волги» вышли, сопровождаемые веселым перезвоном наград, подобно чешуе старинной брони покрывавших их кители, двое ветеранов в элегантной, стального цвета парадно-повседневной форме бронетанковых войск. Один, помоложе, в звании генерал-майора, бережно поддерживал неуклюже выбиравшегося из дверей машины второго, более старого, со звездами генерал-полковника. Молодой достал из машины крепкую, инкрустированную и явно дорогую на вид палку и передал ее старику. Потом они оба двинулись к оцеплению: генерал-майор чуть впереди, за ним, слегка прихрамывая на левую ногу и опираясь на свою палку, генерал-полковник. Стоявшие в оцеплении милиционеры вытянулись в струнку и пропустили обоих, мельком посмотрев на прикрепленные к кителям значки пропусков. Генералы, не торопясь, отправились к лестнице, ведущей на левую гостевую трибуну Мавзолея.

Пока милиционеры оцепления пропускали пассажиров следующей машины, оба генерала успели подойти к лестнице и теперь бодро для своего возраста поднимались по ней, оба на одном уровне. Генерал-майор Колодяжный присматривал за прихрамывающим

генералом Ивановым и говорил, слегка понизив голос: «Ну, вот и дождались. Все прямо как вы и предсказывали, один в один».

Иванов, утвердительно кивнув, пробормотал себе под нос громким, услышанным Колодяжным шепотом: «Зря я что ли, сведения по Королеву и Брауну Мурашову сливал».

Колодяжный улыбнулся. Он уже давно привык к экстравагантным выходкам своего старшего товарища, да и к тому, что плохо слышащий Сергей постоянно попадал впросак, думая, что его шепот никто не слышит.

Поднявшись на трибуну, они, непрерывно здороваясь со знакомыми, прошли к своим местам и привычно стали ждать начала. Человеку, провоевавшему полжизни, ожидание дается легко и привычно, он знает, что надо терпеть, спокойно выжидая того, единственно правильного и нужного, момента, когда твои действия будут просто необходимы. Поэтому ни Колодяжный, ни Иванов не тяготились вынужденной отсрочкой, молча разглядывая, как бы рекогносцируя перед предстоящим боем всю Красную площадь, затянутую плакатами и украшенную кумачом флагов, со строящимися шпалерами почетного караула и суетой телевизионщиков.

Наконец по собравшимся внизу прошла волна оживления. Полуобернувшись, генералы увидели приближающиеся автомобили со стоящими в них людьми, плохо различимыми на большом расстоянии. Вот машины подъехали, и из них прямо на расстеленную ковровую дорожку выбрались три человека — двое в синей парадной форме Военно-Воздушных Сил и один в штатском костюме. Прибывшие построились клином и, четко печатая шаг, подошли к поджидавшей их внизу, напротив входа в Мавзолей, группе людей.

— Товарищ Председатель Совета Министров Союза Советских Социалистических Республик, экипаж Первой Лунной Экспедиции в составе командира экспедиции летчика-космонавта полковника Беляева, летчика-космонавта подполковника Леонова и космонавта-исследователя Буркотовского докладывает об успешном выполнении задания...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Бой идет святой и правый

Пушки бьют в кромешной тьме,
Бой идет святой и правый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на Земле.

Твардовский А. Ф.

30 декабря 1941 года. Москва

Недавно назначенный начальником Управления Особых отделов НКВД полковник ГБ Абакумов еще не полностью вник во все подводные течения и предпочел бы сейчас передать решение наркому внутренних дел. В трудных случаях он всегда старался получить от него совет. Все же член Ставки Верховного Главнокомандующего и член ЦК ВКП(б) знает намного больше любого наркома, а уж разбирается в интригах намного лучше своего заместителя. Жаль, сейчас из-за занятости Самого встретиться никак не получалось. А консультация требовалась срочно. Тем более что вопрос непростой, на всех относящихся к нему материалах стоит «контролька» личного порученца самого наркома товарища Мурашова. О нем-то Абакумов точно знал, что обычное дело под его надзор не попадает. И дело-то точно мутное, как сейчас принято говорить.

«Итак, посмотрим...

Полковник Мельниченко и подполковник Иванов — командир отдельной тяжелой танковой бригады и его заместитель стоят на особом контроле с июля сорок первого. Интересно, в самые напряженные дни, когда все внимание любого наркома сосредотачивалось только на военных вопросах, Лаврентий Палыч нашел время и заставил личного порученца заниматься какими-то окруженцами. К тому же имевшими на тот период звания всего лишь капитана и майора. А вот это вообще ни в какие ворота... Им в отдельный полк в качестве начальника Особого отдела был отправлен состоявший в резерве Берии целый капитан госбезопасности. Да, а Героев за успешный разгром штаба им так и не дали, только Красное Знамя. Ишь ты, и Мехлис отметился, „...по полученным от специального корреспондента „Красной Звезды“ сведениям вполне достойны присвоения звания Героя Советского Союза“. Ничего себе. Интересно, почему же тогда не утвердили представления? Два таких ходатайства — от НКВД и от ГлавПУРа. Похоже, кому-то из Наркомата поперек пошли. Да, кажется, вот ему и его группировке... Похоже, похоже... Хм, вон и со званием наших героев мурыжат, и корпус так и не дали. Так, а тут что? Да, все интереснее. Оказывается, они имеют отношение к директиве номер двадцать о реорганизации бронетанковых и механизированных войск. Каким боком? Ох ты. Еще и теоретики, с ума сойти. Так, а теперь „благодаря успешным действиям гвардейской отдельной тяжелой танковой бригады ликвидированы последствия прорыва войск генерала Гудериана“. И надо подписать характеристику от контрразведки. Правильно сделал Колыванов, что лично ему это дело передал. Мутное оно, даже слишком. Но пожалуй... а почему бы и нет... Эти товарищи не слишком авторитетны, и неизвестно, будут ли, а вот Мехлис и Берия... Да, надо ставить положительную резолюцию».

31 декабря — 1 января. Пос. Незнаменки. Сергей Иванов

Ну вот и Новый год на носу. Ё...ть, я уже и забыл, что всего полгода на этой войне. Кажется, так и жил всю жизнь здесь. Эх, как там сынишка? Узнать бы, как у него с учебой, чем дышит...

Хотя последнее время «Рыжий» и его экипаж, наша бригада и все происходящее намного реальнее всего, что было «там». Да и времени особо переживать нет. Вообще, война притупляет обычные человеческие чувства. Даже цвета становятся менее яркими, а звуки приглушаются. Причем организм автоматически выделяет из всей какофонии, присущей войне, самые опасные звуки, даже почти не слышные на фоне общего грохота. Интересно, помнится, в Афгане разговаривал с сослуживцами — то же самое. Адаптация человеческого организма к нечеловеческим условиям.

Ладно, посторонние мысли в сторону, скоро уже двенадцать пробьет. Вот, кстати, и шампанское открыли уже. Самое настоящее, «Вдова Клико». Никогда не думал, что удастся его попробовать, а тут трофей. Причем получается дважды — немцы его у французов захватили, а мы у немцев отобрали. Неплохо мы тогда под Кировом затарились. Пока конники Крюкова с нашим первым батальоном в лобовой атаке сковывали фрицевскую оборону, мы по лесам обошли и вдарили с тыла. Вот тогда и затрофеились, а крюковские кавалеристы вообще отличились — штаб отступающий вырубил вчистую. Потом оказалось, что штаб-то гудериановский. Сопротивлялись они упорно. Только вот против кавбригады образца сорок первого года из двух кавалерийских полков и танкового батальона на Т-34 и Т-50 продержаться долго не смогли. Да... и самого Гудериана позже... нашли. Вот и не будет теперь у немцев инспектора бронетанковых войск Гудериана, «отца панцерваффе», сумевшего поддержать боеспособность их танковых войск еще лишний год.

Нет, светлые головы у них точно найдутся, а вот авторитет... Его ничем не заменишь. Так что может и пройдет предложение о снятии с выпуска «четверок», и останутся фрицы с одними «пантерами» и «Тиграми». Хорошо бы!

Стоп, опять меня занесло. Вон Андрей уже встает и речь начинает. Ура, с Новым

годом! Ух, вкусно. Конечно, это не наша скороспелка из непонятого винограда, но все равно разница очень большая. Я вообще заметил с самого начала, что продукты здесь намного вкуснее. Экология, похоже. Черт, как бы еще ее сберечь, а то ведь после войны всем не до нее будет.

Праздничное настроение окружающих вызывает у меня очередной приступ ностальгии и даже злости. Бл... неужели и здесь начнется то же головокружение от успехов, что и у нас? Неужели летом придется отступать до Волги и биться за каждый дом в разрушенном до основания Сталинграде? Хотя недавно, например, мы получили новый приказ о применении танков, подобный «там» намного позже появился...

Андрей все же засек мое состояние и утащил из комнаты на улицу, «покурить». Да, сегодня редкий на войне случай, когда можно спокойно пообщаться тет-а-тет, не опасаясь окружающих. Всем сейчас не до нас, в небо одна за другой взлетают ракеты, даже с передовой не слышно постоянного грохота перестрелки. Немцы, наверное, тоже празднуют. Правда, у них Рождество больше отмечается...

— Что загрустил, Сергей? — голос у Андрея тоже, если вслушаться, не весел.

— Можно подумать, ты не ностальгируешь, — отвечаю с неожиданно прорезавшейся во мне злобой, — ё...ть, мы ж для наших, считай, умерли, как и они для нас. А ведь они где-то здесь, тремя минутами позже или с той стороны вакуума. Живут...

— Да брось, Серега, брось. Так можно хрен знает до чего додуматься...

— Ага, можно. Но дезертировать, даже в смерть, я не собираюсь, сам знаешь. Обидно только, что мы знаем многое, а вот сделать почти ничего не можем.

— Как не можем? Можем! И уже, считай, сделали многое. Думаешь, новые трансмиссии на танках просто так появились? Или твоя беседа с этим, как его, Шашмуриным, просто так прошла? Ты думаешь, откуда здесь АГСы? Ведь сам же рассказывал, что их не приняли на вооружение, а Таубина расстреляли. А здесь — вот они. Правда, всего шесть штук прислали, но ведь есть.

— Понятно, почему шесть. У нас они аж дороже ДШК и даже, кажется, сорокапятки стоили, под двадцать тысяч рублей. Интересно, почему здесь на это не посмотрели? Или конструкцию упростили?

— Может, конструкцию упростили или посчитали, что и при такой стоимости оправдывают себя. Заметь, прислали только нам и в соседнюю мотострелковую бригаду. То есть массовым оружием гранатометы не будут.

— Тэк-с, а ведь это точно наше влияние, — я оживляюсь, хандра понемногу отпускает. Да и выпитый после шампани спирт наконец-то «упал», в желудке здорово греет, а в голове начинает шуметь.

— Наше, не наше... Только вот, заметь, мехкорпуса вроде не расформировали, а просто реформировали. На всех танках спешно доработки делают, и Питер в осаду не попал. Ты как думаешь, наши вожди здесь сильно от «тамошних» отличаются?

— Думаю, нет... Во всяком случае, судя по встреченным мною генералам — люди те же, что и...

— Вот, я тоже такое подозреваю. А воюют лучше и нужные приказы на год раньше появились, и политика немного другая... Так что я думаю, наше минимальное воздействие все же удалось. И теперь надо его поддерживать. Да, я не рассказывал, как-то из головы вылетело — пока в госпитале был, сумел идею антибиотиков протолкнуть. Остатки таблеток в порошок стер и местному светиле медицины отдал. Доктор Белоусов аж подскочил. Правда, их и так в это время уже открыли, как я помню, но в Америке. Глядишь, тут и наши раньше появятся, Валерий Иванович мне умнейшим человеком показался.

— Ладно, ладно, прогрессор хренов. Не боишься, что завтра «васильковые околыши» появятся, и... «вывели болезного, руки ему за спину и с размаху кинули в черный воронок».

— Не думаю. Сам посуди, Серега, если бы нас хотели взять, давно бы уже взяли. Да и не до нас сейчас по большому счету. Война. Ну, воюем мы лучше всех — это раз. Проявили кое-какие аналитические способности — это два. Ну, засветили некоторые знания — три.

Подозрительно, но не более того.

— Так-то оно так, но... Тэк-с, а наши артефакты мы нигде не могли засветить? — пытаюсь оппонировать уже из чистой вредности.

— Не думаю. Да и спрятал я их надежно, не найдут. А после войны откопаем, как-нибудь в дело пустим.

— Это да, хотелось бы мне, чтобы наши микросхемы были не самыми большими, а самыми первыми в мире.

Дальше нам поговорить не дают, на улицу вываливается целая толпа подвыпивших, веселых командиров, и начинается тот беспорядочный пьяный треп, о котором наутро остаются только отдельные бессвязные воспоминания. Хорошо, что мы стоим во втором эшелоне...

15 января 1942 г. Штаб 1-й гвардейской отдельной тяжелой танковой бригады

— Товарищ полковник! Разрешите? — вошедший в кабинет Антон улыбался.

— Что случилось? Какую радостную весть принес, Антон? — спросил Иванов, вместе с Мельниченко, Колодяжным и Калошиным корпевший в штабе над планами боевой подготовки и проведения ремонтно-профилактических работ на технике бригады.

— Только что связист передал для вас, — и с той же улыбкой Антон подал Андрею бланк радиогаммы.

— Ничего себе! — воскликнул Андрей и зачитал вслух: — Поздравляем присвоением звания Героев СССР (подписи командующего, начштаба и ЧВС армии).

Все осторожно переглянулись. Странно. С чего бы вдруг командующий и начштаба, откровенно недоброжелательно относящиеся к командованию отдельной тяжелой танковой бригады, вдруг отправили радиогамму, да так срочно? Что за этим скрывается? Никто из присутствующих не успел отреагировать, как на пороге появился начальник Особого Отдела и, прямо от входа, сказал:

— Что, товарищи, получили новости? А мне уже по нашей линии весточка пришла. За успешные действия под Кировом наша бригада получила личную благодарность Верховного Главнокомандующего, Мельниченко и Иванов — Героя, а остальной командный состав — награды... Так что сегодня жду приглашения — смеясь, подошел к столу, пожал руки и поздравил каждого из присутствующих.

«[...] После наступления под Кировом для нашей бригады настало время получить пополнение. Оставшиеся целыми машины, кроме KB-2, мы передали сменившему нас танковому корпусу, в котором был отдельный тяжелый танковый полк.

Разместившись в бывшем санатории, мы получили возможность впервые за месяц нормально отоспаться и помыться в бане. Несколько дней отдыха, какое воистину райское наслаждение для фронтовика... Но отдых был недолгим. Получив пополнение и дополнительную технику, проведя несколько занятий по сколачиванию подразделений, мы снова отправились в бой, на этот раз под ..., на усиление Второй Ударной Армии. Опять бои и потери... Наша бригада, как всегда, шла на острие наступления, прорывая оборону противника на самом трудном участке. [...]

Наконец бригаду, или точнее ее остатки, вывели из боя. [...]

Но вот мы дождались поступления новой техники. Танки с экипажами и без них пришли одним эшелоном, поэтому потрудиться пришлось всем. Вместе с танками прибыла и небольшая бригада заводчан, которая помогала нам осваивать новые машины.

Танки KB-15 с новой, 122-мм пушкой намного повысили возможности тяжелых танковых батальонов, а штурмовой батальон, переименованный в

танкосамоходный, получил, кроме KB-2С, еще и новые, недавно сконструированные нашими инженерами самоходно-артиллерийские установки СУ-152. Они были проще в производстве, чем наши „двойки“, но размещение орудия в неподвижной рубке снижало возможности этих прекрасных машин в ближнем бою. [...]»

Серия «50 лет Победы». Генерал-лейтенант Махров П. П.

«В вихре войны. Воспоминания о боевом пути 1-й гвардейской тяжелой танковой бригады имени Ф. Э. Дзержинского». М.-Л., 1964 г., переиздано в 1994 г.

«Главная цель гитлеровских войск в летней кампании 1942 г., судя по документам германского генерального штаба и высказываниям руководителей фашистской Германии, состояла в том, чтобы окончательно разгромить Советские Вооруженные Силы и закончить в этом году войну против СССР. Это, в частности, видно и из директивы немецкого командования № 41 от 5 апреля 1942 г., излагавшей общий замысел летнего наступления немецко-фашистской армии на Восточном фронте и план главной операции. В директиве говорилось: „Как только условия погоды и местность будут благоприятствовать, немецкое командование и войска, используя свое превосходство, вновь должны захватить в свои руки инициативу и навязать противнику свою волю. Цель состоит в том, чтобы окончательно уничтожить живую силу, остающуюся еще в распоряжении Советов, лишить русских возможно большего количества важнейших военно-экономических центров. Для этого будут использованы все войска, имеющиеся в распоряжении германских вооруженных сил и вооруженных сил союзников“. В директиве указывалось на необходимость придерживаться „первоначальных основных целей восточного похода“.

Однако фашистская Германия уже не могла развернуть наступление одновременно на всех стратегических направлениях, как она это сделала в начале войны. Ее войска были теперь прочно скованы на всем огромном, фронте от Баренцева до Черного моря. Гитлеровское командование надеялось достичь успеха проведением последовательных наступательных операций. „Первоначально — указывалось в директиве № 41 — необходимо сосредоточить все имеющиеся силы для проведения главной операции на южном, участке фронта с целью уничтожить противника западнее р. Дон, и в последующем захватить нефтяные районы Кавказа и перевалы через Кавказский хребет.“»

«История Великой Отечественной войны Советского Союза». Т. 2. М., 1965 г.

22 июня 1942 г. Штаб группы армий «Юг»

— Итак, майне херрен, — генерал фон Зондерштерн, начальник штаба группы армий «Юг», типичный прусский генштабист еще кайзеровского разлива, осмотрел присутствующих и остановил взгляд на представителях абвера, — что нам скажет разведка?

— Господин генерал, господа. — Подошедший к висящей на стене огромной карте разведчик походил на начштаба как брат-близнец. Впрочем, это было понятно — он тоже был из офицеров генерального штаба, хотя и другой, бывшей австро-венгерской, армии.

— Нашей агентурной разведкой установлено прибытие на Юго-Западный фронт дополнительных резервов, в том числе танкового и кавалерийского корпусов и не менее двух отдельных танковых бригад. Резервы сосредоточиваются в районах Белгород, Приколотное, Купянск. Радиоразведкой выявлена активизация противника в районе Богодухов. Возможно, готовится контрудар. На остальном фронте никаких изменений не выявлено.

Коллеги из «Бранденбурга-800» уже подготовили несколько групп «охотников за штабами» и, начиная с 23-го числа, будут проводить их заброску на территорию противника. Кроме того, мною выдан запрос на привлечение к освещению обстановки наших глубинных агентов. Пока ответа на него не поступало.

— В таком случае, господа, предлагаю, — договорить генерал не успел: в помещение вошел радист, передавший ему срочную радиограмму.

— Господа, после взятия Херсона и Мелитополя ОКВ принято решение разделить группу армий «Юг» на две. Поэтому совещание прекращаем, через... три часа подготовить соображения по своим отделам. Необходимые данные получите через полчаса у оберста Пфферцегентакля. Все свободны...

Негромко обсуждая новости, офицеры штаба группы покидали зал совещаний, устроенный в бывшем спортзале местной школы. Одновременно в зале появились солдаты, под руководством одного из лейтенантов убиравшие карты и схемы, наводившие порядок на столах и расставлявшие стулья.

Подполковник фон Лахузен-Вивремонт, только что докладывавший разведданные, тоже получил соответствующую телеграмму, только в кодированном виде. Его сообщения шифровались дважды, армейским и личным кодом, во избежание малейшей утечки информации. Поэтому он первым делом зашел в свой кабинет, где лично расшифровал полученное сообщение. Похоже, новости, заключенные в телеграмме, были очень неплохими, потому что повеселевший подполковник вызвал своего доверенного офицера, тоже австрийца, и достал из сейфа бутылку французского «Камю».

Вошедший в кабинет капитан Данкль удивленно посмотрел на стол шефа, затем понимающе улыбнулся и защелкнул замок в двери.

— Итак, херр оберстлейтенант, удалось? — спросил он, хитро подмигивая и показывая на бутылку.

— Да, гауптман, более чем. Получены известия из Берлина. Впрочем, сначала надо отметить это дело, — улыбнулся подполковник, жестом предлагая капитану разлить коньяк по специальным коньячным бокалам. Разлив «на полпальца», тот передал один бокал подполковнику, а второй взял сам. Согревая напиток в руке и слегка покачивая бокал, чтобы уловить букет, младший по чину вопросительно смотрел на веселого начальника. Фон Лахузен усмехнулся еще раз и, сказав: «Прозит!», чокнулся, отпил глоток действительно неплохого коньяка. Потом потянулся, как кот, заглотивший сметаны, и продолжил: — «Вайс» все-таки внедрился. Туда, куда мы и планировали. Теперь имеет возможность подать своему новому «начальнику» необходимые нам бумаги. И, пожалуй, эта необходимость скоро появится — наши «друзья» прибыли сюда. Один все так же командует кавалерийским корпусом, второй — бригадой. Но оба очень и очень опасны. Надо их срочно нейтрализовать.

— Вы уверены, что это удастся? Не лучше ли, если «Вайс» будет просто поставлять нам информацию. Место у него сейчас выигрышное, а что касается вашего плана — русские сейчас не столь подозрительны и не станут хватать своих офицеров только по политическим мотивам, особенно если они хорошо дерутся на фронте.

— Увы, Данкль, вы так и не поняли основной идеи. В бумагах будут намеки, что фигуранты копают именно под «начальника», используя столь модные у русских политические обвинения. Учитывая характер «шефа» и его старые политические ошибки, мы можем быть уверены, что это сработает. Спецы из А-1 проанализировали множество захваченных бумаг и установили, что он во время их «ежовщины» в первую очередь убирал возможных соперников. Так что вывод однозначен — операция должна удался.

— Тогда тем более нужно допить этот славный напиток! За успех! Прозит! — поднял бокал Данкль.

«Вертолет¹ АК.

Под влиянием успешного боевого применения эскадрильи А-7-3а заместителем наркома авиационной промышленности Яковлевым А. С. было принято решение о выделении дополнительных ресурсов для разработки новых вертолетов и винтолетов. На основании этого решения в конце 1941 года Комовым и Милем были начаты работы по усовершенствованию вертолета „А-7“, завершившиеся созданием „прыгающего“ вертолета. Названный „артиллерийским корректировщиком“ — АК, вертолет оснащался лендлизским двигателем Pratt & Whitney R-1340 мощностью 500 л.с. и имел управление несущим винтом с помощью автомата перекоса, меняющего циклический шаг винта. [...] Скорость вертолета изменялась в пределах от минимальной в 25 км/час до максимальной в 220 км/час. [...]

Предусматривалось вооружение из двух пулеметов ШКАС и одного УБТ или из двух УБ, 400 кг бомб (в перегрузку до 600) или 8 НУР РО-132 (РО-82). Несколько позднее в КБ Таубина начались разработки специального авиационного варианта автоматического гранатомета „Василек“ для вооружения вертолетов и перспективных вертолетов. Первые опытные стрельбы гранатомета, получившего индекс 9-А-17 и название „Пламя“, состоялись весной 1943 года с вертолета АК. Кроме вооружения, рассматривалась возможность использования подвесных контейнеров конструкции Гроховского для перевозки до 200 кг груза или одного человека в каждом контейнере. [...]

В. Б. Шавров. «История конструкций самолетов и винтолетов СССР». Т. 2, 1939–1951 гг, М.1982 г.

25 июня 1942 г. Украина. С. Приколотное. Сергей Иванов

«Унтер-офицер Генрих Хёфемейер привычно осмотрелся вокруг, стремясь обнаружить любую возможную опасность. Но в чистом, всего лишь с несколькими небольшими перистыми облачками летнем небе видны были только свои. Ни одного самолета „иванов“, ни истребителей, ни даже бомбардировщиков. Кажется, этот вылет обещает быть скучным. Возможно, оно и к лучшему: несмотря на устарелую технику и недостаток опыта, русские дрались с фанатизмом, до последнего самолета и уже подбили несколько машин их гешвадера. Передав условной фразой командиру группы, что горизонт чист, Генрих бросил взгляд на проносившуюся под крылом самолета землю. Там, среди леса, вилась дорога, служившая одним из ориентиров. Внезапно он заметил на дороге автомобиль. Судя по предполетным указаниям, немецких войск в этом квадрате быть не должно, и Генрих опять нажал на тангенту рации:

— Четвертый, я — Шестой, наземная цель на один час. Автомобиль тормозит, явно пытается скрыться. Прошу разрешения уничтожить.

Четвертый, обер-фельдфебель Хайнике, откликнулся практически сразу:

— Шестой, наших здесь нет. Разрешаю вам с „Седьмым“ один заход.

Переведя свой „Фридрих“ в пологое пикирование, Генрих откинул предохранители пулеметных гашеток и слегка повернул самолет, вписывая в прицел практически остановившуюся машину, из открытых дверей которой вдруг начали выскакивать маленькие фигурки. Выпустив очередь, Хёфемейер перешел в набор высоты, проконтролировав результат по зеркалу заднего обзора. В нем отразились поднимающиеся от автомобиля клубы дыма. Конечно, неплохо бы пройти второй раз по разбежавшимся „иванам“, но ведущий разрешил всего один заход, к тому же группа стремительно удалялась. Генрих

¹ Название автожира — «вертолет», встречается в документах 30-х годов, с 1944 года принято в СССР в качестве основного. Геликоптеры (вертолеты) с этого же года называются винтолетами.

добавил оборотов и начал догонять идущие на крейсерской скорости самолеты штаффеля...»

Резко выныриваю из сна, рука машинально сжимает рукоятку ППК а в голове все еще крутится картинка горящего автомобиля с Егорычем внутри. И, самое странное, я помню ощущения полета, плавный спуск пулеметной гашетки и даже имя этого немецкого летчика. Что за ерунда, глюки или...? Черт, это что, теперь каждый год такие кошмары ждать?

Осторожно осматриваю комнату и прячу пистолет под матрац. Я, конечно, не параноик, но «береженого бог бережет». Мурка, лежащая неподалеку от подушки, ненадолго просыпается, недовольно глядит на меня и, потянувшись, снова сворачивается калачиком и засыпает.

Сон пропал, да и подпирает внизу живота, поэтому быстро набрасываю форму и выбираюсь на улицу. Лунный свет заливает двор и стоящий рядом танк, около которого прохаживается часовая. Ухожу в другую сторону, к стоящим во дворе «удобствам» и, сделав необходимые дела, неторопливо возвращаюсь к дому. Подумав, присаживаюсь на скамеечку у крыльца и закуриваю. Да, уже год, как мы здесь. Здесь, хорошо сказано. А где находится это «здесь», не скажет никто. Одно ясно — мир все же не совсем наш, хотя и очень похож. И мы сможем сделать его немного лучше. Во всяком случае, уже сейчас видно, что война пошла совсем по-другому. Да, немцы наступают и даже сумели взять Харьков. Но когда? Только сейчас, в конце июня сорок второго! Вот что значит вовремя песочку в буксы подсыпать, хе-хе. Правда «песочку» все равно недостаточно оказалось, наше наступление зимой и весной сорок первого — второго закончилось так же, как и в другом варианте истории, немцы окружили наступающую группировку на юге и сейчас продвигаются дальше. Вот нашу бригаду и перебросили опять на Юго-Западный фронт, на усиление. Прибыли мы два дня назад, но пока попали в резерв. Так что сейчас наслаждаемся относительной тишиной и спокойствием тыла.

Докурив, бросаю окурочек в ведро с водой и иду досыпать. Надо отдохнуть, пока есть возможность, до этого некогда было. В конце наступления в Калужской области, когда от нашей бригады остались рота танков и меньше батальона мотострелков, нас опять отвели на переформирование, пополнили, а потом опять бросили в наступление. Лишь теперь, после очередного переформирования, мы снова вернулись на Украину. А дела здесь не очень, все же наши сумели опять зарваться. Наше наступление на Киев фрицы остановили и ухитрились два котла устроить — один под Киевом, другой здесь, под Харьковом. Поговаривают, что командарма Власова они в плен взяли. От судьбы, видать, не уйдешь, да.

Опять потревожив недовольную Мурку, укладываюсь спать. Но выспаться сегодня мне явно не суждено. В дверь стучит посыльный, и мы с Андреем дружно вскакиваем...

«К началу нашего контрнаступления немецко-фашистские войска продвинулись до линии Холм — Зубцов — Можайск — Малоярославец — Кондрово — Сухиничи — Карачев — Гомель — Брагин — Остер — Ромны — Дубны — Черкассы — Одесса. [...]

3 октября командующий четвертой армией Ключев в своем докладе командованию группы армий „Центр“ о боях в районе Можайска и под Обнинском сообщал, что войска армии находятся в исключительно тяжелом положении и что помочь им за неимением сил невозможно. „Боеспособность 57-го и 20-го корпусов настолько упала, — отмечал Ключев, — что в оперативном отношении они больше не имеют никакого значения... Потери в людях просто колоссальны“. Так закончилось последнее наступление немецко-фашистской армии на Москву. Советские Вооруженные Силы выиграли оборонительное сражение. Ударные вражеские группировки были обескровлены и лишены возможности продолжать наступление.

Провал немецкого генерального наступления „Оркан“ явился крупнейшим событием летне-осенней кампании 1941 г. на советско-германском фронте. Этот неожиданный для немецко-фашистского командования поворот событий под Москвой имел далеко идущие последствия. Стратегия „молниеносной войны“,

лежавшая в основе всех кампаний, осуществленных фашистской Германией в Европе, оказалась несостоятельной в войне против Советского Союза. [...]

Поступление в действующую армию новой боевой техники, маршевого пополнения, новых частей и соединений, а также дополнительный ввод в сражение резервных армий оказали большое влияние на изменение общего соотношения сил на советско-германском фронте. К 1 ноября 1941 г. немецкая армия уже утратила былое превосходство над советскими войсками. Разрабатывая план зимней кампании, Ставка Верховного Главнокомандования предполагала прежде всего решить следующие оперативно-стратегические задачи: ликвидировать угрозу, нависшую над советской столицей и освободить Киев. Для этого намечалось разгромить ударные группировки врага, наступавшие на Москву, а также группировку в районе Ромны — Дубны. [...]

Главный удар Ставка Верховного Главнокомандования намечала нанести на западном направлении. Именно здесь, на подступах к столице нашей родины, где гитлеровское командование, сосредоточив основные силы армии, пыталось решить исход войны в свою пользу, и предполагалось развернуть большое зимнее наступление Красной Армии. [...]

Наше контрнаступление позволило отбросить противника на 50-300 км к западу. [...]

«Краткий очерк истории Второй мировой войны» под ред. полк. Гареева М. С., М., 1975 г.

25 июня 1942 г. Украина

С кружащего над равниной автожира, несмотря на небольшую высоту полета, хорошо видны пылящие по дорогам колонны. Стрелок-наблюдатель, внимательно рассмотрев обстановку, передает по радию:

— «Третий», я — «Орел». Две колонны, обе до усиленного танкового батальона на параллельных дорогах. Правая отстает...

В этот момент летчик заложил правый вираж и снизился еще больше. Стрелок-наблюдатель оторвался от радиации и перехватил рукоятки спаренного ШКАСа, разворачивая турель навстречу появившимся «мессерам»...

— Так, е...ть, похоже, мы попали в переplet, — отреагировал на полученное известие Сергей Иванов, отпустив тангенту СПУ: — Подумаем.

Посмотрев карту, он прикинул расстояние до ближайшей развилки, у которой цепь холмов, прикрывающая разбитую, пыльную дорогу, прерывалась. Пыль, висящую над колонной, относил ветром влево, и она не мешала Сергею, сидящему в открытом люке башни. Внезапно его лицо просияло и, хлопнув себя по лбу, он проорал: — Эврика! — одновременно убирая карту и переключаясь на связиста.

— Алексей, дай Шестого и Семнадцатого. Ответили? Отлично. Внимание, говорит Третий. Справа и слева по параллельным дорогам движутся колонны силой до батальонной группы каждая. Действуем так...

Колонна усиленного батальона разворачивается в боевой порядок в соответствии с полученным приказом. Спешно маскируются на позициях гранатометы и пулеметы, мелькает выбрасываемая из-под саперных лопаток земля. Танкодесантники готовятся защитить атакующий батальон от удара с тыла. В кустарнике, сбоку от танкоопасного направления, где маскируются пять самоходок, работами руководит командир противотанкового дивизиона капитан Колодяжный. А танки, за исключением двух КВ-15, оставленных для поддержки пехоты, подчиняясь ранее отданному приказанию и сигналу командирских флажков «Делай, как я», разворачиваются в две боевые линии — девятнадцать КВ-15 впереди и шесть КВ-2с сзади. В наушниках радистов уже слышен вой помех, верный признак приближения немцев. Новинки они внедряют быстро, вот и радиоэлектронная

борьба недолго оставалась для них откровением, так что теперь и немецкие, и советские войска старательно глушат радиодиапазоны противника. Хотя не всегда это удается, и те и другие старательно дорабатывают свою радиоаппаратуру, расширяя диапазон используемых частот, улучшая качество деталей, а следовательно, и качество связи.

Не успели немецкие дозоры отогнать неожиданно появившихся русских разведчиков, не успел как следует разгореться подбитый разведывательный броневик, как на них накатился вал атакующих тяжелых танков. Дозоры оказались слишком слабы, чтобы отразить атаку, ведь воздушная разведка немцев докладывала об отсутствии значительных сил противника в этом районе. Помехи и скорость атаки не позволили оповестить командование колонны, и на ее поспешно разворачивающиеся силы обрушились тяжелые русские «чемоданы». «Иваны», обстреляв колонну, сразу уничтожили передовые танки и часть тягачей со стопятимиллиметровыми гаубицами.

Даже понесшие тяжелые потери и ошеломленные неожиданностью атаки немцы отчаянно сопротивляются. Гвардейцы же, четко выполняя заранее доведенный план атаки, давят и давят. Тяжелые двадцатидвух- и стопятидесятидвухмиллиметровые снаряды проламывают броню, рубят осколками пушечные стволы, переворачивают бронетранспортеры и разносят на куски автомобили. Но и у наших появились потери. Длинноствольные пушки новых модификаций «трешек» и «четверок» не менее опасны для КВ, хорошо, что в атакованной колонне их немного. Вот застывает один танк, за ним загорается другой. Один из КВ-15, получив попадание семидесятипятимиллиметрового снаряда, достигшего боекомплекта, застывает и через секунды взрывается. Его башня, подскочив, падает вниз и свисает с корпуса, наклонившись вперед и упершись покореженным стволом в землю. Но даже отдельные потери не меняют ничего в общей картине наступающего для немецкой колонны большого северного лиса. Кажется, спастись не удастся никому, но, как всегда на войне, внезапно все резко меняется.

Командовавший кампфгруппой генерал Байерляйн понял, что со второй колонной его войск творится что-то неладное, задолго до прибытия посыльного, различив вдали, на горизонте, дымовые столбы горящей техники. Приказав развернуть свою колонну в боевой порядок и двигаться на дым, генерал вызвал мотоциклиста и отправил донесение в штаб дивизии, еще раз вспомнив недобрыми словами русские «глушилки», прервавшие радиосвязь. Не успела колонна полностью развернуться, как передовой дозор наткнулся на подготовленную оборону противника, и пошла «вторая гусарская потеха».

Командир взвода тяжелых танков, гауптман Ганс Хенске, с нетерпением ждал команды выдвинуться из резерва в бой. А бой, судя по всему, трудный. Русские, как всегда фанатично, дерутся за каждый кусочек земли. Впрочем, те, кто не хочет драться, бежать все равно не могут. Всем известно, что сзади боевых частей еврейские комиссары выставляют заградительные отряды, обязанные расстреливать отступающих. Недавно в «Фелькишер Беобахтер» целая статья была про это, с подлинных слов пленных написанная. Ганс даже их фамилии запомнил, слишком уж они необычные, Пиотрофф и Варсоноффиефф. Все-таки гауптман Хенске не простой офицер, он в свое время и в университете начинал учиться, только фатерлянд сказал — надо, и пошел он в военное училище.

Вот наконец и посыльный. Понятно, выдвинуться с правого фланга и зайти в обход атакующим русским танкам. Оу! Сейчас порезвимся. У «иванов» нет ничего сравнимого с новейшим достижением арийской конструкторской мысли, даже их тяжелые «Клим Ворошилов» «Тигр» больше чем с полукилометра бьет, как сидящих уток.

— Вперед! — дает команду Ганс, радостно улыбаясь в предвкушении веселой охоты. Однако бой складывается совсем не так, как планировалось. Нет, первоначально, неожиданно появившись из-за холмов, «Тигры» практически безнаказанно расстреляли несколько неуклюжих тяжелых русских танков. Однако, оказывается, эти русские танкисты опытнее и хитрее по сравнению с встречавшимися ранее. После того как загорелась седьмая или восьмая подбитая огнем «Тигров» машина, откуда-то сбоку внезапно открыли огонь из пятнадцатисантиметровых орудий спрятанные в засаде русские танки. Хенске еще заметил,

как от удара в лоб сползает назад башня одного из его танков, как, получив два русских «чемодана», застывает второй, как механик-водитель сообщил, что двигатель обрезало.

— Эвакуируемся! — крикнул Ганс, экипаж дружно выскользнул в открытые люки и побежал, петляя и пригибаясь, не жалея ног, вслед за отступающей пехотой.

26 июня 1942 г. Украина. Сергей Иванов

Очередной раз толстая полярная лисица, поглядев нам в глаза, скрылась за горизонтом. Не успели мы первую колонну добить, как посыльный пес примчался, пехоту полсотни танков и панцергренадеры атаковали. Пришлось, оставив как заслон разведчиков Олеговича с частью в основном поврежденных КВ для огневой поддержки, разворачиваться назад.

А там..., мама моя родная! Как говорил капитан Копылов, на войне всегда много только солдат противника. Тут же их не просто много, а очень много. Горят кусты, горят танки, горит, кажется, сама земля. Обе «двойки», которые для поддержки оставались, подбиты, и только Колодяжный со своими самоходками еще держится, видно это по тому, что немецкие танки иногда вспыхивают. Мы, конечно, сразу постарались танки проредить. А противник-то серьезный попался, практически все с длинноствольными пушками, так что нам тоже досталось. Но все ж ленинградская да уральская броня покрепче будет. Начали мы их теснить, даже пехота, что в окопы кое-где ворвалась, назад рванула. И тут... Из-за холмов выползла пятерка неизвестных, угловато-агрессивных, тяжелых даже по внешнему виду немецких танков.

Я от неожиданности присвистнул и в ТПУ включенное сказал: — «Тигры», однозначно.

— Что за тигры? — спросил мой командир орудия, сержант Пушкин.

— Нах... Тяжелые танки немцев справа! — Пока мы разговаривали, эти с-с-...самки собаки сразу три танка первым залпом подожгли. Нас же основные силы немцев сковывали, не выйдешь из боя просто так. Вот тогда вдруг мне и показалось, что мы все на этом поле останемся. Только тут вдруг по ТПУ радист на связь выходит. Оказывается, посыльный нас нашел, еще один батальон на подходе и через десять минут атакует с левого фланга. Что же, времени как раз хватит, чтобы взводом попробовать к «Тиграм» ближе подойти. Сигнал флажками дал, и за мной еще две «двойки» да две уцелевшие самоходки поехали. Тут-то мы им и показали, что против лома нет приема. Вместе с самоходками три танка на ноль помножили, еще одному пушку и ходовую повредили, а пятый сломался, похоже, сам встал и от него танкисты, как тараканы, рванули в разные стороны.

В общем, осталось поле боя за нами. Преследовать фрицев мы далеко не стали, заняли село Пятихатки, да вперед километров на десять продвинулись, там и окопались. Немцы потом атаковать пытались, но мы уже наготове были. Не понравились им наши тяжелые снаряды, сразу видно было. Отошли быстро, только артиллерия нас подавить и пыталась. Ну, наши «боги войны» тоже не лыком шиты, а уж на контрбатареиную борьбу мы с Андреем специально внимание обращали. Так что вчера и сегодня с обеих сторон гремят выстрелы и рвутся снаряды, а пехота и танкисты как можно глубже зарываются в землю.

В целом у меня остается впечатление, что наши артиллеристы и приданный дивизион корпусных пушек-гаубиц артиллерийскую дуэль все же выигрывают. Хуже с авиацией, «сталинских соколов» почти не видно, и немцы несколько раз бомбят как передовую, так и артиллерийские позиции. Утешает одно, наше направление, по-моему, фрицы главным не считают и поэтому самолетов на нас бросают немного. Так что на передовой дела постепенно устаканиваются, и к вечеру мне удастся вернуться в село, где уже разместился штаб бригады.

Совершенно измотанный добираюсь до отведенной для постоя избы. «Рыжего» остальной экипаж обихаживает в заранее отрытом для него саперами капонире. Хорошо все же служить в командирской машине, остальные танкисты роют себе укрытия своими силами

и не здесь, а на передовой, которая негромко гроыхает в десятке километров отсюда.

В избе меня ждет Антон, расстаравшийся для меня и Андрея, приготовив две импровизированные постели, и смотрящие с русской печки несколько малышей. Сидящая у меня на плече Мурка вызывает среди детей оживление, а уж когда появляется Андрей с Ленгом, творящееся на печке просто не поддается описанию. Особенно когда Ленг, спокойно обнюхав нисколько этим не потревоженную Мурку, невозмутимо отходит и ложится у дверей. Видно, что только страх перед незнакомцами мешает ребятам разразиться удивленными криками и тучей вопросов.

К сожалению, нормально поужинать не дают немецкие авианалеты. Сначала прилетает почти два десятка пикировщиков, которые с воем моторов сбрасывают бомбы на окраину села, возле капониров с техникой, а потом обстреливают пулеметным огнем избы. Едва мы выбираемся из щелей и возвращаемся в дом, как снова появляются вражеские самолеты. На этот раз звено «мессеров», внезапно выныривает откуда-то из-за леса и, стреляя из пушек и пулеметов, на бреющем проносится над селом, сбросив несколько пятидесятикилограммовых, судя по взрывам, бомб. «Мессерам» везет меньше, чем «юнкерсам», наши зенитчики встречают их ливнем огня из всех стволов. В результате один из налетчиков, словив несколько очередей, падает сразу за окраиной. Остальные уходят и, похоже, уже не вернутся, потому что на закатном небе я успеваю заметить мчащиеся им вслед знакомые силуэты «яков». Успокоив детишек печеньем из допайков и слегка перекусив сами, заваливаемся спать. Завтра опять предстоит трудный день. Один из тех тысячи с лишним дней войны, которые должны привести нас в Берлин.

27 июня 1942 г. Москва. Кремль

— ...Таким образом, несмотря на то, что обстановка остается сложной, можно констатировать, что за истекшие сутки наши войска сумели остановить наступление противника.

В качестве трофеев захвачены два новейших германских танка, один из которых в полностью исправном состоянии. Танки отправлены для изучения в Кубинку.

— Харашо, товарищ Василевский. Новейшие танки... Значит ли это, что нэмцы твердо решили наступать на юге? Что скажет товарищ Берия?

— По нашим данным, так и есть, товарищ Сталин. Сведения подтверждает как агентурная разведка, так и органы «Смерш». Немцы перебросили на юг большую часть резервов, а их шпионская сеть на юге активизирована.

— Это интересно. То есть нэмцы решили получить украинский хлеб, уголь и сталь для дальнейшего ведения войны?

— Товарищ Сталин, по нашим сведениям, они планируют прорыв к Волге и на Кавказ. Хотят отрезать нас от нефти и южного ленд-лиза.

— Хотят-то они хотят, но мы вед можем не позволить. Так, товарищи?

Обсуждение возможных вариантов действий немецко-фашистских войск и наших ответов на них затянулось. Наконец все было решено, и вновь расхаживающий по кабинету товарищ Сталин начал раскуривать свою любимую трубку. Внезапно он остановился за спиной Берии и спросил, глядя на Василевского:

— А как наши танки показали себя в бою против немецких?

— Плохо, товарищ Сталин, — покраснев, правдиво ответил, вставая, Василевский.

Тяжелые танки противника смогли уничтожить вдвое больше наших новейших КВ-15, и только умелое использование танков КВ-2С позволило уничтожить три из пяти участвовавших в бою немецко-фашистских танков. Два танка, как я уже докладывал, захвачены, причем один в исправном состоянии.

— Это харашо. Кто конкретно отличился в бою?

— Товарищ Сталин, в бою участвовали подразделения первой гвардейской тяжелой

танковой бригады гвардии полковника Мельниченко.

— Мельничэнко? Это командир тяжелой танковой бригады, который отличился в боях против Гудериана, командуя подвижным отрядом армии, фактически сводным механизированным корпусом?

— Так точно, товарищ Сталин!

— Героя он получил за это, если я не ошибаюсь?

— Да, товарищ Сталин, — подтвердил нарком внутренних дел, опередив Василевского.

— А почему тогда он до сих пор не командует корпусом?

— Есть неясности в его биографии, товарищ Сталин. Кроме того, он и его окружение находятся на контроле, товарищ Сталин. — Опять пришел на выручку Василевскому Берия, помнивший, что Хозяин в деле «Припять» осведомлен и, значит, эти вопросы задает лишь для уточнения какого-то собственного решения.

— Нэ понял? — ИВС, прищурившись, оглядел присутствующих начинающими поблескивать желтыми тигриными глазами, отчего все, на кого падал взгляд, невольно съеживались. — Он что, плохо воюет?

— Нет, товарищ Сталин, хорошо, но... — начал Василевский.

— Он что, нэ справляется с корпусом?

— Справляется, т... товарищ Сталин. — Василевский выглядел уже менее уверенным.

— И, как я помню из ваших докладов, импровизированным. Как вы думаете, если дать ему штатный корпус, он будет воевать лучше?

— Так точно, товарищ Сталин.

— Тогда Ставка считает, что надо так и поступит.

— Но, товарищ Сталин, у нас нет свободных корпусов...

— Тогда надо сформировать новый, присвоив ему звание Третьего гвардейского механализированного корпуса, вместо разбитого под Киевом.

Через пятнадцать минут заседание Ставки заканчивается, и все встают, собирая бумаги. Все, кроме Сталина. Иосиф Виссарионович, кажется, полностью поглощен чисткой трубки, но едва Берия начинает подниматься из-за стола, он, не отвлекаясь от манипуляций с трубкой, негромко говорит:

— А вас, товарищ Берия, я попрошу остаться.

Едва все выходят из кабинета, как между двумя оставшимися в нем людьми начинается долгий разговор на грузинском языке. О чем говорят руководитель Советского Союза и его верный соратник, для русскоязычного наблюдателя осталось бы непонятным, если бы не мелькающее среди прочих слово на русском — «Припят». Похоже, разговор идет все же о деле «Припять», хотя разве может столь незначительная проблема занимать время столь высокопоставленных лиц.

«Воздух! Сов. секретно. Штаб ЮЗФ т. т. ...

Решением Ставки 1 зв. ОТТБР должна быть при первой возможности выведена боев, отправлена переформирование ... сохранением штатной техники. Невозможности доложить причины.

Павлов».

«Совершенно секретно. Дело „Припять“

Приложение № 13 Экз. единственный.

Донесение агента „Змей“.

Осмотренная мной собака, несомненно, относится к породе туркестанская (среднеазиатская) овчарка. Тип сложения собаки — грубый, близкий к крепкому.

Тем не менее движения собаки характерны скорее для крепкого, или даже для лептозомного типа сложения. Цвет — достаточно редкий, однотонно

черный, без единого пятна другого цвета. Рост — необычайно большой, по моим оценкам, около 96 см в холке, что примерно на 16 см выше самого высокого (зафиксированного на данный момент) представителя данной породы.

Обращает на себя внимание уровень дрессированности данной собаки. Он соответствует уровню хорошей служебной собаки, например немецкой овчарки, и совершенно недостижим для данной породы. Могу предположить либо крайне высокий уровень интеллекта данного экземпляра, либо, более вероятно, неизвестную мне методику дрессировки собак породы среднеазиатская овчарка».

27 июня 1942 г. Юго-Западный фронт. С. Пятихатки. Сергей Иванов

Нет, не нравится мне, что немцы очередной раз бомбили район штаба. Неточно, конечно, мы все же хорошо маскируемся, но это уже звоночек очень тревожный. После того как мы штаб немецкой дивизии разгромили, а во время Вяземско-Козельской операции конники полковника Крюкова штаб Гудериана под Кировом поймали во время передислокации, и наши, и немцы устроили буквально охоту за штабами. Специальные диверсионные группы, авиационные наводчики, выделяемые для бомбежки штабов бомбардировщики, ...не зря я ночью трофейный ППК под подушкой держу, а у изголовья трофейный же МП40. Не зря взвод охраны вдвое по штатам увеличили и даже две счетверенки в его состав включили. Надо, пожалуй, начальника разведки бригады настропалить... Ага, вот и он легок на помине. Здравствуемся.

— Сергей Олегович, ты о бомбежках штаба что думаешь? — спрашиваю.

— А что тут думать, трясти надо, — отвечает старший лейтенант Сергеев.

Смеемся. Рассказанный как-то в минуту отдыха старый анекдот про разницу поведений обезьяны и царского офицера популярен в бригаде.

— Уже усилил патрули взвода охраны своими молодцами, сейчас они все село и окрестности начинают прочесывать. Номоконов вчера в роще «Круглая» нашел гильзы от ракетницы, — продолжает тезка. — Подполковнику Калошину доложили.

— Ага, отлично. Да, а комбриг где, не знаешь?

— Убыл «на передок», после обеда будет.

— Ясно. Ну что же, действуйте.

Не успеваю распрощаться с Сергеевым, как мне навстречу попадает командир ремонтной роты, старший лейтенант Телепнев. С ним вместе и заходим в штабную землянку, добротную, отделанную деревом. Молодцы саперы, грамотно использовали несколько воронок и бывший погреб, выкопав на их месте почти дворец по фронтовым меркам. Да уж, если нагрянет какой-нибудь вышестоящий штаб, нас точно попросят освободить место. Шутка, ага. Но в каждой шутке, как говорил капитан Копылов, есть малость шутки. Ладно, посторонние мысли в сторону. Итак, что у нас с ремонтом...

Хорошо, что поле боя осталось за нами, по крайней мере, треть подбитых танков мы уже получили назад. Жаль, мало запчастей, да и оборудование мастерских... я печально вздыхаю, вспомнив трофейную мастерскую, сгоревшую во время боев под Рославлем. Что-то нам больше не везет, никак такую же не захватим.

Провозились с неотложными проблемами почти до ужина. Уже и Мельниченко с передовой вернулся, уже патрули кого-то в Особый отдел доставили. А мы все тришкин кафтан латали, пытаюсь извернуться, имеющимися средствами максимум техники восстановить. Черт, никак не перестроится наша промышленность. Запчастей маловато выпускают, явно. Впрочем, если сравнить с нашей действительностью, то мне не ругаться надо, а плясать от радости.

Все же великая вещь — плановое государственное производство. Главное, задать нужные ориентиры, не ошибиться. И тогда вы получаете танки с новой трансмиссией, вооружением и большинство необходимых запчастей. Столько, сколько позволят мощности

промышленности и способности рабочих. Увы, и то и другое в СССР сороковых сильно уступает даже пятидесятым годам, не говоря уже о более позднем времени. Но я подозреваю, что положение все равно намного лучше, чем в реале. Ленинград не в осаде, до Сталинграда немцам как до Луны пешком, если мы ошибок не наделаем. Харьков, правда, мы потеряли, но на Урале уже завод-дублер действует, если по рассказам знакомых танкистов судить. Так что все намного лучше, чем в нашей истории складывается.

Вообще, если подумать, история теперь очень резко отличается, даже в мелочах. Например, у немцев в нашем мире точно посыльные собаки были, а здесь и наши их широко используют. Да, как мне помнится, радиоэлектронной борьбой до сорок третьего ни мы, ни немцы широко не баловались, к тому же и целенаправленной «охоты на штабы» я что-то не помню. А уж советские радиостанции модульной схемы с «разъемами Бридмана», которые я видел, вообще поразили меня до глубины души. Молодец Сема, сумел многие мысли до кого надо донести. Интересно, а много ли удастся нам с Андреем? Все же мы пока живы, частично из-за везения, частично из-за армейских навыков. Впрочем, что бы ни писали после крушения Союза, боевая подготовка Советской Армии до середины восьмидесятых была неплохо поставлена, особенно офицеров. Нет, конечно, всякие там хозяйственные работы да наряды типа дежурства дополнительных офицеров — «ответственных» в солдатских казармах много времени отнимали, но все же за боевую подготовку тогда спрашивали. Это не то, что у нас в Украине последние годы творилось, — то самолет гражданский на учениях сожгут, то «Точкой» в жилой дом запустят. Правда, полагаю, что и в России немногим лучше было, если по новостям судить.

Эти размышления несколько не мешают мне оформить нужные документы, попрощаться со штабистами и поужинать в компании с уставшим Андреем. Он полдня провел на передовой, отлаживая взаимодействие пехоты и артиллерии, наблюдая за немцами и подпихивая лейтенантов. За один год недостатки в подготовке не исчезают, даже при усиленном обучении и военном опыте. Хорошо, что у нас в бригаде пехота все же стреляет, а не прячется по окопам, как в большинстве других частей. А уж у снайперов наших поучиться и с других фронтов приезжают. Андрей молодец, не зря в юности одним из перспективных офицеров считался. Если бы не перестройка, сокращение армии и последующий развал Союза... Так и ушел на гражданку капитаном без пенсии. Как говорил капитан Копылов: кому суждено быть генералом, в лейтенантах не засиживается.

Вечером после ужина набираю горячей воды и под обстрелом заинтересованных взглядов ребятишек пытаюсь спокойно побриться. Черт возьми, до сих пор опасной бритвой бреюсь, как будто самоубийством покончить хочу. А уж в первые дни... Как же на нее Сема реагировал, с таким неподдельным ужасом. Помню, бриться постоянно заставлять приходилось. Эх, Сема, Сема...

Сплю нормально, хотя сквозь сон слышу, как ночью Андрей куда-то выходит и возвращается.

28 июня 1942 г. Юго-Западный фронт. С. Пятихатки

— Как спалось? — идущий утром в столовую Андрей приветствует Сергея, подкармливающего кусочками рыбки довольно урчащую Мурку.

— Мне-то? Нормально. Это ты ночью шебаршил чего-то. Что произошло?

— Да ничего особенного. Ленг ночью отличился. Зверюга, блин. Проснулся и потихоньку из избы убежал. Ну, часовой думал, думал до самой смены, потом разводящему и доложил. Как раз старшина Рогальчук был, он сразу меня разбудил. Мы только до поста на околице добрались, а там уже часовой всю бучу поднял. Представляешь, на пост какой-то мужик прется, не останавливаясь. Хорошо, что мы успели, а то часовой точно бы его пристрелил. А мужик-то даже «бе» лишний раз сказать боится, не то, что остановиться, потому что сзади Ленг его конвоирует. Молодец, руки ему перекусил и теперь к штабу

гонит. А в зубах, не поверишь, немецкую ракетницу тащит.

— Слушайте, «товарищ комбриг», я, конечно, в курсе, что Ленг умница. Но вашим «охотничьим байкам» не верю. Как он до такого догадался-то?

— Сам сразу не поверил. Ты же знаешь, что он себя человеком считает.

При этих словах сидевший с независимым видом, словно ни разговор, ни кусок рыбы в руке Сергея его абсолютно не интересует, Ленг шевельнул ушами.

— Ну и что? Видел, конечно, что он нам постоянно пытается подражать.

— Так вот. Вчера, пока ты в штабе сидел, мы подъехали к селу и понаблюдали, как патрули действуют. А там один известный тебе ретивый Олегович все ракетницей размахивал, у крестьян выпытывая, не видели они кого-нибудь с такой штукой. Вот, видно, у Тимурленга в башке и отложилось. Ну, а погулять по окрестностям я его и позавчера, и вчера отпускал.

— Ну, бл..., прямо «Четыре таксиста, тьфу, танкиста и собака». Глядишь, он у тебя скоро и батальоном командовать будет.

— Хе, батальоном не батальоном, а вспомни, как он первым в атаку побежал под Рожище. Ну, когда еще тамошнему фрицу руку покусал.

— Нет, этого я помнить точно не могу, потому что в танке сидел. Это вы там геройствовали, а я так, сбоку припека.

— Конечно, конечно. Сразу скромность одолела. Ладно, идем в штаб. — Андрей, улыбаясь кончиками губ, слегка кивает на насторожившегося Ленга.

— Тэк-с, можно, конечно, и в штаб, но я Калошина уже видел, — ничего нового пока не произошло. Может, лучше сходим к особистам? Узнаем, что и как с этим покалеченным.

— Пойдем, посмотрим. Ненадолго только.

Спокойно сидевшая до этого Мурка внезапно подпрыгивает и когтем выдергивает из руки Сергея оставшийся кусок рыбы, быстро взбирается на завалинку и также в темпе заглатывает его. Смеется Андрей, смеются гуляющие дети, да и Сергей, сначала нахмурившийся, в конце концов, тоже смеется и говорит: — Ну, Мурка, ты и скотинка. Чуть не поцарапала. — Мурка, успешно позавтракав, победно посматривает на смеющихся людей и сидящего, слегка оскалив зубы, Ленга, а потом спокойно начинает умываться.

— Кошка, что с нее возьмешь. Животинка ленивая, самостоятельная и коварная, — иронически констатирует Андрей, добавив: — Ладно, пошли. Ленг, за мной.

Они поворачиваются и делают первые шаги, когда Мурка, бросив умываться, скользящим охотничьим скоком догоняет Сергея Иванова и запрыгивает ему на плечо.

Восторгу гуляющих детей нет предела, ну а Мурка невозмутимо удерживает равновесие, вцепившись когтями в специально обшитое дополнительной тканью плечо комбинезона. Сергей уже привычно, на ходу, подхватывает кошку и укладывает на плечо поудобнее.

В укрытии, где размещен Особый Отдел, выкопанном неподалеку от штабного, уже кипит работа. Стонис и его помощник сержант Томилин только заканчивают допрос пойманного ночью «ракетчика».

Завидев появившееся начальство, Артур оставляет заканчивать Томилину и выходит с ними на улицу.

Дружно закулив, все трое несколько секунд без слов разглядывают чистое, без единого облачка или самолета небо. Но война никуда не делась, от линии фронта доносится приглушенный расстоянием гул обстрела. Стонис докладывает без дополнительных вопросов:

— Зовут Егором Шварцманом, из так называемых фольксдойчей, из Литвы. Был репатриирован в Германию, призван в армию. Служит в «Бранденбурге», участвовал в прошлом году в нескольких акциях. Должны были действовать втроем, но наткнулись на наших отступающих солдат. Думали, что наши сдадутся, а те сопротивляться начали. В результате его напарники погибли. Он решил продолжать выполнение задания — сейчас за невыполнение приказа у них строго спрашивают.

— Что же, ясно. Что с ним планируете?

— Отправлю в армию, если прикажут. По правилам — расстрел, конечно.

— Хорошо, докладывайте в армию и заканчивайте с фильтрацией задержанных. Есть признаки, что придется отсюда уходить, — лицо Андрея мрачнеет.

— Поня-ял, товарищ полковник. — Стонис становится официальным до неприличия, одергивает гимнастерку и, отдав честь, спрашивает: — Разрешите идти?

— Идите, — отвечает ему, ответив на воинское приветствие, Андрей. Сергей тоже подтягивается, в результате недовольная Мурка спрыгивает с плеча и прячется за его ноги. Стонис уходит, и докурив, Мельниченко с Ивановым быстро направляются к штабу.

Целый день в штабе царит знакомая всем военным суета. Носятся посыльные, трещат звонки телефонов, связисты пытаются наладить радиосвязь через поставленные противником помехи. Нормальные штабные будни воюющей бригады.

Экипажу «Рыжего» сегодня, можно сказать, повезло. Проверив свои заведования и подготовив танк к бою, они пользуются каждой минутой предоставленного внеочередного отдыха. Кто-то пишет письма, спит или стирает, сержант Пушкин читает какую-то потрепанную книгу без обложки. Зато Мельниченко и Иванов выкладываются на всю катушку, даже обедая и ужиная на ходу. Обычный день войны проходит, как и множество других до и после него.

«Вспоминает А. Шнеер: „В то время, когда армия желала получить танк, превосходящий по скорости и маневренности советский Т-34, Гитлер заявил, что главным в танке является пробивная способность его орудия и мощь бронирования... „Тигр“, первоначально имевший массу пятьдесят тонн, в результате задания Гитлера стал весить семьдесят тонн...“»

«Тигр. История создания и применения». Под ред. Ивана Кошкина, М., 1995 г.

29 июня 1942 г. Берлин

В помещении Управления Вооружений царила тихая паника. Внезапно приехавший туда сам Фюрер и Великий канцлер уже готов был грызть ковры и бросаться на окружающих. Такое состояние Гитлера объяснялось очень просто — на совещании в ОКВ прозвучали подробности боевых действий созданных по его приказу тяжелых танков. Из пятнадцати «Тигров» после первых же боев уцелело всего два, причем семь оказались на территории, захваченной русскими. Вот тут фюрера, как говорится, и понесло. Прихватив с собой адъютантов Бормана и Кейтеля, он сразу поехал на Паризерплац, на которой возвышалось мрачно-готическое серое здание Управления Вооружений Сухопутных Войск. Там обалдевший от неожиданного визита дежурный быстро провел фюрера и его свиту в кабинет начальника управления артиллерийского и танкового вооружения.

Там, в кабинете подполковника Хэнеля, он устроил такой разнос, что все, кто мог, постарались под любыми предлогами исчезнуть с рабочего места.

— Вы окопались в тылу, не обремененные никакими заботами! Как вы могли до испытаний такое убожество! Почему первый же бой танков, которые должны были уничтожать большевиков, закончился их уничтожением? Почему на танке стоит такая слабая пушка и негодная броня?

— Но, мой фюрер, пушка и бронирование соответствуют спецификации, — с трудом выдавил из себя побледневший подполковник.

— Соответствуют спецификации!!! — Гитлер взревел раненым бизоном, казалось, его сейчас хватит удар. — Вы и ваши специалисты должны были доказать неправильность спецификации, дойти до меня и доложить, что здесь ошибка!

Внезапно его настроение изменилось, и он другим, спокойным голосом, почти шепча, спросил: — Какая самая мощная пушка стоит у нас на вооружении? Семнадцатисантиметровая?

— Мой фюрер, — несмотря на неожиданность ситуации, в подполковнике проснулся профессионал, — семнадцатисантиметровое орудие слишком тяжело и громоздко, к тому же является плохим противотанковым орудием. Это орудие усиления. Наилучшим из имеющихся орудий для вооружения тяжелого танка..., — Хэнель задумался, — будет двенадцатисантиметровая зенитка. Мощный снаряд и высокая начальная скорость бронебойного снаряда сделают танк, вооруженный таким орудием, неуязвимым для русских танков. В то же время это орудие имеет достаточно мощный осколочно-фугасный снаряд, способный поразить большинство укрепленных целей на поле боя.

— Двенадцать и восемь десятых сантиметра? Русские ставят на свои танки пятнадцатисантиметровые орудия, не так ли, оберстлейтенант? — фюрер с интересом посмотрел на Хэнеля.

— Но, мой фюрер, это же штурмовое орудие, а согласно вашим указаниям, наш танк должен иметь и противотанковые свойства.

— А вы молодец, оберстлейтенант, — фюрер, как всегда после вспышки гнева, говорил тихо и неторопливо, заставляя всех вслушиваться в каждое еле слышимое слово.

— Кейтель, необходимо начать разработку новой модификации тяжелого танка фирмами, участвовавшими в разработке прежней модели. Максимальная унификация и максимальное усиление боевых свойств, надеюсь, ЭТО всем понятно? Оберст, ваш департамент должен в двух-..., нет, в трехдневный срок разработать новые спецификации и выслать на фирмы. Вам все ясно, оберст?

— Простите, мой фюрер, я оберстлейтенант, — рискнул поправить ошибку вождя подполковник.

— Нет, Хэнель, вы именно оберст, с чем вас и поздравляю, — вымученно улыбнулся, встопорщив знаменитые усики, Гитлер: — Кейтель, проследите.

— Есть, мой фюрер, — Кейтель вытянулся перед обожаемым им вождем, словно лакей, неожиданно получивший гигантские чаевые.

«Лакейтель» — крамольной мыслью мелькнуло в голове новоиспеченного полковника армейское прозвище генерала.

По дороге в рейхсканцелярию Гитлер был непривычно молчалив и хмур, и только выходя из машины, бросил Борману:

— Придется вести летнее наступление с тем, что есть на вооружении. Но я надеюсь, что хотя бы к осени мы получим столь необходимые нам танки. Поручаю вам проследить, чтобы наши конструкторы и наши заводы показали все свои возможности. Держите этот вопрос под контролем и немедленно докладывайте мне о любых сложностях в работе.

И добавил уже себе, но напрягший слух Борман все же расслышал и запомнил:

— Пусть полковник и прав, но надо подумать о разработке пятнадцатисантиметрового орудия и танка под него.

30 июня 1942 г. Ижевск. Завод номер XXX

— Ну, Яков Григорьевич, могу вас поздравить. Наш гранатомет официально принят на вооружение под маркой АГС-40 и шифром «Василек». Теперь нам поручено добиться большей эффективности боеприпаса. — Коровин улыбается, его хорошее настроение видно невооруженным глазом. Еще бы, суметь уложиться в срок и добиться, чтобы после полугода суровых фронтовых испытаний оружие, которое все считали абсолютно бесперспективным, было официально признано поступившим на вооружение...

— Боюсь, Сергей Александрович, все, что можно получить от существующих технологий, мы уже использовали. Вот если бы взрывчатку помощнее, — несмотря на

радость от успешно выполненной работы и полученной справки об освобождении из-под следствия, Таубин был настроен скептически.

— Вы, Яков Григорьевич, ну прямо-таки пророк. Нам направлен новый образец взрывчатки, получим где-то через пару дней.

— А что за взрывчатка, не знаете?

— Нет, увы. Слышал краем уха, что вроде в Ленинграде моряк какой-то изобрел. Говорят, лично товарищ Сталин утвердил образец и приказал лабораторию по совершенствованию этой взрывчатки создать.

— Интересно, интересно. Что же, будем ждать взрывчатки. А сейчас мне бы хотелось обсудить проблемы в связи с недопоставкой спецстали номер семь с директором и снабженцами. Пожалуй, я пойду?

— Ну конечно, Яков Григорьевич, сходите. А я — в третий цех. Да, и еще, — Коровин несколько секунд помолчал, словно обдумывая, как лучше выразить свою мысль: — Вы понемногу забирайте все в свои руки. Есть у меня такое предчувствие, что меня, скорее всего, назад в Тулу переведут.

Весь день, решая текущие вопросы, казалось, полностью углубленный в эти проблемы, Таубин раздумывал о перспективах, открывающихся перед ним.

Вечером в заводской столовой, сидя за одним столиком с Коровиным и Барышевым, он, немного горячась и иногда непроизвольно начиная жестикулировать вилкой и ножом, рассказывал: — Первоочередное — это уменьшение трудоемкости и стоимости гранатомета, ну и конечно, решение поставленной перед нами задачи с повышением эффективности боеприпаса. Например, можно разработать в существующем калибре бронепрожигающую гранату, я уже дал указание начать предварительную проработку этой темы. Но кроме этого, перед нами огромное поле деятельности. Я немного подумал и считаю, что теперь мы можем начать разработку перспективных минометно-гранатометных автоматических комплексов. Представляете себе увеличенный гранатомет, способный стрелять миной или гранатой, в том числе и противотанковой бронепрожигающей, причем очередями! А при необходимости — задираем ствол и стреляем как из обычного миномета, закрепив боек в выдвинутом положении. Вот вам универсальное орудие поддержки в батальонном — полковом звене, калибром восемьдесят два и сто двадцать миллиметров. А еще, — тут Таубин непроизвольно вздохнул, — осталась незаконченной тема гранатомета для вооружения речных катеров...

— Знаете, Яков Григорьевич, — улыбнулся Коровин. — Вы придумали неплохую программу работ для нашего, вернее уже вашего, бюро. Только что получена телеграмма, меня отзывают в Тулу. Так что теперь решать вам. Да, чуть не забыл. Вы, конечно, попозже все равно ознакомитесь, но там еще было задание на разработку авиационного варианта гранатомета.

— Авиационного? — Таубин с недоверием посмотрел на Коровина, отставив в сторону стакан с недопитым компотом.

— Да, авиационного. Подробности прочтете в телеграмме, могу только добавить, что такой гранатомет собираются ставить на легкие автожиры, как противопехотное оружие.

— Интересно, а я и не знал, что автожиры на фронте используют, — проговорил до того молча и с интересом слушавший разговор начальства Барышев.

— Сам узнал с удивлением. Кстати, там еще написано, что для взаимодействия к нам из конструкторских бюро Братухин и Миль приезжают, — добавил Коровин.

— Неожиданно и непонятно, — Таубин странно отреагировал на это известие, выдав непонятную реплику и уклоняясь от возможных расспросов, взял стакан и допил оставшийся компот.

— Что же, после ужина начнем передачу дел. Так, Яков Григорьевич? — сказал, заканчивая разговор, Коровин, и, подмигнув удивленному непонятым окончанием разговора Анатолию Филипповичу, встал из-за стола. Вслед за ним поднялись и Барышев с Таубиным.

«Из вечернего сообщения Совинформбюро от 30 июня 1942 г.

В течение 30 июня наши войска вели бои на МУРМАНСКОМ, ЛУЖСКОМ, ВОРОНЕЖСКОМ, ИЗЮМСКОМ, РОСЛАВЛЬСКОМ, ХЕРСОНСКОМ направлениях. Наши войска продолжают отбивать упорные атаки противника.

Наша авиация продолжала наносить удары по войскам противника и атаковала его аэродромы. В воздушных боях, на аэродромах и зенитной артиллерией уничтожено за 29 июля 80 немецких самолетов. Наши потери 32 самолета.

На Черном море во время обстрела порта Констанца нашими эскадренными миноносцами уничтожены два танкера водоизмещением в пятнадцать тысяч тонн и транспортное судно. При отходе наши корабли подверглись ожесточенным воздушным налетам противника. Потерян эскадренный миноносец „Способный“. Экипаж, понеся незначительные потери, спасен другими нашими кораблями. Немцы потеряли 24 бомбардировщика от меткого огня зенитной артиллерии кораблей и действий истребителей.

В боях вновь отличились танкисты гвардейской танковой части под командованием гвардии полковника Мельниченко. Ими уничтожена рота новейших тяжелых танков противника».

1 июля 1942 г. Юго-Западный фронт. С. Пятихатки. Сергей Иванов

Завидую иногда интуиции Андрея прямо-таки черной завистью. Точно ведь определил, что отходить будем. Впрочем, поэтому-то он и был генеральным директором фирмы, а я «страшным инженером». Да, уже через сутки немцы прорвались южнее, а нам пришел приказ отступать. Вот и отступаем, сдерживая напирание части противника арьергардными боями. Опять на тезку Олеговича и его ребят основная нагрузка. Мотаются на своих Т-50, БА-64 и БТР-64 как бешеные. Интересно, а у нас в мире БТР-64, или как его индекс-то, БА-643,² что ли, в серию не пошел. Здесь же эти легкие безбашенные в буквальном и переносном смысле бэтээры с шестью разведчиками в экипаже используют на полную катушку. Разведгруппы на них ездят, при необходимости пехотные заслоны перебрасывают. Даже как-то ухитрились три расчета ПТР с их «удочками» — противотанковыми ружьями Симонова перебросить. Как уж там они разместились — тайна сия велика есть, думаю, заднюю дверцу вообще закрыть не могли.

Да, вот так и воюем. Сейчас вот моя группа организует очередную засаду на неприятельском пути. Ну а я, дав указания, пользуюсь привилегиями своего ранга — вместо того чтобы вместе со всеми готовить к бою «Рыжего», осматриваю в бинокль местность и почему-то вспоминаю позавчерашний день.

Черт, вот уже, кажется, всего понавидался за свою жизнь, в том числе в Афгане и здесь, а все равно цепляет вот эта вечная загадка человеческой натуры. Сподличать, струсить и тут же назвать виновными всех вокруг, оправдывая себя.

В общем, пригласил меня неожиданно Стонис и давай допрашивать о почти забытом мной посещении Харьковского машиностроительного завода. Ну, вспоминал я, вспоминал, а потом не выдержал и поинтересовался:

— А в чем, собственно, проблема?

Стонис немного подумал, а потом и говорит: — Понимаете, задержали мы одного человека. А он в показаниях вас назвал.

Тут меня вообще заколодило. Кто, думаю, мог меня назвать и с чего бы? Еще

² В данном случае Сергей ошибается, БА-64 в варианте легкого бронетранспортера носил индекс БА-64Е. С индексом 3 был построен специальный снегоходный вариант бронеавтомобиля.

попаданец, что ли?

— Кто? — спрашиваю. — Я там никого и не знаю.

— Та-а, я тоже уверен, но проверить обязан. Тем более что трибунал уже сегодня заседать будет, в связи с указанием полковника Мельниченко.

— Трибунал?

— Та-а, у нас сейчас армейский трибунал как раз приехал. Вот и рассматриваем дела в ускоренном порядке, пока возможность есть.

— Понятно. Тэк-с, а все же при чем я?

— Понимаете, он уверяет, что является инженером-конструктором, и вы его знаете.

— Инженером? Стоп, стоп. Помнится, при получении стодвадцатимиллиметровых минометов мы с одним инженером разговаривали, точно. Павел Александрович, как мне помнится.

— Так, уже лучше. Что вы про него можете сказать?

— Да ничего конкретного. Разговаривали мы с четверть часа, в основном по делам, и все.

После официального допроса я подписал протокол, мы вышли из Особого отдела и уже в курилке спросил я у Артура, в чем дело. Он мне и объяснил:

— Задержали мы подозрительного гражданина. Без документов, одет как крестьянин, а сам явно на горожанина похож. Допрашивали, допрашивали, он, в конце концов и начал показания давать. Тут Томилин телеграммы поднял, в одной и говорится, что немцами, по данным разведки, захвачена в Харькове техдокументация по производству минометов вместе с частью сопровождающих лиц. Ответственным за эвакуацию от заводского КБ и был как раз этот инженер. Так что совсем непонятно, как он здесь оказался. Вот и пытаемся разобраться.

— Понятно. Опознать надо?

— Желательно. Сейчас проведем очную ставку, и подпишете еще один протокол.

Вернулись мы в Особый отдел, привели инженера. Точно, он. Опознал я его, а он на меня так зло смотрит. Как Ленин на мировую буржуазию, хе...

Потом вдруг как начал кричать, что мы — военные, сволочи, бросили их, присягу не выполнили, трусы. Сдали немцам Харьков, а теперь виновных ищем, на кого свои ошибки и трусость переложить. Мол, пришлось ему спасаться самостоятельно, раз мы такие. А он ни в чем не виноват, зато мы теперь его во всем виновным сделать хотим! Короче, ушел я из Особого отдела отнюдь не в лучшем настроении.

К тому же вечером пришлось выделять расстрельный взвод, а поскольку Андрея не было, я старшим оказался. Раз так, пошел сам. Расстреляли троих: диверсанта немецкого, этого, Шварцмана, одного дезертира, Чижик по фамилии, ну и инженера этого, Кучера Павла. Вот так. Как оказалось, бросил он все дело на самотек, машину, выделенную для эвакуации документов, прихватизировал и удрал на ней из Харькова. По дороге автомобиль под удар немецких самолетов попал, шофера убило, а он в крестьянина переоделся и дальше драпанул.

Я где-то читал, что в нашем мире немцы в Харькове документацию на производство тяжелых полковых минометов захватили. И вроде бы тоже в панике брошенную, вот только не помню, не встречал, чтобы кого-то за это наказали. Может быть, потому что за эвакуацию Харькова Хрущев отвечал как секретарь ЦК КП(б)У? Впрочем, он и здесь отвечал за это.

Ладно, это все «лирика». Пора бы уже и разведке появиться, канонаду уже долго слышно. Ага, вот и наши пылят. Немцев пока не видно, отлично. Значит, можем спокойно пропустить отступающих и подготовиться к предстоящему бою. Спускаюсь к «Рыжему», у которого уже остановился «броник». Ага, вот и тезка.

— Сергей Олегович, как там?

— Нормально! Мы немного фрицев потрепали, они там сейчас пустое место обрабатывают. Даже авиацию вызвали, хорошо, что мы лесом ускользнули.

— Потери как?

— Небольшие. Трое убитых, пятеро раненых, один броневик, два противотанковых

ружья за все прошедшее время.

- Понятно. Ну, двигайтесь в квадрат двенадцать, думаю, через часок и здесь начнется.
- Да не-е, не через часок. Полтора-два как минимум. Не раньше.
- Хорошо бы, там, глядишь, и до ночи недалеко будет. Ну, пока.
- Пока! Иван, поехали!

Треща двигателем, БА-64 уезжает, а мы садимся подзаправиться. Война войной, а кушать хочется.

В ожидании подхода немцев проходит еще почти час, затем начинается стрельба на правом фланге. По телефону передают, что охранение отогнало разведку из двух броневиков и мотоциклистов. Затем над нами появляется «рама». Этот двуххвостый двухмоторный самолет висит над нашей обороной почти полчаса, но появившиеся наши «ястребки» все же отгоняют его. Бой к этому моменту идет уже по всей линии охранения. «Осветив» наши передовые позиции, немцы вызывают авиацию, и над нами разгорается воздушный бой. Потом они пытаются обработать наши укрепления артиллерией, но расстреливают в первую очередь ложные. А потом начинается наша привычная работа — стреляем сначала по данным с передовых наблюдательных пунктов, потом прямой наводкой, маневрируем, меняем позиции и так до темноты. Едва начинает темнеть, свертываемся в колонну и отходим, оставляя за собой поле боя и разбитую технику — немецкую и, увы, свою.

«1 июля. Рассматривали вопрос о модернизации вооружения наших танков в связи с появлением у немцев новых тяжелых танков. Решено отработать вариант вооружения Т-34 новой мощной 76-мм или 85-мм пушкой. Для тяжелого танка КВ, принят вариант „КВ-5“ с пушкой тов. Петрова».

Дневник наркома танкостроения т. Малышева, 1942 г.

2 июля 1942 г. Москва

В полусумраке кабинета с единственной горящей настольной лампой все происходящее казалось нереальным. Знакомые предметы, виденные тысячу раз и привычные, как обстановка в собственной квартире, ускользали от глаза, представляясь какими-то объемно-пустыми серыми тенями неизвестного происхождения.

«Устал», — подумал Мурашов и усилием воли постарался сосредоточиться на разговоре.

— ...значит, сведения о мощнейшей взрывчатке оказались верными. Только выходили на изобретателя вы слишком долго, — хозяин кабинета кивнул, блеснув в свете лампы стеклышками пенсне.

— Виноват, товарищ... — начал и тут же осекся, остановленный жестом хозяина, Юрий.

— Канечно, виноват, — в речи наркома прорезался кавказский акцент, что сразу заставило Юрия насторожиться, — как не заметил, что тебе противодействуют? Почему сразу не обнаружил саботаж? Хорошо, Гоглидзе контролировал твою работу, он и заметил. Шени дада, когда думать начнешь? — Выругавшись, Лаврентий Павлович успокоился и добавил, рассматривая расстроенного Мурашова: — Ничего, впредь умнее будешь. Конечно, саботировали тебе, очень аккуратно, тонко и рассчитанно. Вот сейчас Гоглидзе как раз это дело и ведет. Так что придется тебе ему помочь, если понадобится, будем разбираться, — потом, взяв со стола стакан и отхлебнув глоток, нарком продолжил: — Но вернемся к «Припяти». Делом заинтересовался товарищ Павлов... — эти слова заставили Мурашова забыть об усталости, ведь «Павлов» — это нынешний псевдоним самого товарища Сталина!

— ...да, заинтересовался. Пока он не принял определенного решения, но отметил, что это может быть долговременной игрой английской разведки. Но при этом он выдвигает

«Припять-один» на высокий пост...

Лаврентий Павлович опять помолчал, держа паузу:

— Поэтому особенно интересно пересечение «Припяти» и Харьковского дела. Вы собрали все сведения?

— Так точно. Анализ имеющихся донесений от Особого отдела, а также агентов «Нино», «Бурлак», «Киевлянин», «Шнырь» показывает, что пойман был беглец абсолютно случайно, в ходе розысков диверсионно-разведывательной группы противника. Точно так же случайно в бригаду прибыл и личный состав армейского трибунала, осуществлявший объезд частей армии по плану члена военного совета армии. Поэтому я могу гарантировать непричастность «Припяти» к делу «Харьков».

— Это хорошо, что вы так уверены. Но я считаю, необходимо еще раз перепроверить все и снова доложить мне полученные результаты через... — нарком перевернул листы откидного календаря, — через четыре дня. Ясно? А сейчас доложите, как дела с заводом ХХХ.

— На завод прибыл представитель московской лаборатории. Как мне доложили, через два дня начнется снаряжение опытных образцов боеприпасов взрывчаткой, а еще через три дня — испытания боеприпаса в новом снаряжении.

— Неплохо, — удовлетворенно констатировал нарком. — Тем более что из войск хорошие отзывы о «Васильке» идут. Так что ваша забота, чтобы ничего нормальной работе завода не мешало. Все. Свободны.

Капитан ГБ Мурашов встал и, четко отдав честь, повернулся и вышел из кабинета. Проводив его, Лаврентий Павлович не стал снова садиться в кресло, а подошел к карте и некоторое время рассматривал ее, скользя взглядом по линии фронта. Потом он вернулся к столу и вызвал звонком секретаря.

Через несколько минут тот принес свежесваренный чай, одновременно пропуская в кабинет начальника Управления Особых отделов, недавно по инициативе самого Сталина получившего собственное наименование — «Смерш», то есть «Смерть шпионам», генерал-майора ГБ Абакумова. Долго обсуждали текущие дела нарком внутренних дел и начальник управления Особых отделов Красной Армии. Но рабочий день, даже после ухода Абакумова, у наркома еще не закончился. Поужинав прямо в кабинете, он продолжил работу над документами. Долго горела лампа на столе в кабинете, расположенном в здании на площади Дзержинского, бывшей Лубянке.

Работал не только нарком, работало и большинство его подчиненных. Главное учреждение, занимавшееся безопасностью страны, стояло на ее страже.

«Из вечернего сообщения Совинформбюро от 2 июля 1942 г.

В течение 2 июля наши войска вели бои на МУРМАНСКОМ, ЛУЖСКОМ, ВОРОНЕЖСКОМ, ИЗЮМСКОМ, РОСЛАВЛЬСКОМ направлениях. Наши войска продолжают отбивать упорные атаки противника.

Наша авиация продолжала наносить удары по войскам противника и атаковала его аэродромы. За 1 июля уничтожено 45 немецких самолетов. Наши потери 24 самолета.

Вчера нашими войсками после упорных боев оставлен город Херсон».

3...4 июля 1942 г. Юго-Западный фронт. Сергей Иванов

Как говорил в свое время капитан Копылов: «Добрый словом, да если еще и на танке подъехать, можно любого уговорить». Чем мы и занимались последние два дня. Правда, противник ни на слова, ни на просто подъехавшие танки не реагировал, поэтому приходилось использовать и более весомые аргументы в виде сорокакилограммовых

снарядов. Н-да, повоевали... Немцы все время пытались нас на флангах прощупать и окружить, а мы уворачивались. Вот тут-то Сергей Олегович и его бойцы отличились. Подвижные группы, усиленные мотострелками, немцев постоянно отслеживали, обстреливали, заставляя развернуться и время терять. В общем, что-то вроде действий танкистов Катукова в прошлом году получилось. Только фрицы не просто в лоб перли, а все время обходом действовать пытались. Но вот отсутствие нормальной радиосвязи и диверсии разведчиков им сильно мешали. А разведгруппы Сергеев неплохо скомпоновал, в каждой обязательно снайпер и пулеметчик с трофейным МГ. Благо эти пулеметы мы постоянно себе старались оставлять, трофейщикам не сдавали. Все же «дегтярь», при всех своих достоинствах для малых групп плохо подходит, а единый пулемет с большим запасом патронов — самое то. Жаль, не смогут сейчас его создать, слишком сложная задача, которую наши инженеры лишь к концу пятидесятих годов решат. Патрон трехлинейный с его устаревшей гильзой, несмотря на всю мощь, для автоматического оружия плохо подходит. Воистину, нет у нас ничего более постоянного, чем временное. Вот и патрон, принятый как паллиатив, весь двадцатый век продержался и в двадцать первый перешел. Впрочем, может, и не надо менять то, что и так хорошо работает.

Вчера вообще интересно было, нас итальянцы атаковать пытались. Сначала я даже не поверил своим глазам, когда эти «горячие южные парни» на своих легких танках и самоходках на нас полезли. Помнится мне, что они должны были целой армией где-то в начале осени на фронте появиться. Увы, первый год войны я лучше изучал, чем остальные, поэтому и помню лучше. Все время пытался понять, где и что мы делали неправильно, и запомнить, чтобы, «если завтра война, если завтра в поход», прямо сегодня для себя быть готовым ко всем неожиданностям.

Впрочем, я опять отвлекся. Когда нас атаковали, я как понял, кто это, чуть не заржал радостно вслух. Вспомнился мне сразу польский фильм «Приключения канонира Доласа», как один поляк в Африке целый полк итальянцев в плен взял. Тут у меня мысль мелькнула, что и у нас трудностей не будет. Но то ли поляки, как всегда, приврали, то ли итальянцев в Россию на приключения покачественней отбирали, только бой был трудный и жестокий. Перли эти южане напролом, первоначально даже на потери внимания не обращали. А проредили мы их изрядно, подумав, какие-то легкие танки с двадцатимиллиметровой пушечкой и противопульной броней. Они даже легким Т-50 практически ничего сделать не могли, только горели. Но все равно, итальянцы атаковали и атаковали, их маленькие самоходки с противотанковыми пушками, маскируясь в складках местности, подбирались к нашим позициям, пытались при любой возможности подбить наши танки или уничтожить пулеметные точки. Пехота, правда, пожиже у них оказалась, после пары атак, встреченных «холодным душем» из всего, что может стрелять, залегла и категорически вставать не хотела. Порезвились тут наши снайперы, офицеров отстреливая, пытавшихся солдат поднять в атаку. Ну а когда «Васильки» по «макаронникам» отработали, кое-где паника была еще та. Вот тогда я точно поверил, что перед нами итальянцы. Но дрались они крепко, пока мы им первый порыв не сбили, да. Так что теперь я понял, как итальянцы англичан в пустыне первое время гоняли. Пока, как говорят французы, «элан», то есть боевой порыв, у них есть — сражаются «сыны Рима» неплохо. А вот если пошло что-то не так... паника безудержная у них начинается.

Взяли мы нескольких пленных и, с трудом переводя с немецкого на итальянский и русский, разобрались, что атаковала нас «быстрая», то есть бронекавалерийская, дивизия «Принчипе Амедео Дука д'Аосто». Н-да, как же они приказы отдают с такими названиями? Переводится все это великолепно, если я правильно понял, как «Князь Амадей, герцог д'Аосто». Кажется, такая дивизия, как механизированная, в советской литературе упоминалась во время описания битвы под Сталинградом. Какая, к черту, механизированная, скорее, по-моему, танковая, нас как минимум шесть-семь десятков танков атаковало и самоходки еще, противотанковые. Даже с батареей тяжелых самоходок наши артиллеристы накрыли, когда они с полужакрытых позиций нас обстрелять пытались. Впрочем, может, это

здесь так? Не знаю, не знаю...

Так что отогнали мы итальянцев, трофеев, что успели, понабрали, особенно машины повышенной проходимости мне понравились, и опять отступать пришлось — немцы с левого фланга обходить начали, это нам из штаба соседей, из стрелкового корпуса, сообщили. Отошли, а сегодня с утра нас пехота сменила и приказ пришел — в тыл. Мы, конечно, обрадовались, только вот когда к станции железнодорожной добрались, новый приказ нас застал. Так что погрузились мы, а перед отправлением всех офицеров собрали, кроме тех, кто на дежурстве, естественно. Черт, прямо-таки не знаю, что и думать. В общем, меня комбригом поставили, а Андрея в штаб фронта вызывают за новым назначением.

Приказ зачитали, и в помещении бывшего школьного спортзала стало шумно. Командиры наши обмениваются впечатлениями. Пока еще тихо, но, чувствую, после собрания и погромче начнутся разговоры. Перемены большие происходят, Андрей с собой Калошина, Стониса и Колодяжного забирает, Махров моим замом идет, на штаб обещают кого-то прислать, да и особист новый будет. Как-то мы с ним уживемся?

После собрания идем с Андреем ко мне в вагон прощаться. Собирается небольшая компания, немного выпиваем, немного и разговариваем. Потом все расходятся, и мы с Андреем остаемся вдвоем. Говорим мало и в основном по делу. Наконец пора прощаться, за ним приехала машина.

Крепко обнимаемся, я треплю за уши Ленга, а Андрей гладит Мурку. Все, вот остался я один. Правда, Андрей обещал, что все равно бригаду не забудет, при первой возможности или вернется, или попробует к себе перетянуть. Не думаю, что у него это получится, армия есть армия — и он, и я об этом знаем...

5 июля 1942 г. Славянск

Честно говоря, уезжать из бригады, ставшей практически родным домом в этом, как ни крути, чужом мире, Андрею абсолютно не хотелось. Хотя интуиция, пока ни разу его не подводившая, молчала, но настроение его после прощания с Сергеем совсем испортилось. Поэтому в дороге он больше думал и только изредка поглаживал с любопытством приносящегося к окружающему миру Ленга. Заметив это, остальные спутники тоже примолкли, и несколько часов дороги прошли в томительной тишине, прерываемой только редкими репликами сидящего за старшего машины Колодяжного и ответами шофера.

Наконец машина добралась до окраины Славянска, в котором и располагалось армейское управление. На въезде в город их остановил грамотно замаскированный дозор. Проверив документы, старший дозора, не знакомый Андрею лейтенант, напомнил, что в городе сейчас комендантский час, поэтому либо товарищ полковник оставляет машину и вместе со спутниками ночует в ближнем доме, специально приспособленном под временную гостиницу, либо он может выделить им сопровождающего, и они пойдут дальше пешком. Несколько раз до того бывавший в штабе армии Мельниченко знал, что строевой отдел расположился в отдельном здании, совсем недалеко от того места, где их остановили, и предпочел второй вариант. В сопровождающие ему выделили молодого, разбитного, очень напоминающего вида солдата, которого, как вспомнил Андрей, он раньше не раз видел в штабе.

По затемненной улочке с потушенными фонарями неторопливо, спотыкаясь на невидимых в темноте выбоинах, они шли к зданию штаба, когда из-за ограды ближайшего двора вывернула группа военнослужащих. Интуиция Мельниченко взвыла тревожной сиреной, и не успел сопровождающий подойти на несколько шагов к встреченному патрулю, как Андрей скомандовал громким шепотом: — В стороны, ложись. — Колодяжный и Стонис среагировали мгновенно, а Калошин только начал поворачиваться к Андрею, видимо, намереваясь что-то спросить, как тишину ночи разорвал громкий винтовочный выстрел.

— У...ть! — громко выругался Калошин, сбитый с ног Артуром и, видимо, сильно

ударившийся при падении. На голос ответил громкий стрекот автомата и несколько вспышек со стороны «патруля». Не успел еще никто из оборонявшихся выстрелить, как автомат внезапно смолк. Над улицей пронесся дикий крик человека, схваченного Ленгом. Андрей, вытащивший к этому времени из кобуры «парабеллум», несколько раз выстрелил по вспышкам и перекатился в сторону. Черт, улица, как заведено, использовалась для выбрасывания мусора, и он несколько раз довольно серьезно оцарапался о какие-то острые шутовины, а левой ладонью ухитрился вообще вляпаться во что-то смачно хлюпающее и противно расплывающееся под рукой. Немного погодя в нос ударила волна вони. Сбоку несколько раз гроыхнули выстрелы стрелявшего одиночными из своего ППД Колодяжного. Одновременно вспыхнули, опять почти бесшумно, ответные выстрелы диверсантов. Андрей успел заметить также вспышки выстрелов Стониса, а вот стрельбы Калошина не заметил. «Ранен или убит?» — мелькнули в голове несвоевременные мысли. В эту минуту из переулка послышался рокот мотора, на стороне нападавших раздался еще один громкий, незатихающий вопль, а над местом боя раздалась громкая команда: — Всем бросить оружие и встать! Руки вверх, иначе открою огонь на поражение! — Похоже, кричали во что-то вроде рупора, звук был настолько громким, что на время перекрыл даже вопли жертвы Ленга. Улицу осветил слабый свет фар. Стоящий с поднятыми руками Мельниченко увидел также стоящих Колодяжного, Стониса и Калошина, а на стороне нападавших заметил тройку выделяющихся темными грудями на фоне земли тел, а кроме того, сбоку, у самой ограды — лежащего на земле человека, над которым в характерной позе черной глыбой возвышался Ленг.

— Не стрелять, — раздался усиленный рупором голос. К стоящим подбежали бойцы с карабинами наперевес, собрали оружие и, увидев знаки различия, довольно вежливо предложили пройти вперед. Подойдя к негромко шумящему двигателем на холостом ходу броневичку, Мельниченко увидел в свете фар знакомого подполковника, начальника химслужбы армии. Ну конечно, кого же могут поставить в напряженное время боев вечными дежурными по части. Только двух наименее занятых в это время людей — начхима и начальника физподготовки, подумал, пряча улыбку, Андрей.

— А товарищ комбриг! Здравствуй, — поприветствовал знакомого подполковник, сразу приказав вернуть оружие, а потом, посмотрев в сторону почти скульптурной группы у забора, добавил: — Ты собачку-то свою отзови, а то и допрашивать некого будет.

Андрей отозвал Ленга, и пара бойцов, подхватив потерявшего сознание диверсанта, потащила его куда-то за угол.

— У нас там машина, — проследив взгляд Андрея, пояснил подполковник. Дальнейший разговор прервало появление «эмки» с сопровождающей ее полуторкой, также набитой настороженно водящими во все стороны стволами бойцами. Из «эмки» вышли начальник Особого отдела и замначштаба армии, полковник Огурцов. Подполковник, отстранив стоящего на пути Колодяжного, подошел к ним и, вытянувшись по стойке смирно, доложил о происшествии.

— Так говоришь, двое убитых и один захваченный в плен? Неплохо для ночного времени, — почти весело отреагировал Огурцов и, подойдя, по очереди поздоровался с командирами из группы Мельниченко. Особист задержался, отдавая приказание соскочившим с машины бойцам, явно из взвода Особого отдела штаба. Часть бойцов быстро разбегались вокруг, оцепляя место происшествия, а остальные, подсвечивая себе фонариками, начали прочесывать улицу. Отдав указания и убедившись в их выполнении, мрачный особист подошел к беседующим. Понятно, что ему, в отличие от радовавшихся благополучному исходу нападения Мельниченко со товарищи и замначштаба армии, веселиться было не от чего. Нападение на группу командиров в зоне охраны штаба, в которую теоретически и мысль не должна была проскочить без его ведома, не сулило ничего хорошего, кроме большущей головомойки. Особенно если учесть, что он недавно лично докладывал члену военного совета фронта товарищу Хрущеву, что охранение штаба армии организовано на «отлично».

Остаток ночи Мельниченко и его сослуживцы провели в беседах с дознавателями Особого отдела и составлении письменных показаний о происшествии, а наутро, освободившись и позавтракав, были отвезены на вокзал, где уже стоял воинский эшелон, который должен был доставить их в штаб фронта.

И все это время Андрей пытался разобраться в том, что произошло. Он успел заметить принесенное бойцами оружие нападавших, а новости, рассказанные Стонисом, придавали делу еще больше непонятности. Неужели немецкие диверсанты в сорок втором году могли иметь на вооружении пусть даже и трофейные, бесшумные английские карабины, называвшиеся, если правильно помнил Мельниченко, не слишком увлекавшийся историей оружия, «де Лисл»,³ да к тому же — безупречные документы сотрудников Особого отдела? Все это отдавало какой-то странной интригой, но разгадать ее Андрей не мог, не хватало информации. Впрочем, интуиция опять молчала, значит, ничего тревожного в ближайшее время ждать не стоило.

«из „Доклада представителя Генерального штаба о применении приказа № 225 при наступлении Юго-Западного фронта в районе Харькова“.

В результате проверки установлено, что приказ комсоставом, особенно общевойсковым и артиллерийским, усвоен плохо и требования его часто не выполняются.

1. Танки все еще отрываются от пехоты и дерется в единоборстве с артиллерией, пехотой и танками противника. [...]

2. Танки вводятся в бой поспешно, при слабой разведке системы обороны противника, иногда без учета особенностей местности. [...]

3. Слабо используются возможности самоходной артиллерии и артиллерийских танков для подавления невоскритых разведкой целей противника. [...]

4 Командиры танковых и мотострелковых бригад, механизированных корпусов и армий еще не полностью овладели навыками управления, не могут четко и своевременно управлять действиями подчиненных сил. [...]

5. Слабо, а в некоторых частях, например [...], вообще не используются возможности учебных подразделений по качественной доподготовке личного состава в боевых условиях. [...] Например, в [...] танковой бригаде было допущено использование учебной роты, в качестве хозяйственного подразделения при штабе корпуса. [...]

5 июля 1942 г.

п-к [...]».

6 июля 1942 г. Ижевск. Полигон Завода номер XXX

«Пом-пом-пом» — слабые звуки выстрелов и догоняющие их звуки: — «Ба-бах — бамс — ба-бах бамс — ба-бах — бамс» — разрывов достигли укрытия. Очередная партия снаряженных А-IX-2 гранат разорвалась на мишенном поле без единого отказа, полосуя фанеру мишеней тучей осколков. Новая взрывчатка, разработанная простым матросом из какой-то лаборатории в Ленинграде, превзошла все ожидания Якова Григорьевича, тем более в сочетании с доработанным стальным корпусом гранаты.

— По-моему, можно даже и не ждать осмотра мишеней, — представитель лаборатории,

³ Андрей ошибся. Бесшумные карабины «де Лисл» (или «де Лизл»), названные так по фамилии конструктора, появились на год позднее и поставлялись только английским командос. У нападавших были бесшумные варианты автомата «Стан».

сопровождавший прибывшую на завод партию взрывчатки, с довольным видом повернулся к Таубину. Тот подтверждающе кивнул и снова прильнул к стереотрубе, разглядывая мишенное поле. Насмотревшись, он отошел к стоящему в углу укрытия столику с полевым телефоном. Связист, не дожидаясь распоряжения, сразу соединил его с начальником полигона.

— Михаил Потапович, давайте указание на установку мишеней номер три. Да, как договаривались. Ждем! — и, повернувшись к представителю лаборатории, с горечью добавил: — Вашу бы взрывчатку, да год назад...

— А ее как раз в позапрошлом году и создали, — ответил представитель.

— Еще бы и нам об этом сообщили, — зло ответил Таубин, но, тут же успокоившись, добавил: — Зато мы для вас сегодня сюрприз приготовили. Используя вашу взрывчатку...

В этот момент зазвонил телефон, и связист, приняв сообщение, объявил, что мишени установлены. Все собравшиеся прильнули к стереотрубам и биноклям. Установленные на поле мишени имитировали атаку пехоты при поддержке танков. На различных расстояниях, начиная от пятисот метров до тысячи, стояли фанерно-стальные конструкции, изображающие немецкие танки с их типичным квадратным внешним видом. Лобовая проекция этих макетов была действительно прикрыта настоящей немецкой броней толщиной в тридцать миллиметров. В промежутках между «танками» стояли и простые фанерные силуэты «пехоты». Пока присутствующие военные и представитель «боеприпасников» с удивлением разглядывали мишенную обстановку. Таубин дал приказ открыть огонь. «Пом-пом-пом» — донеслось с близкой позиции гранатомета и... на «танке» расцвел цветок взрыва, а затем загорелся стоящий за ним бачок с отработкой масла, смешанного с бензином, испуская густой темный дым. Лента гранатомета, похоже, была снаряжена через одну обычными и бронебойными выстрелами, поэтому на муляжах одна за другой появлялись пробоины от осколков и дыры от «бронепрожигающих» кумулятивных гранат. Конечно, часть осколочных гранат разорвалась на броне, а часть кумулятивных — впустую полыхнула на земле, но в целом большинство мишеней было уничтожено. Потрясенные наблюдатели смотрели на царящий на полигоне ад, причем особо впечатлились именно военные, наглядно представляющие себе, что происходило бы в таком случае на реальном поле боя.

— Бронепрожигающие гранаты? — спросил, оторвавшись от стереотрубы, главный военный представитель, майор Звягинцев, у Таубина. Тот подтвердил, и тогда удивленный представитель «боеприпасников» спросил:

— Но когда же вы успели? За пару дней отработать конструкцию невозможно.

— Ну, мы уже давно над этим работаем. Отдел под руководством Михаила Ефимовича Вицени, который этим вопросом еще до войны занимался в мирных целях, уже полгода такую гранату конструировал. Только раньше мощности взрывчатки не хватало. Теперь же, когда мы вашу получили, то решили попробовать. Наши энтузиасты даже в ночную смену оставались. Ну и, как вы уже видели, — получилось.

— Не просто получилось, а мне кажется, отлично получилось! — восторженно сказал майор Звягинцев. — Если еще и стоимость боеприпаса не чрезмерной будет, то ничего лучше и желать нельзя. А бронепробиваемость какая?

— По нашим расчетам — до пятидесяти миллиметров при нулевом угле встречи с броней. Впрочем, можем сразу посмотреть на месте, — ответил Таубин.

— Пойдемте, — предложил военпред и первым направился к выходу. Таубин, слегка задержавшись и передав через связиста необходимые указания, поспешил вслед.

Осмотр мишеней показал, что граната при прямом попадании пробивала броню и могла поджечь расположенный за ней бак с горючим.

— Считаю, что испытания опытной партии гранат прошли успешно. Буду ходатайствовать о проведении приемных испытаний с целью принятия на вооружение, — сказал, осмотрев мишени, майор Звягинцев.

И опять днем и ночью работали все отделы КБ, готовя документацию на новый вид боеприпаса, опять, качаясь от недосыпания и скудного тылового пайка, рабочие, в том числе

дети — ученики ФЗУ и женщины, сутками стояли у станков, делая все для победы. И хотя на них не сыпались бомбы и снаряды, они не сталкивались с противником в рукопашной и не погибали от его пуль, для победы они сделали не меньше, чем воевавшие на фронте бойцы.

6 июля 1942 г. Москва

— ...Наиболее противоречащим данным предположениям фактом является наличие у «Припяти-один» собаки, порода которой эндемична для нашей Средней Азии. Кроме того, что ее присутствие слишком привлекает внимание к группе, получены данные экспертизы, что эта порода считается не подлежащей дрессировке в принципе.

— Почему? — удивленно спросил нарком.

— Слишком тупые и своевольные. Справка эксперта находится в приложении тринадцать, — доклад Мурашова продолжался уже более часа, но, несмотря на утомление, и он, и хозяин кабинета, и третий присутствующий, старый друг и сослуживец наркома Меркулов, внимательно изучали каждый факт этого фантастически интересного дела.

— Пойдите, Юрий Владимирович, — прервал слегка охрипшего майора нарком. — Если я не ошибаюсь, в полученном нами донесении о нападении диверсантов на «Припять-один» с группой командиров приводятся сведения, что собака вела себя как отлично обученный служебный пес.

— Так оно и есть, товарищ нарком, — ответил, отпив глоток воды из стоящего рядом стакана, Юрий. — При нападении неизвестных, вооруженных автоматическим и специальным бесшумным оружием, отличился погибший боец роты охраны штаба Семенов. Он, видимо, определил угрозу и не только снял карабин с предохранителя, но и дослал патрон в патронник. В результате перед своей гибелью успел выстрелить, подняв тревогу. Собака же, обнаружив угрозу от этих лиц, по некоторым показаниям, самостоятельно, по другим — получив команду хозяина, бросилась на пытавшегося воспользоваться автоматом ППШ диверсанта и уничтожила его. А затем, во время начавшейся перестрелки, напала на второго и, повредив ему руку с оружием, зафиксировала его до подхода комендантского подразделения, отпустив только после команды хозяина. Да я и сам наблюдал за ней. Отлично обученный служебный пес.

— И что там было за бесшумное оружие? — удивленно спросил не знавший подробностей дела Меркулов.

— Английское. По донесению — это закупленные нами для осназа автоматы «Стен» с глушителями. Как вы знаете, только эта партия, специально для нас выпущенная, имеет магазины не сбоку, а внизу, под немецкий патрон.

— Нашли, где эти автоматы числятся? — заинтересованно спросил Меркулов.

— Пока нет. По нашей просьбе на оружии никаких отличительных маркировок не ставилось, поэтому обнаружить недостачу очень трудно. Проводим негласную проверку, но автоматы уже были разосланы по множеству отрядов, так что результаты придется ждать долго.

— С этим понятно. Разберетесь позже. Теперь дальше по «Припяти», — немного грубовато прервал разговор подчиненных нарком.

— Есть. В конечном итоге, суммируя все вышеизложенное, я пришел к выводу, что «английская» версия является маловероятной. Наиболее вероятным считаю наличие тайной организации, возможно, не до конца лояльной советской власти и связанной с границей. Предлагаю начать разработку дела «Припять» в этом направлении.

— То есть... что-то вроде сменовеховцев? — нарком задумчиво посмотрел на лежащую перед Мурашовым толстенную папку «реферата» по делу.

— Примерно так. Патриотическая, но первоначально антисоветская организация. Которая решила бороться совместно с нами против немецкого завоевания. Возможно даже, что к такому выводу пришли только фигуранты «Припяти» и вся их деятельность — только

их инициатива.

— А нельзя ли было по их акценту хотя бы примерно локализовать страну, из которой они прибыли? — спросил наконец переваривший полученную информацию Меркулов.

— Мне лично это не удалось. Немного похоже на западноукраинский акцент, но другой. Да и незнакомых слов много встречается, — ответил Юрий.

— Ну, работа вами проделана большая. Над выводами стоит еще подумать, а для облегчения работы курировать это дело будет Всеволод Николаевич. Тем более если судить по вашим предположениям, оно как раз по профилю возглавляемых им управлений и будет. Все ясно?

— Так точно! — одновременно ответили, поднимаясь, Мурашов и Меркулов.

— Отлично. Тогда вы, товарищ Меркулов, выделите самого проверенного и толкового сотрудника для помощи товарищу Мурашову.

— Есть! Разрешите идти? — и, получив разрешение, Меркулов с Мурашовым покинули кабинет наркома.

Спустившись этажом ниже, в кабинете Меркулова они еще раз обсудили вытекающие из обстоятельств первоочередные действия. После этого Мурашов, получив заверения от Меркулова, что помощник будет подобран до завтрашнего дня, отправился в свой кабинет. Рабочий день министерства безопасности воюющей страны был практически круглосуточным, и Юрия, так же, как и Меркулова, ждали еще десятки неотложных дел.

«6 июля. Танковое производство на новых площадках все еще разворачивается очень медленно. Необходимо компенсировать потерю нами мощностей Харьковского завода. Тов. Сталин очень недоволен уменьшением производства танков Т-34. Компенсируем повышением выпуска Т-50. Начал работу уральский завод номер 174А.

Закончены испытания нового орудия конструкции тов. Петрова, калибра 100 мм. Удачный обстрел неисправного танка „Тигр“. [...]».

Дневник наркома танкостроения т. Малышева, 1942 год.

7 июля 1942 г. Изюм. Сергей Иванов

Черт, опять везет нам как уопленникам. Не успели мы на состав погрузиться и пару станций преодолеть, как нас остановили и опять выгрузиться заставили. Немцы все же прорвали фронт в нескольких местах и через Изюмский переволок перескочили на восточный берег Северного Донца. А резервов свободных у фронта практически не осталось, немцы все боями сковали. Вот и бросили туда нас, да из резерва Ставки стрелковый корпус генерала К. Н. Галицкого из двух дивизий, которому нас и придали. Мне еще фамилия генерала этого смутно знакомой показалась, читал я про него что-то не очень хорошее, вроде бы, когда он уже командармом был. Но приказ есть приказ, и двинулись мы к городу, обгоняя идущие в ту же сторону колонны пехоты. Прибыли, конечно, не первыми, у города уже разворачивалась сто восемьдесят четвертая стрелковая дивизия генерал-майора Петерса. Ох и чмо! Я к нему на КП приехал, смотрю, стоит такое чудо невысокого роста, поперек себя шире и с таким превосходством мне бросает:

— Кто такой?

Ну, я ему так вежливо докладываю, мол, гвардии инженер-подполковник Иванов, командир первой гвардейской..., а он меня перебил и давай орать:

— Вы где-то шлялись и прибыли к шапочному разбору! Из-за вас моя дивизия не может выполнить приказа об атаке города! Учтите, что вторичную рекогносцировку проводить не буду...

А в завершение разговора, вместо приглашения к непосредственному взаимодействию

на поле боя, он своим начальственным голосом отрезал:

— Чтобы на моем КП в момент боя было меньше народу, создавайте свой командный пункт.

Ну спасибо! А я так с ним на одном командном пункте хотел расположиться. Иди, думаю, на хрен, со своим КП. И ведь такому вот идиоту надо под команду своих ребят отдавать. Ладно, передал ему в подчинение второй батальон, к которому взвод КВ-2С и взвод СУ-152 придал, да Махрову все это хозяйство подчинил. Алексей мужик толковый, сесть себе на шею не очень-то позволит. Пришлось тринадцать КВ-15, два КВ-2С и две СУ-152 скрепя сердце этому генералу выделить.

Ну, а сам с оставшимися батальонами севернее развернулся, прямо напротив переправы. Н-да, мне хотя бы батальон пехоты еще где-то взять. Что у меня осталось после того, как один танковый отдал? Всего-то двадцать семь танков и самоходок, из них десять КВ-2С и пять СУ-152. Танкодесантников я по экипажам, как обычно, распределил, а мотострелков с ротой КВ-2С в резерве оставил. Не успели мы на позиции выдвинуться и рекогносцировку провести, уже комкор звонит. Типа, чего вы там телитесь, вашу мать, атаковать пора. А сбоку, слышу, уже артиллерия вовсю молотит по заречному району города. Глянул. Глаза бы мои не смотрели! У...ть, стрелки в атаку пошли. Вместе с нашими танками. Пришлось и мне команду на атаку давать, иначе бы нас по отдельности немцы могли бить. Бл... из-за такого командования мы и потери понесем выше. Эх, расслабились мы, привыкли самостоятельные участки получать, забыли, что РККА фактически еще сорок первого года. Получше, конечно, чем в нашем мире была, но немного.

В общем, прикинул я обстановку и местность, и атаковали мы напротив Кременецкой возвышенности. В первом эшелоне два танковых батальона и резерв — во втором. А больше сил и нет. Вторая стрелковая дивизия только подтягивается, причем немцы ее усиленно авиацией долбят, несмотря на истребительное прикрытие. Ну, точно будущая американская концепция борьбы со вторыми эшелонами в действии. Прямо-таки и ждешь, что еще и ракетами АТАКМС сейчас ударят дополнительно.

Что-то вяловато сегодня наши «соколы» действуют, наверное, тоже молодежь. Правда, один Як прямо над нами ловко «мессера» и «Юнкерс-лаптежник» завалил, но что с ним дальше стало, мне уже неизвестно — своих дел полно было, некогда небо разглядывать.

Местность для танков неудобная, овражки да буераки, огороды и сады, спрятать противотанковую пушку — везде не проблема. Немцы этим и воспользовались, понатыкали их, где только смогли. Хорошо, что я впереди разведку пустил, да и своим маневрировать активнее приказал. Атаку, в общем, скорее имитировать. Типа разведки боем. Но даже и при этом два танка у меня в первой атаке сожгли да два повредили. Кажется, они сюда семидесятипятимиллиметровки противотанковые, да еще в большом количестве, выставили, под каждым кустом стоят. Черт, а гаубиц-то у меня всего пять штук, да и минометов тяжелых нехватка. Эх, дивизион бы тяжелый сюда, полжизни отдал бы за хороший такой дивизион шестидюймовых гаубиц. А лучше два и времени на доразведку побольше. Эх, и еще, где та эскадрилья автожиров, вот бы сейчас с воздуха глянуть...

Пока я прикидывал, как мне имеющийся кондом на глобус натянуть, чтобы на все хватило, пока артиллеристы да самоходчики обнаруженные цели обрабатывали, тратя не слишком большой боекомплект, судьба, как обычно, свои белые и черные полоски показала. Сначала донесение пришло от Махрова. Этот долбанный пехотный генерал взаимодействие организовать так и не смог. Наши танки с десантом на броне в город ворвались, а пехота отстала. Ее тут же немцы заградительным огнем отсекали на подступах к окраинам. Пришлось срочно отходить. Вот тут немецкая радиоэлектронная борьба и сказалась. Радиосвязь заглушили, поэтому приказ не всем удалось довести. Шесть танков со своими десантниками так в городе и застряли. Экипажи у них наименее опытные, сами не заметили, что полярный лис вокруг бегаёт. Я от таких известий даже малый боцманский загиб неожиданно вспомнил и при всех выдал. Блин, что делать?

Только не успел я ничего придумать, на КП неожиданно майор-артиллерист появился.

Гвардеец, ого. Представился Жирковым Леонидом и доложил, что полк гвардейских минометов в мое распоряжение поступил. Это же — двадцать четыре, как он доложил, «катюши», в том числе восемь тяжелых. Ух, тут я быстро придумал, что делать. Жиркова с начартом бригады озаботил, посыльных по батальонам разогнал, и через полчаса мы немцам «кузькину мать» показали.

После артобстрела, обработки «катюшами» и последующей атаки всеми танками оставшиеся в живых немцы быстро оборону свернули и к броду рванули. Ну а мы получили возможность, оставив там заслон, с севера на пригородный район ударить. Наша успешная атака и пехоту воодушевила, стрелки с махровской группой тоже по немцам ударили. А уж в городе наши «двойки» и «пятнадцатые» своими фугасами немало фрицев положили, дома, в которых они укрылись, разбивая. Вот тут преимущества артиллерийских танков сразу видны, не зря англичане их почти всю войну производили.

Но держались фрицы упорно. Так что, когда мы к мосту прорвались, у меня свободной только усиленная рота резерва из пятерки КВ-2С осталась. Пришлось ее на уничтожение моста и бросить. Практически на смерть, потому что поддержать их абсолютно нечем было. Правда, и я на «Рыжем» попытался с ними пойти, но не повезло, гусеницу ему порвала и каток повредила гранатой надкалиберной одна спрятанная Гансами «колотушка». Бл...ь, хорошо спрятали, такой гранатой дальше чем на сто метров и попасть в танк невозможно! Мы, конечно, эту пушку и фрицев при ней на нуль помножили, только вот атаку резерва смогли лишь огнем поддержать.

Как они шли! Фрицы по ним били из всего, от гранатометов винтовочных до тяжелых орудий с того берега, а «двойки» перекатами, на остановках обстреливая мост, шли и шли. Один за другим вспыхивали, замирали, но остальные все равно шли. И дошли.

Последний так и сгорел, у самого берега, у остатков моста, с собой раздавленное немецкое орудие и весь его расчет прихватив. Но немцев мы на ту сторону отбросили, а оставшихся на этом берегу уничтожили и в плен взяли...

8 июля 1942 г. Изюм

Прибывший ночью на обороняемый бригадой участок генерал Галицкий оказался куда лучше, чем про него думал Сергей Иванов. Не заезжая в штаб, он сразу прошел по передовой, где в одном из окопов у уреза воды и нашел его вызванный посыльным Сергей. Генерал беседовал с расчетом одного из четырех оставшихся целыми «Васильков», с интересом расспрашивая об особенностях эксплуатации, ведения огня и надежности этого, пока не поступавшего в обычные стрелковые части, оружия.

Поздоровавшись с Ивановым, он распрощался с бойцами и отправился на КП бригады. Здесь, уточнив у Сергея обстоятельства боев, Кузьма Николаевич, печально вздохнув, признал, что был не прав. Такого, честно говоря, Сергей никак не ожидал и не сразу нашелся, как ответить. Впрочем, генерал ответа и не ждал, а приказал подготовиться к сдаче участка обороны подошедшей кавалерийской бригаде шестого кавкорпуса, а самим отбуксировать неисправную технику в тыл и готовиться к погрузке. Оказывается, бригаду у фронта по распоряжению Ставки забирают на доукомплектование.

Генерал, с недовольным видом озвучивавший этот приказ, неожиданно попросил Иванова провести разведку боем и попытаться захватить плацдарм на том берегу. Сергей немного подумал, потом попросил придать ему на время корпусной дивизион пушек-гаубиц и разведбатальон. Сделав совершенно нейтральное лицо, он заявил, что его подразделения понесли большие потери и без такого усиления не смогут удержать атаки противника. Генерал, при первых словах с негодующим лицом вскинувшийся, как пришпоренная лошадь, внезапно усмехнулся, вызвал адъютанта и надиктовал ему приказ.

— Кавалеристы пока задерживаются, так что время у вас есть. Примерно часов двадцать, — добавил он, распрощался со всеми и уехал в штаб корпуса.

Не успел он еще отъехать на пару метров, а в землянке штаба уже вовсю кипела работа. Срочно вызванный Сергеев, мысленно матерясь, слушал приказ на проведение ночного поиска и также мысленно прикидывал, кого выделить и как они будут переправляться на ту сторону, рядом трудился над картами начальник оперативного отдела старший лейтенант Кузьмин, а Сергей Иванов, размышляя вслух, надиктовывал исходный вариант боевого приказа.

— Не получим мы по шапке за такую инициативу? — спросил, закончив работу с картой, Кузьмин.

— Не должны, если все успехом увенчается, — усмехнулся Иванов, — ну, а мы постараемся не оплошать. Гвардия мы или кто?

— Гвардия, гвардия, вот только сил все равно маловато.

— Сил на войне всегда много только у противника. И вообще Суворов говорил, что воюют не числом, а умением, — снова ответил Иванов.

— Суворов был типичным представителем феодального периода войны и реакционером, поэтому так и говорил, — ответил Кузьмин.

— Суворов был прежде всего великим русским полководцем, бившим всех врагов России. А что он не был марксистом, так время такое было. Но наши сегодняшние действия очень даже логичны, если подумать.

— Вы полагаете, товарищ полковник? — спросил, оторвавшись от бумаг, Сергеев. Но вместо Иванова ему ответил Кузьмин: — Точно. Как это я сразу не сообразил. Немцы примерно оценили наши потери и наверняка нашей активности не ждут. Нам же выгодно их атаковать, иначе они могут сами попытаться в наступление перейти...

— Вот, правильно мыслите, товарищ старший лейтенант! — ободрительно восклицает Иванов. — Тэк-с, вот у нас и готовый начштаба есть, — вызвав смущенно-радостную улыбку Кузьмина, добавляет он и, повернувшись к Сергееву, поясняет: — Немцев надо всего лишь сковать и ошеломить. Пусть гадают, что мы хотим сделать. Так что особо не геройствуй и своим подчиненным это обязательно доведи. Ну, вперед!

— Есть! Пошел, — откозыряв, Сергей Олегович захватил бумаги и вышел из землянки. Через некоторое время ее покинуло и несколько штабных офицеров, направившихся к артиллеристам и в неторопливо сосредотачивающийся в тылу разведывательный батальон стрелкового корпуса. Шла тщательная подготовка к бою.

Пока же немецкая и советская артиллерия вели беспокоящий огонь, стараясь нащупать огневые позиции и войска, играя в смертельную игру «кто кого». Но вот наступило то самое время, которое называется в Китае «часом быка», а у моряков — «собачьей вахтой». Время, когда у самых стойких часовых глаза смыкаются сами собой, а сидящие у пулеметов номера дремлют, иногда даже не осознавая этого.

В этот час на берегу возникло смутное, слабо различимое глазом шевеление, затем притихшая было русская артиллерия начала обстрел выявленных целей и вслед за огневым валом артиллерии, прикрываясь броней маленьких, юрких танков, в районе брода поднялись в атаку мотострелки. Немцы, похоже, ожидали чего-то подобного, после короткой заминки они открыли ураганный огонь по наступающим, одновременно стараясь подавить обстреливающие их советские батареи. Атака захлебнулась, и потерпевшие неудачу атакующие попытались спасти, вытащив из воды под огнем немцев, один подбитый танк.

Практически по тому же сценарию отбита и атака разведывательного батальона корпуса, попытавшегося форсировать реку с помощью плавающих Т-40. Однако все эти волнующие события настолько привлекают внимание немецких наблюдателей, что они не обратили внимания на плывущие по реке комья веток и обломки дерева. Внимательный наблюдатель заметил бы, что появились они еще до начала атаки и сейчас как-то странно перемещались в одну сторону, к занятому немцами берегу.

Именно поэтому, внезапно появившись, словно из-под земли, полуголые мокрые русские с ножами, пистолетами и гранатами, одним мгновенным броском оказываются в первой траншее. Одновременно снова атакуют, переправляясь по броду и несколько севернее

его, остальные советские войска. В первой и второй траншеях кипят рукопашные схватки, в лучах рассвета мелькают отблески на штык-ножах немецких «маузеров» и советских «светок», трещат очереди пистолетов-пулеметов, грохочут взрывы ручных гранат, визжат, разрезая воздух и впиваясь в попавшиеся на траектории тела, осколки.

У одной из траншей командовавший атакой Сергей Олегович увидел устраивавшего и маскировавшего свою «лежку» снайпера.

— Это что такое? Семен Данилович, вы как здесь оказались?

— Однако, товарищ старший лейтенант, воюю. Приказал комвзвода в тылу оставаться, но я его уговорил. Как я могу оттуда фашистов уничтожать, сам подумай. А так я еще несколько этих зверей убил.

— Черт побери! Антонов! Хотя... ладно. Смотрите, Семен Данилович, мы в любое время можем отступить. Не хотелось бы, чтобы вы отстали или к немцам в плен попали.

— Не бойся, товарищ командир, я тут еще одну тропинку нашел, рядом с основным бродом. Если что, уйду незаметно.

От разговора с Номоконовым Сергеева отвлекает очередная немецкая контратака. Ее отбивают огнем из окопов при поддержке артиллерии из-за реки. «Теперь бы только день простоять и до ночи продержаться», — думает Сергеев, замечая, что немцы атакуют все большими и большими силами. Похоже, плацдарм за рекой здорово им мешает, тем более что части корпусных разведчиков и мотострелков удается зацепиться за окопы на высоте.

9 июля 1942 г. Москва

Попыхивая срамливаемым паром и время от времени давая короткие гудки, паровоз аккуратно притормозил состав у перрона Павелецкого вокзала. Не успели вагоны окончательно остановиться, как на перрон из третьего, пассажирского, вагона, резко выделяющегося на фоне обычных, «сорок человечков иль восемь лошадей», грузовых вагонов, соскочил высокий молодой капитан с недавно введенными знаками самоходчика в танковых петлицах. Он быстро осмотрелся и, заметив в стороне явно кого-то ожидающих сержанта ГБ и рядового, быстрой упругой походкой направился к ним. Тем временем состав успокоенно замер, и из того же вагона вышла целая компания командиров РККА в повседневной форме, несущих командирские чемоданчики и сидоры с вещами. Всеобщее внимание привлекли отнюдь не эти, с началом войны привычные для железнодорожников и редких гражданских пассажиров персонажи, а сопровождающий одного из этой группы большой необычный пес густо-черного окраса. Спокойно и невозмутимо спрыгнув на перрон и отряхнувшись, он неторопливо порыскал слева от хозяина, привычно поводя ушами и внюхиваясь в окружающее.

Капитан, успевший переговорить с энкаведешниками, подозвал группу командиров к себе, и, обойдя здание вокзала, они разместились в трех присланных «эмках».

Кавалькада машин, крутанувшись по узким улицам, выехала к гостинице «Москва». Здесь все четверо заселились в благоустроенный, можно даже сказать, люксовый, номер, вид которого портило только слишком большое для такого ранга количество кроватей. Впрочем, для фронтовиков и такие апартаменты казались верхом комфорта. Для людей, привыкших спать на лавках, в кузове автомашины или на боеукладке танка, выспаться в нормальной постели, приняв душ, — это все равно, что попасть в рай. Тем более что сержант-сопровождающий сообщил: их ждут в НКВД только завтра, а в ГАБТУ уже после встречи в НКВД.

Принимая душ, Андрей все время пытался сложить имеющиеся факты, чтобы понять, какое отношение имеет НКВД к его корпусу и почему их вначале ждут именно у Меркулова, но так ничего не смог придумать. Интуиция помалкивала, но встреча с первым заместителем наркома внутренних дел — явно не просто так.

Отдохнув с дороги, все дружно решили прогуляться по городу. Стонис, часто

посещавший Москву до войны, устроил для друзей экскурсию. Прокатившись на метро, основу которого составляли всего три коротких линии «Сокольники — Парк культуры», «Курская — Киевская», «Площадь Свердлова — Сокол», а билет стоил всего тридцать копеек, они вышли на поверхность в районе Чистых прудов. Пройдясь по посыпанной мелкой кирпичной крошкой аллеям, дошли до самих прудов и несколько минут с увлечением кормили купленной по дороге булкой лебедей. Проголодавшись, все потребовали от игравшего роль экскурсовода Стониса отвести их куда-нибудь пообедать. Поколебавшись, он предложил попробовать съездить к Охотному Ряду. Забрались на остановке в старенький, дребезжащий трамвай номер двадцать два и всей компанией встали на задней площадке. Кондуктор, пожилая, полноватая женщина в потрепанной одежде, посмотрела на них и сказала, что товарищи военные ездят бесплатно, а вот за собаку придется доплатить. Ехали недолго, старенький вагон, который Андрей про себя назвал «аннушкой», уж очень он напоминал трамвай, виденный им в фильме «Мастер и Маргарита», бодро домчал их до нужной остановки. Вышли на остановке и спокойно прошли до дома номер 10. Около него стояло несколько такси, как и положено — с шашечками на боку и раскрашенным фонарем на крыше, только не привычные по застойным годам «Волги», а «эмки». Стонис остановился и смотрел на открывшуюся перед ним картину с явной ностальгией.

— Что, напомнило что-то? — спросил Андрей.

— Та-а, эту столовую таксисты еще до войны облюбовали. Конечно, машин тогда здесь побольше бывало. А мне... приходилось по делам здесь бывать. С девушкой потом сютта ходили, — и Стонис, помрачнев, замолчал и пошел вперед, к дверям с вывеской «Столовая».

Войдя, Андрей с удивлением обнаружил практически ресторанный зал, тесновато заставленный столиками, накрытыми белыми скатертями. Из стоявшей в углу у окна огромной кадки вверх тянулась, разбросив листья, пальма. Рядом с ней стоял столик, за которым обедали несколько человек, видимо, водители тех самых «эмок». Еще несколько таксистов сидели в противоположном углу. Народу было немного, и стояла на столах самая простая еда.

Выбрав столик, расселись. Ленг привычно устроился на полу, рядом с Андреем и прислонился мордой к его плечу. Колодяжный с удивлением посмотрел на солонку и горчицу, вздохнул и отметил вслух: — Как до войны.

Официантку ждали недолго, минуты три. Она вначале неодобрительно глянула на Ленга, но тот так умильно смотрел на нее и соседний столик с едой, что она улыбнулась и попросила «товарищей командиров» заказывать. Заказали обед. Андрей покосился на Ленга, и к заказу прибавилась тройная порция гуляша с гречкой. Цены немного удивили всех, но официантка объяснила, что теперь все столовые торгуют с двухсотпроцентной наценкой. Денег хватало, поэтому решили все же пообедать тут. Обедали недолго, по-фронтальному и уже через пятнадцать минут, закулив, не торопясь шли по улице. Прогуливались почти до темноты.

Вечером всей компанией, за исключением оставленного в номере Ленга, спустившись в ресторан, командиры с удивлением увидели, что для некоторых граждан войны вроде бы и нет. За столиками сидели многочисленные компании гражданских, правда, часто разбавленные военными в новенькой, а иногда и заметно потрепанной форме. В углу наигрывал что-то душещипательное небольшой оркестрик, а официантки выглядели вполне по-довоенному, как заметит бывавший здесь раньше Стонис. Поужинали быстро, всем было как-то не по себе от столь резко контрастирующей с фронтом обстановки веселья и какого-то нарочитого игнорирования окружающего мира.

10 июля 1942 г. Москва, площадь имени Дзержинского

Рано утром, едва успев помыться и побриться, все загрузились в две «эмки», которые

быстро (никаких пробок, движение меньше, чем в каком-нибудь Миргороде) подъехали к практически неизменному с той поры серому зданию на Лубянке, точнее — на площади Дзержинского.

Несколько минут ожидания у окошечка бюро пропусков, и вот все четверо в сопровождении неизменного сержанта ГБ проходят по коридорам с высокими потолками, несколько затоптанным паркетным полом и стенами, покрашенными в светло-серый цвет. Андрей с неудовольствием отмечает, что каждый из них получил пропуска в разные кабинеты. Первым, кивнув на прощание, скрылся за дверью одного из них Стонис, за ним один за другим вошли в двери под назначенными номерами Колодяжный и Калошин. Но Мельниченко все шел и шел вслед за своим Вергилием в форме. Поднявшись по лестнице, пройдя короткий коридор, затем опять спустившись вниз, они вышли еще на одну лестницу и, одолев два пролета, подошли к солидной, мореного дуба двери явно начальственного кабинета. Увидев ее, Андрей вдруг ощутил полное спокойствие и уверенность, что все пойдет как надо. Тем более что, к его удивлению, никто даже и не попросил их сдать оружие, и теперь у него на портупее привычно, как естественное продолжение тела, висела кобура с его любимым «парабеллумом». «Так что хрен возьмешь меня просто так», — с иронией подумал Андрей. Хотя интуиция молчала, его, честно признаться, беспокоила невозможность разложить ситуацию на ясные и понятные составляющие.

Сопровождающий открыл дверь, и сидящий в небольшом предбаннике секретарь, молодой, явно усталый человек с болезненным лицом трудоголика предложил «товарищу гвардии полковнику» пройти в кабинет...

Сидящий за столом хозяин кабинета, крепкий, похожий, как показалось Мельниченко, на окултуренного Чкалова, вышел из-за стола и, пройдя навстречу, поздоровался с Андреем. Крепко пожав руку и жестом предложив Мельниченко садиться на роскошный стул, больше похожий на полукресло, представился: — Всеволод Николаевич Меркулов, — и предложил: — Чаю?

Пока вошедший по звонку секретарь расставлял на столе чай в стаканах с подстаканниками, фарфоровую сахарницу, печенье и сушки в небольших вазочках, Мельниченко и Меркулов молча разглядывали друг друга. Но едва дверь закрылась, замнаркома сказал, глядя в глаза Андрею:

— Ставка Верховного Главнокомандования решила вновь сформировать Третий гвардейский механизированный корпус. На должность командира корпуса предложена ваша кандидатура, — остановив жестом поставившего стакан с чаем на стол и пытавшегося что-то сказать Мельниченко, он продолжил: — Но у нашего наркомата есть другое предложение. При Главном Управлении Госбезопасности создается специальная инспекционно-аналитическая группа. Подчинена она будет, кроме меня, только наркому и Ставке. Предлагаем вам перейти в нее. Задача группы — независимо собирать и проверять сведения и выдавать аналитические доклады по образцу того, что был составлен с вашей помощью в прошлом году. Так что думайте. Да, должность полковничья, но перспективы у вас есть, вплоть до начальника группы впоследствии.

— Я польщен высокой оценкой моих способностей, но, боюсь, что она преувеличена, — спокойно ответил Андрей, затем, взяв стакан и несколько раз отхлебнув, посмотрел на реакцию собеседника. Меркулов невозмутимо ждал продолжения, лишь в глазах что-то неуловимо промелькнуло. — Как сказал в похожем случае д'Артаньян, меня не приняли бы здесь и осудили бы там, — продолжил Андрей, с усмешкой поглядев в лицо Меркулову, на котором тень неудовольствия через минуту сменилась такой же усмешкой.

— «В таком случае я скажу, что все мои друзья находятся среди мушкетеров, а враги... служат вашему высокопреосвященству, так что меня дурно приняли бы здесь и на меня дурно посмотрели бы там...» Но я-то не кардинал, да и вы, если подумать, не д'Артаньян, — ответил Меркулов, и, посерьезнев, спросил: — Все же объясните, почему?

— Понимаете, Всеволод Николаевич, — раз уж наглеть, так до конца, подумал Андрей. — Мне, здоровому, крепкому мужику, к тому же умеющему воевать... уехать с

фронта... все равно, что дезертировать. Нет, — Андрей посмотрел на пытавшегося что-то сказать Меркулова: — Я понимаю, что пользы от моей работы в группе может быть и больше. Но не уверен в этом. Потому что я, как человек со стороны, в систему сразу не войду. А значит, буду отторгаться ею. Все мои прекрасные и, возможно, правильные мысли будут либо игнорироваться, либо искажаться в пользу уже сложившихся стереотипов. Поэтому возможно самым оптимальным решением будет мое внештатное участие в группе. Мне кажется, так я принесу больше пользы. Тем более опыт такого сотрудничества у нас перед глазами. Я полагаю, мало кто знает, что наши мнения использовались при составлении соответствующего доклада ГКО.

После этих слов на несколько минут в кабинете воцарилась тишина.

— Интересный у вас образ мышления, — вдруг рассмеялся Меркулов и добавил: — Не сразу и поймешь, как вы к своим выводам приходите. Я считаю, что вы ошибаетесь. Если надо для дела, то надо. Но ваше мнение я понял и настаивать в настоящее время на своем предложении не буду, хотя и жаль... — и, плавно свернув разговор, распрощался с Андреем.

Остаток дня для Мельниченко пролетел незаметно. Встреча в ГАБТУ была чисто формальной — полковник, начальник строевого отдела, вручил ему два предписания и приказ — явиться на встречу с Верховным Главнокомандующим, пожелав удачи, отпустил в «свободное плавание».

Вечером, прогуливаясь с Ленгом, Андрей долго размышлял, чем же грозит им столь явный интерес властей предрежащих...

11 июля 1942 г. Юго-Восточная железная дорога. Сергей Иванов

«Ту-дух, ту-дух, ту-дух», — практически вторые сутки слушаем постукивание вагонных колес. Кавалеристы Белова нас сменили, как было обещано, и вот поезд везет нас в Казань. Почему в Казань? А кто его знает. Впрочем, одна мыслишка есть. Если формируется большое танковое соединение, то Казань — самое приемлемое место. Танковое училище, полигон, бывшие помещения КАМА, если я не перепутал. Да, точно КАМА — германско-советская танковая школа, открытая в двадцатые годы. Ее якобы Гудериан посещал, или даже в ней учился. Это, конечно, сказки, покойник в эти годы в Швеции обычно околачивался. А вы думаете? Нацистский меч ковался как раз таки не в СССР. Швеция, Голландия, да и Англия, США как спонсоры, вот так. Это теперь, после развала во всем виновным СССР сделали. А реально наши совместные предприятия после тридцать третьего свернули, совсем. В отличие от некоторых моих знакомых, тогдашние руководители СССР в белопушистость Адика и компании абсолютно не верили. И правы были. Хотя в «Майн кампф» русофобских, как один нацик современный заявил, всего два предложения, но они нам ровненько в двадцать миллионов потерь и встали. Самое же противное, что из тех двадцати — одиннадцать мирные граждане, которых в войне вообще-то должно меньше, чем солдат, гибнуть.

Вот блин, даже в тылу эта война не отпускает. Думал, спокойно отдохну, благо целое купе нам с Муркой выделили. Вообще, нам повезло еще раз. В том направлении должны были перегнать много пассажирских вагонов, и наш эшелон сформировали так, что даже сержантов разместили в купе. Так что едем с комфортом. Ага, а мысли всякие в голову лезут. Даже Мурка не мешает, хотя одновременно с размышлениями я машинально ей мышку из ремешка портупеи подбросил, которую она и ловит, носясь по всему купе. Черт, а ведь я почитать хотел. Вон и книжка лежит, без обложки и нескольких страниц в начале и конце. По-моему, Фейхтвангер, а вот названия точно не помню. Интересная такая история, про горшечника — двойника Нерона, который после его смерти восстание поднял на востоке Империи. Вернее, не он, а один честолобивый сенатор и партия его сторонников, недовольных новым императором, горшечника этого в своих целях использовали. Да, история повторяется. Иногда как фарс, а иногда, как трагедия. Ведь и Адольфа какой-нибудь

«сенатор» также использует, ага. И что характерно, что сейчас, что тогда больше всего ни в чем не повинным людям достается, и военным в первую очередь. Эх, а полковника-то этого римского жалко. Погиб ни за грош, придумав новую тактику. Хотя почему ни за грош? За Императора и Империю. Жаль только, что император фальшивый...

Ну вот, Мурка наигралась, теперь лежит кверху брюхом. Почесать? Ну ладно, почешу недолго, да надо идти руки мыть и обедать...

Ну, них... себе, сходил, пообедал.

— Мурка, ты что? Заболела или обнаглела?

Ладно, придется убирать. Самое лучшее отвлечение при любой грязной работе, как говорил капитан Копылов, это подумать о чем-нибудь высоком, — например, о свободе выбора. Ведь никто вас в армию не гнал, сами пошли.

Тэк-с, а в принципе интересно, конечно. Выбор человека... Любой выбор имеет свои вполне закономерные следствия. Для умного и зрелого человека это вполне очевидно. Он, делая выбор, оценивает условия, свои силы, вероятные последствия, продумывает, как будет справляться с трудностями, что получит взамен и насколько ему это все нужно. А вот инфантильный, незрелый человек с детским мироощущением (ребенок все получает даром — отсюда эгоцентричность и ощущение, что все ему должны), совершая выбор, оценивает только свое желание, «хочу». А когда огребает закономерные последствия, страшно обижается и расстраивается, решает, что мир жесток и несправедлив. Ага, специально для него подянки припасает, бл...

Странно, только сейчас подумал, насколько это моих знакомых из так называемых либералов напоминает. Хе, а ведь они-то утверждают, что любой человек от рождения наделен некими правами и свободами. Точно как дети. Ведь если подумать, нет в реальности никаких прав и свобод, кроме тех, которые человек сумеет обеспечить себе сам и которые ему дают окружающие. Особенно вторые, ведь быть свободным от общества нельзя. Тогда получается, что человек, не разделяющий идей либерализма, учится отстаивать свои права и сотрудничать с другими на общее благо, чтобы опять же получить свое. Живущий же в либеральном мире этому не учится. Зачем? Ему этого не надо — у него уже все есть от рождения, права и свободы. Соответственно он слаб и не умеет кооперироваться с окружающими для достижения общего блага...

Вот и уборка незаметно окончилась. Теперь проветрим купе. Ну ладно, Мурка, слазь, не трону, не бойсь. Ты вон из меня и философа сделала. Впрочем, чтение классики всегда меня на философский лад настраивало. А тут книга неплохая и в тему, точно. Так что надо уметь сделать правильный выбор.

Жаль, что понимание правильности иногда приходит не сразу. Кто бы в девяносто первом подсказал, где та правда. Глядишь, и не сумели бы три поросенка из леса вместо СССР «эссен гэ» подсунуть народу. А ведь как соловьями разливались, как реформы на благо народа расписывали, ага. «Москали наше сало зыли, отделимся!» Бл..., поубивав бы.

Ладно, Мурка, не когти, это я просто задумался. Кстати, а чего это меня никто не тревожит? Схожу проверю, как дела.

— Мурка, еще раз такое натворишь — дальше в «Рыжем» поедешь, скотина. Со мной хочешь? Ну, давай, прыгай на плечо.

12 июля 1942. П. Кубинка, г. Москва

На полигоне шла повседневная, практически не изменившаяся из-за военного времени жизнь. Несколько танков, рыча моторами, преодолевали полигонную «дорогу», видимо, проходя испытания пробегом. У ангара сушили, что-то ремонтируя или просто осматривая машины, рабочие. Группа военных, в сопровождении местного особиста, прошли к ангару, рядом с которым стоял закрытый брезентом танк, судя по габаритам — тяжелый. Похоже, какая-то модификация КВ с длинноствольной пушкой. У танка посетителей уже ждал

гражданский специалист, одетый, как и большинство окружающих, в перешитую военную форму без знаков различия. Дождавшись, когда группа полностью подтянется поближе к танку, он представился:

— Васильев Авенир Иванович, инженер. Сегодня я познакомлю вас с бронетанковой техникой, в том числе и новейшей. Прошу за мной в ангар. Позднее подъедет бригада испытателей, которая покажет вам в движении новейший тяжелый танк КВ.

В ангаре в образцовом порядке стояли свежеокрашенные бронированные машины, поблескивая начищенной сталью траков. «Явно планировался показ высокому начальству», — мелькнула у Андрея мысль.

Местный «Вергилий» повел экскурсию вдоль ряда техники, попутно кратко описывая увиденное. А посмотреть было что. В первом ряду стояли бронеавтомобиль БА-64 и легкий бронетранспортер БТР-64, легкий танк Т-50, средние танки Т-34 нескольких заводов. За ними — разнообразные КВ: «первый эс», «второй», «пятнадцатый», «тринадцатый», за которыми расположились самоходки — легкие СУ-57 и СУ-76, средние СУ-122, тяжелые «зверобой» СУ-152 и даже опытная самоходная восьмидюймовка на базе КВ. Дальше, уставив в небо стволы, стояли зенитные танки или, если быть совсем точным, зенитные самоходные установки: Т-603 со счетверенной установкой «максимов» или одним ДШК, Т-903 с крупнокалиберной пулеметной спаркой, Т-703 с двадцатипяти- и тридцатисемимиллиметровыми автоматическими зенитками. Все это, как уверял экскурсовод, уже производится или будет производиться в ближайшее время для оснащения механизированных корпусов РККА. Едва они успели пройти ангар, как снаружи раздался рев запускаемого дизеля.

— Вот и бригада испытателей подошла. Прошу всех за мной, — обрадовался инженер.

Выйдя из ангара, Мельниченко и компания, увидели, как танк, чем-то напомнивший Андрею ИС-1, но явно с пушкой большего калибра, быстро удаляется по дороге. Одновременно из-за ангара вывернул автобус, на котором их привезли в Кубинку. Все быстро заняли места в салоне и, подвывая мотором и трясясь на ухабах разбитой траками дороги, старенький ЗИС-8 устремился вслед.

Танк, выехав на директрису стрельбы, поразил первыми двумя выстрелами мишень, затем, переехав на новую позицию с расстояния в километр, обстрелял стоящий немецкий танк, в котором Андрей без труда опознал захваченный его бригадой «Тигр». Все попавшие снаряды пробили лобовую броню, в чем экскурсанты смогли убедиться, осмотрев мишень после стрельб. Прикинув диаметр дыры, Андрей решил, что танк вооружен как минимум стомиллиметровой пушкой.

Пока Мельниченко со товарищи осматривали новую технику, в известном кабинете на площади Дзержинского проходило очередное совещание. Выступали начальники главных управлений и приглашенные на совещание следователи по особо важным делам. Длилось оно недолго, время на пустопорожние разговоры в этом серьезном наркомате тратить не рекомендовалось. По окончании совещания в кабинете остались только его хозяин, Меркулов и Мурашов.

— Итак, что вы можете сказать по вашей беседе, Всеволод Николаевич? — приветливо блеснув стеклами пенсне, спросил нарком.

— Весьма необычно мыслящая личность, этот ваш... хм... «Припять-один». Удивил меня не один раз за время короткой беседы. Образован, как я уже отметил, умеет мыслить широко и неординарно, чрезвычайно быстрая реакция, прямолинеен и довольно-таки бесстрашен. Мое мнение — бывший военный, но не из РККА. Необычное отношение к органам, слишком необычная речь и образ мышления. Не совсем советский, я бы сказал. Никакого акцента я практически не заметил, но говорит он все равно непривычно, почти как профессор университета. Кажется, упоминалось, что он из Средней Азии? Судя по речи — вполне возможно. Но не англичанин, чего нет, того нет. Возможно, жил за границей, в некоторых словах мелькает странный акцент, — Меркулов замолчал, видимо, снова перепроверяя и вспоминая свои впечатления от разговора.

— Уверены, что за границей? Потому что, по имеющимся сведениям, он из Средней Азии, родственник красного командира, — спросил нарком, бросив недовольный взгляд на Мурашова.

— Не совсем уверен, но что-то такое в его поведении чувствуется. Непривычное, — ответил, подумав, Меркулов.

— Но тогда как понимать собранные сведения? — зло и недоверчиво глядя на Мурашова, спросил нарком.

— Товарищ нарком, разрешите напомнить, что сведения о действительном проживании фигурантов «Припяти» в пределах Советского Союза крайне отрывочны и имеют большие пробелы, — слегка побледневший, но уверенно отвечавший на вопрос Юрий заметил мгновенную перемену в настроении начальника.

— Ладно. Сам понимаю, что затевать полномасштабное расследование сейчас нет никакого смысла. Даже если они и иностранцы, в настоящий момент они на нашей стороне и самое главное — в нашей власти. Усиьте агентурное освещение и тщательнее проанализируйте имеющиеся материалы на предмет возможной инфильтрации «Припяти» из-за границы. Все. Оставьте мне материалы, сам поработаю. Свободны.

И опять далеко за полночь светились лампы в кабинетах здания на площади Дзержинского.

13 июля 1942 г. Юго-Восточная железная дорога. Сергей Иванов

Оказывается, сегодня у Сергеева день рождения. Черт, если бы не замполит, я бы и не вспомнил. А так, дал ему день отдыха и предложил вечером посидеть у меня в купе небольшой компанией. Собрались вместо ужина. Я, замполит — майор Марченко, комбаты Махров, Политов, Тарутин, комроты Телепнев, виновник торжества и три девушки из бригадного медсанбата, врач Мария и медсестры Даша и Наташа. Пьем первую за здоровье именинника, очень, кстати, неплохое грузинское вино, которое, кажется, в военторге продавали. Кроме вина, на столике жалобно позвякивают при каждом сотрясении вагона охлажденные в воде бутылки «засургученной» и несколько тарелок с нехитрой, но вполне сытной закуской, принесенной Антоном из вагона-ресторана, который в нашем эшелоне вместо столовой. Я ж упоминал, что едем мы со всем комфортом? Так оно и есть, даже вагон-ресторан нам в эшелон прицепили. На восток эвакуируют подвижной состав, вот так.

Тэк-с, вот все и закусили. Теперь быстренько по второй за родителей, а потом — подарки. Ох и неплохо же Телепнев придумал. Ну, ему легче — целая ремонтная рота в подчинении, вот и сварганили ему из хорошей стали кинжал. Правда, украшенные ножны за день не сделаешь. Хм, значит, заранее для чего-то готовил и хранил. Запомним. Ну, остальные дарят всякую мелочь, какую обычно дарят мужикам, когда неожиданно узнают о дне рождения, типа бритвы золингеновской стали, книжек и одеколona. Под конец девушки целуют раскрасневшегося Сергея Олеговича в щеки. Ну, и моя очередь настает. Достают из ниши, в которой уселась и смотрит сверху осуждающе на наше сборище Мурка, свою гитару. Эх, давненько я не брал ее в руки!

— В подарок имениннику исполняется песня про разведку!

А на войне, как на войне,
Но нам трудней, чем всем, вдвойне.
Едва взошел над сопками рассвет,
Мы не прощаемся ни с кем,
Чужие слезы нам зачем,
Уходим в ночь, уходим в дождь, уходим в снег.
Мы бригадная разведка,
И без дел скучаем редко,

Что ни день — то снова поиск, снова бой.
Ты, сестричка в медсанбате,
Не тревожься бога ради,
Мы до свадьбы доживем еще с тобой.

Тэк-с, вижу, всем понравилось. А припев опять вогнал тезку в краску. Так, так, на кого же мы смотрим? Ага, Дашенька тоже краснеет. Ну, конспираторы, тут вы и попались. А я-то еще удивлялся, что девушки на нашу вечеринку согласились прийти. Обычно сидят у себя в медсанбате, никуда носа не кажут.

— И мы припомним, как бывало
Всю ночь шагали без привала,
Рвали проволоку, брали языка.
Как ходили мы в атаку,
Как делили с другом флягу
И последнюю щепотку табака.

И все хором допеваем припев:

— Мы бригадная разведка,
И без дел скучаем редко,
Что ни день — то снова поиск, снова бой.
Ты, сестричка в медсанбате,
Не тревожься бога ради,
Мы до свадьбы доживем еще с тобой.

Весело сидим! Все уже, смотрю, расстегнулись, жарко все же в купе, да и народу набилось порядочно. Но место мне с гитарой держат, а напротив как раз доктор наш сидит. Нет, вот вечно в суете упускаешь, а тут можно сказать под боком такая женщина... Черт, похоже, вино здорово подействовало, да и время как быстро летит. Эх, пусть хотя бы тезке с Дашей повезет, не то что Семе с Еленой. Черт, сколько их, молодых и любящих, перемалывает эта проклятая война. Как бы мы могли хорошо жить, если бы не война...

Да, когда вам говорят, что военные хотят воевать и что война для них чуть ли не праздник — не верьте. Меньше всего хотят войны именно профессиональные военные, потому что мы-то точно знаем, что это такое. Какой-нибудь политик ради своих амбиций или толстый дядька в цилиндре и с моноклем, как сейчас рисуют богачей, ради прибылей, втягивают страну в войну. И простые молодые парни вроде моего тезки или Семы гибнут от пуль, повисают на колючей проволоке, их тела рвут на части взрывы и коверкают осколки снарядов и гранат. И для нас, кадровых офицеров, главное — сделать так, чтобы их погибло поменьше. Научить, продумать, защитить от головотяпства. Именно к этому мы готовимся всю свою мирную жизнь, для того мы и тратим время на бесконечные переезды и однотонные занятия, в душе моля высшие силы, чтобы нам никогда не пришлось применять свои навыки и знания на практике. Да, война — это грязная, кровавая, страшная работа, и никто из знающих, что это такое, никогда не хочет воевать. За редкими исключениями, которые, как говорят римляне, и подтверждают это правило.

Пьем заключительную. Эх, хорошо пошла! Правда, водка, ну ничего. Завтра все равно вставать рано не надо, ехать еще далеко. Н-да, а выпил я изрядно. Даже вон на Маришу засмотрелся так, что она отвернулась и покраснела. Черт, все, все, прощаемся, не стоит при подчиненных распускаться.

— Что Мурка, не нравится, когда народу в купе много? Скотинка ты территориальная. Ну, все, давай спать, не носись как дурная. Спать, спать.

14 июля 1942 г. Москва. Кремль

Тщательно скрывающий свое волнение, Андрей вылез из «эмки», предоставленной ему ГАБТУ. Из другой машины выбрался начальник управления Федоренко и, кивнув Мельниченко, скорым шагом пошел ко входу в здание.

По заведенному порядку и этикету, хорошо характеризующему отношение высшего руководства государства к армии, вновь назначаемый командир корпуса должен был встретиться с самим Верховным Главнокомандующим. Такая встреча предстояла и Андрею.

Встретивший их в подъезде старший лейтенант ГБ предложил сдать оружие. Ни у Федоренко, ни у Мельниченко пистолетов с собой не было, и они в сопровождении одного из охранников поднялись по лестнице. На лестничной площадке стоял еще один пост, и его начальник, капитан ГБ, попросив подождать, ушел в прихожую. Мельниченко и Федоренко остались стоять. Андрей заметил, что оставшиеся на посту профессионально, глядя, казалось бы, в сторону, «зафиксировали» их, и даже сопровождающего. Тут дверь открылась, выглянувший капитан предложил «товарищам командирам» войти. Они прошли в большую, полупустую комнату с диваном и стоящим слева от двери письменным столом, за которым сидел невысокий, полноватый человек с бледным, бесцветно-незапоминающимся лицом, аккуратным пробором и, контрастом к прическе, сияющей на макушке лысиной. Секретарь невозмутимо записывал что-то в лежащий перед ним журнал и, казалось, не замечал посетителей. Генерал Федоренко еще раз нервно оправил гимнастерку. Андрей, посмотрев на него, тоже постарался привести себя в порядок, хотя форма на нем и так сидела, с его точки зрения, практически идеально.

На столе Поскребышева, а это был именно он, зазвонил телефон. Александр Николаевич так же невозмутимо вышел из-за стола и, открыв массивную Дубовую дверь, ведущую в небольшой тамбур, скрылся, притворив ее за собой. Через полминуты дверь открылась. Вышедший из нее Поскребышев сказал голосом, похожим на его облик, указывая на оставленную им открытую дверь:

— Проходите. Вас ждут.

Мельниченко, пропустив первым Федоренко, и, привычно подавляя внезапно возникшее волнение, вошел через тамбур в знакомый по неоднократно виденным в прошлой жизни фильмам о войне кабинет. Перед стоящим в центре кабинета столом стоял, держа трубку в руке, Сталин. В своем знакомом всем людям поколения Мельниченко полувоенном костюме, кавказских сапогах с мягкими даже на вид голенищами, невысокого роста, усащенный. Да, это был он — глава Советского государства в эпоху его расцвета, человек, о котором говорили, что он принял страну с сохой и оставил ее с атомной бомбой. Вокруг него чувствовалась такая аура власти, что Андрей от неожиданности резко остановился. Впрочем, это оказалось вполне своевременным. Федоренко остановился тоже. Приглашающе показав рукой начальнику ГАБТУ на стул, Сталин оглянулся на сидящих и, сделав несколько легких, бесшумных, каких-то кошачьих, шагов, подошел к Мельниченко вплотную.

— Здравия желаю, товарищ Верховный Главнокомандующий! Представляюсь по случаю назначения на должность командира корпуса! Гвардии полковник Мельниченко!

— Здравствуйте, товарищ Мелничэнко. Проходите к столу, — ответил Сталин, поглядев на Андрея желтыми, «тигриными» глазами, в глубине которых Мельниченко заметил любопытство и еще что-то непонятно-пугающее. Да уж, такой взгляд не забудешь до самой смерти.

Но Сталин уже отвел взгляд и по-прежнему мягким, кошачьим движением уступил дорогу Андрею, освобождая ему проход к стулу. Андрей прошел вперед и сел за стол, только сейчас сообразив, что напротив него сидит, поблескивая стеклышками старомодного пенсне, сам знаменитый в будущем «кровавосталинский палач», а рядом — скорее всего, Молотов или Маленков. Их, в отличие от Берии, Андрей в лицо не запомнил, даже после года жизни в этом времени. Как-то не интересовали они его, хотя и газеты он читал, и портреты вождей

видел довольно часто.

Пока Мельниченко садился, Сталин успел обогнуть стол и, усевшись напротив, начал прочищать трубку, давая время, как понял Андрей, освоиться.

— Товарищ Мелничэнко, мы знакомы с результатами вашей полководческой деятельности и на этом основании приняли рэшение о назначении вас командиром корпуса, — продолжая свои манипуляции с трубкой, начал разговор Иосиф Виссарионович. — Но хотэлос бы узнат ваше мнение — справитес ли вы с такой должностью?

— Постараюсь оправдать оказанное мне доверие и выполнить все приказы Верховного Главнокомандования, — ответил Андрей.

— Харашо, товарищ Мельничэнко. А как ви считаете, — продолжил разговор, закуривая трубку, Сталин, — что нэобходимо вам и вашему корпусу для лучьшего выполнения приказов? Какие нэдостатки вы успэли заметить во время предыдущих боев?

Андрей, первоначально слегка запинаясь от волнения и не сразу находя слова, начал отвечать. Сталин точными и своевременными репликами, показывающими, что он внимательно слушает собеседника, помогал ему формулировать свои мысли. Разговор, к которому присоединились и все присутствующие, продлился около часа, время, показавшееся Андрею необычно долгим. Стараясь выглядеть невозмутимо, он переживал за каждое свое слово, пытаясь контролировать все произнесенное вслух, чтобы создать самое благоприятное впечатление. Конечно, он так и не смог уловить реакцию самого Сталина, тот был слишком опытным и хитроумным политиком, но, судя по всему, на остальных присутствующих Андрей произвел самое наилучшее впечатление.

Затем Мельниченко были вручены принесенные Поскребышевым бумаги, и Сталин, приказав дежурному генералу отправить его в гостиницу под надежной охраной, простился и пожелал удачи.

«Такие встречи не зря запоминались назначаемым на всю жизнь», — подумал Андрей, прощаясь и выходя в сопровождении дежурного генерала из кабинета.

«Боевые действия русских во время крупного наступления на юге приобрели новый характер; число захваченных военнопленных, в сравнении с прежними битвами на окружение, стало незначительным. Противник своевременно избегал грозящих охватов и в своей стратегической обороне использовал большой территориальный простор, уклоняясь от задуманных нами ударов на уничтожение. Именно у Ростова, Калача и у Воронежа он оказывал упорное сопротивление, ибо больше не боялся оперативных охватов и обходов».

Кейтель. Воспоминания. Берн, 1956 г.

16–17 июля 1942 г. Казанская железная дорога

Еще два дня поезд неторопливо пробирался сквозь едущие на запад эшелоны к Казани. Сергей понял, что его догадка верна, на станции Канаш, когда к ним пересела с местного поезда компания командиров во главе с... Андреем Мельниченко. Да, они тоже ехали в Казань, где должен был формироваться корпус. Позднее секретчик принес расшифрованный приказ, который привез с собой один из спутников Андрея. Из него выяснилось, что бригада включена в состав формируемой в Казани Второй механизированной Армии. Из разговоров с Андреем и Калошиным Сергей понял, что в эту армию войдет и корпус под командованием Мельниченко и их бригада. Еще день пролетел в мелких хлопотах и ожидании прибытия. Наконец на станции Помары эшелон завернули на разгрузку. Проследив за разгрузкой и размещением бригады в отведенных им казармах, под утро Иванов, Марченко и заместитель по тылу Орлов вместе с группой Мельниченко поехали дальше, в Казань.

16–17 июля 1942 г. Восточный фронт

Командующий группой армий «А», одной из двух, на которые была разделена группа армий «Юг», генерал-полковник Максимилиан фон Вейхс, пребывал отнюдь не в лучшем настроении. Его войска с трудом преодолевали сопротивление быстро и искусно подтягиваемых русскими подкреплений. Да, русские быстро учатся, и теперь их оборона мало напоминает ту негибкую «нерушимую стену», которой они пытались остановить наступление вермахта в начале войны. Так что теперь на равнинах Придонья русские и немецкие войска играли в кровавую игру «поймай недруга». Массы пехоты, кавалерии, танков и артиллерии маневрировали, стараясь нащупать слабое место неприятельского фронта или прикрыть свой слабый участок. Над ними с таким же ожесточением стремились сбросить друг друга с неба тучи самолетов.

Не улучшало настроение генерал-полковника и то, что почти половину его войск составляли союзники — итальянцы, венгры и румыны. Впрочем, венгры из них были самыми боеспособными, жаль, что их так мало. Хитрый адмирал отозвал свои кадровые части с фронта при первой же возможности, заменив их резервистами. Но даже венгерские резервисты были куда боеспособнее румынских кадровых частей. Да еще эта взаимная ненависть между венграми и румынами. Их же даже рядом расквартировать нельзя, не то чтобы в бой пустить!

И как же не хватало генералу нормальных немецких войск, которые превосходили русских в подвижности и настоящем арийском боевом духе. Впрочем не хватало не только войск, проклятый Восточный фронт сильно проредил и части снабжения. Автомобили, как и люди, не выдерживали этой дикой азиатской природы и ломались, ломались, ломались...

16–17 июля 1942 г. Москва

Заседание Ставки Верховного Главнокомандования, посвященное положению на юге, началось вечером шестнадцатого и продолжалось допоздна, практически до утра. Несмотря на непрерывно поступающие подкрепления, Юго-Западный и Южный фронты уже потеряли большую территорию и сейчас были разделены на два участка, обороняя Крым по Перекопу и с боями отступая к Дону.

Бурное, переходящее в споры обсуждение закончилось под утро итоговым выступлением Сталина. Пыхнув раскуренной трубкой, он медленно прошелся вдоль карты и сказал:

— Итак, товарищы, решено. Стратегические резервы трогае не будем. Перегруппировываем часть резервов с Центрального и Ленинградского направлений...

18 июля 1942 г. Казань. Сергей Иванов

Нет, оригинальный все же город — Казань. Проехали площадь Пушкина со стоящим на ней памятником какому-то национальному поэту. Интересно, а памятник Пушкину — на площади имени этого поэта стоит? А главное — штаб формирующейся Второй механизированной армии расположился в гостинице с весьма «необычным» для столицы Татарии названием. Каким, как вы думаете? Правильно — «Казань»! Я смеялся, как в нашем мире в Инете писать будут.

Впрочем, здание неплохое. Трех-четырёхэтажное, с мезонином, в стиле классицизма, построенное явно еще до революции, в удобном месте — практически в центре города. Номеров много, штаб с комфортом разместился, и живут, и работают прямо здесь. Степы

массивные, внутри тишина, но больше всего мне понравилась прохлада в номерах, в которых нас разместили. Для лета самое оно, но если зимой батареи не справляются? В коридор греться выходить?

Приехали мы, оказывается, на день раньше, чем нас ожидали, и до обеда оказались свободны. Долгое путешествие по железной дороге и на машинах всех здорово вымотало, поэтому мы предпочли никуда не ходить, отдохнули в отведенных номерах. Только неугомонный Андрей с Ленгом по улицам вокруг штаба прогулялся.

Приняли нас по очереди, сначала Андрея с его группой, потом меня. Командующий внешне мне понравился. Высокий, представительный, похож немного на Тимошенко, говорит по делу и без «воронежских» выражений, как у нас в свое время мат называли. Закончил Академию Генштаба, судя по значку. Ладно, посмотрим, что в боевой обстановке будет. Пока вроде ничего.

Поставили перед нами задачу — готовить бригаду к осенне-зимнему периоду, к боям в наступлении. Ого, уже наступать готовятся. Где, хотелось бы знать? Пока, судя по моим впечатлениям и сводкам, мы на юге лишь отступаем, а на севере мясорубка еще та идет. Неужели опять на Центральном направлении наступать будем? Тэк-с, а вообще вот неплохой выступ в центре образовался. Жаль, что, наверное, не хватит у нашей сегодняшней армии сил и умения его срезать. А то неплохой Сталинград под Смоленском получить можно было бы.

Поспешил я, однако, гостиницу расхвалить, поспешил. Оказывается, тыловые части штаба армии в ней не помещаются, через два квартала в бывшей школе расположились. Пришлось нам с Орловым туда смотаться и полдня по кабинетам походить. Н-да, как говорил капитан Копылов, есть места, где ты — товарищ полковник, где — просто полковник и где — эй ты, полковник. Штабы всегда меня вгоняли в тоску. А теперь вот сам штабным деятелем стал. Как там написал Соболев в «Капитальном ремонте»? Ага, вспомнил, кажется — двенадцать заточенных карандашей в кармане, на лице ожидание приказов, мнение начальника выше правды жизни.

Нет, ну точно, почему в снабжении всяких... неадекватов полно? Выписывают твое же с таким видом, словно ты у них изо рта последний кусочек хлеба отнимаешь. Н-да, нескольких часов намеков, ругани, иногда — сунутых «где надо» трофеев, и для бригады выделено все. Даже удалось сверхштатные танкетки для обучения получить. А они сейчас — дефицит страшный. Ведь выпуск прекращен давно, да и для связи их часто используют. Вот и не хватает их. Теперь вон даже Т-26 и ВТ, оставшиеся в учебных ротах, эксплуатируют. ВТ, правда, редко — слишком уж ненадежны, а вот Т-26, которые в тягачи не переделаны, чаще.

Оставил Орлова договариваться, когда и как получать всю эту радость будем, а сам на Волгу смотался посмотреть. Давно мечтал увидеть. Да, здорово. И кремль местный обошел и даже башню царицы татарской, как ее, Суюмбеки посмотрел. Потом в гостиницу вернулся. Вовремя, однако, Андрей как раз освободился. Взяли Ленга и пошли на улицу.

— Ну, и что думаешь? Теперь так и будем отдельно воевать? Армия одна, а части разные, — спрашиваю.

— Нет, я уже осторожно перспективы провентилировал. Сейчас натаскивай Махрова, если в боях репутацию подтвердит — быть ему комбригом. А тебя, при первой же возможности замом заберу, это уже согласовано. Кстати, намекнули мне, что бригада наша по-прежнему в двойном, так сказать, подчинении, НКВД ее своей подшефной частью считает. Так что жди качественного пополнения.

— Неплохо, неплохо. Тэк-с, а ведь значит...

— Ты понял, я понял... Ленг, не рычи! Извините, товарищ, не бойтесь. Он у меня воспитанный, просто вы ему лапу придавили, слишком спешили к нам поближе подойти.

Смеюсь про себя. А ведь, похоже, шнырь за нами следил. НКВД или просто карманник? Вовремя его Ленг пугнул, а то я что-то разошелся, осталось только в открытую про наше попадание и про возможные действия НКВД Андрея спросить.

Нет, расслабился я что-то. Может, потому что часто о бригадном медсанбате вспоминаю? Как это написано в «Варианте Бис» — доминанта, блин. Во время боев не до того было, да и возраст у меня такой, что вроде это уже и не так интересует. Но вот, черт побери, как мальчишка себя последнее время чувствую. Влюбился, что ли? Шутка...

Возвращаемся вверх по улице к гостинице. Вверх, потому что улица идет по склону. Узенькая и извилистая. Впрочем, здесь таких много.

Ага, вот и Борис.

— Ну и как?

— Все решил, товарищ полковник. Уже созвонился с нашими, к вечеру колонна подойдет, за ночь погрузимся и с утра — назад.

— Тэк-с, отлично. Пойдем, поужинаем и готовимся к обратной дороге. Ну, Андрей, счастливо!

Обнимаемся на прощание с Андреем и идем в столовую.

Вечером встречаем колонну и, убедившись, что все в порядке, выезжаем с Марченко домой, в бригаду.

18 июля 1942 г. Северный фронт, район Лужского оборонительного рубежа

Звук близкого разрыва заставил невольно пригнуться всех, стоящих в неглубоком окопчике. Подпочвенные воды, несмотря на жаркое лето, близко подходившие в этом районе к поверхности, не позволяли углубить его больше, и теперь большинство стоящих уже прикидывало, куда падать, если следующий немецкий снаряд упадет ближе. Но последовавший за взрывом оглушающий грохот выстрела заставил не просто пригнуться, а присесть, выбивая из легких остатки воздуха. Все, открыв рты и невольно трясая головами от стоящего в ушах звона, с уважением посмотрели на стоящую неподалеку на насыпи и недавно проложенных рельсах огромную машину орудийного транспортера ТМ-1-14. Именно выстрел этой трехсотпятидесятишестимиллиметровой морской пушки и произвел такой эффект. В ушах у Мурашова еще звенели отзвуки выстрела, когда стоящий рядом капитан первого ранга, с улыбкой наклонившись к нему, прокричал:

— Ну, как?! Нравится?! Представляете, как фрицам от нее достается!

— Да, впечатляет! — также невольно повышая голос, ответил полуоглушенный Юрий. — А как с корректировкой огня и точностью поражения целей?!

— Корректировку производим с наших самолетов — корректировщиков и новейших автожиров, а точность стрельбы... пока отмечено, что после обстрела из тяжелых орудий немецкие батареи прекращают огонь. Недавно армейская разведка сумела попасть в район обстрелянной нашими орудиями корпусной батареи противника. Из четырех орудий всего одно уцелело.

Разговор прервал грохот выстрела второго орудия, хотя и ослабленный расстоянием, но все равно перекрывший все звуки вокруг. Одновременно старший группы инспекторов Ставки, полковник Конторович из ГАУ, махнул рукой, приказывая всем уходить по ходу сообщения в тыл. В принципе все необходимое они уже увидели и спокойно могли продолжить беседу в более спокойном месте. Уходя, Юрий бросил взгляд на позицию ближайшего транспортера. Там небольшой паровозик, почти не дымя благодаря хорошему углю, уже сдвигал огромный транспортер с места. «Правильно, — подумал Мурашов, — немцы этот район точно обстрелять попытаются».

Пробежавшись по узкой, извилистой траншее, группа командиров оказалась с обратной стороны небольшого, поросшего густой рощей холма, за которым стояли несколько «козликов». Все быстро заняли места в автомобилях, и небольшая колонна устремилась прочь из опасного места. Уезжавшие машины догнали звуки нескольких разрывов, несколько приглушенные холмом и деревьями, но хорошо слышимые, несмотря на работу моторов.

— Обозлились фрицы! — опять крикнул тот же капитан первого ранга Мурашов. — Видимо, что-то серьезное у них накрыли, давненько они так резко не отвечали.

Машины быстро удалялись от фронта, и скоро звуки перестрелки воспринимались, как отголоски дальней грозы. Въехав в полуразрушенный бомбежками поселок, колонна резко свернула направо и, обогнув несколько строений, похожих на коровники, углубилась в лес. Через некоторое время машины остановились среди аккуратно расчищенного подлеска и частично вырубленных деревьев, под натянутыми среди стволов маскировочными сетями с вплетенными в них ветками. Неподалеку, на поляне, едва различимой за стволами деревьев, настороженно смотрели в небо стволы зениток, у двух из них, приглядевшись, можно было заметить дежурные расчеты. Охрана штаба корпуса как от воздушного нападения, так и от диверсантов была поставлена хорошо, это Мурашов проверил еще в день прибытия.

Честно говоря, Юрию давно уже хотелось сменить обстановку и отвлечься, особенно от непонятного и все сильнее запутывающегося дела «Припять». Что-то непонятное, необычное и даже, если подумать, фантастическое постепенно вставало за простым и, казалось, абсолютно рутинным делом. Настолько необычное, что даже привычный ко всему и много повидавший личный порученец самого наркома Внутренних Дел, прошедший, как говорится, Крым, Рим и медные трубы, начал понемногу нервничать. Настолько, что он, никогда не читавший ни Беляева, ни Жюль Верна, взял в библиотеке «Машину времени» английского писателя Уэллса и прочел ее, причем не один раз. Вот и в командировке от мыслей об этом деле не удастся избавиться.

— ...организовано согласно приказу Наркомата Обороны номер двести двадцать семь «Об организации управления артиллерийским огнем и контрбатарейной борьбе». Кроме звукометрических станций, бригаде придана отдельная корректировочная эскадрилья самолетов ОКА, У-2 и автожиров АК...

Ну и как тут забыть о друзьях-товарищах, если даже приказ № 227 написан после появления аналитического доклада их наркомата, в основу которого легла записка Мельниченко! Вот и думай, что хочешь.

— ...сейчас по противодиверсионным мероприятиям свои замечания выскажет майор Музыка.

— Товарищи командиры! Я считаю, что мероприятия по борьбе с диверсионными группами выполнены не в полном объеме. Например, осмотренная нами позиция номер два защищена окопами, но практически не имеет замаскированных огневых точек. Охрана осуществляется патрулями и стационарными постами, что позволяет систематическими наблюдениями выявить систему патрулирования и, выбрав маршрут в обход постов, достичь позиции. Особенно неудачно расположены посты в районе квадрата...

Вот и закончилось совещание, а с ним и командировка на Северный фронт. Фронт, на котором сейчас шли упорные бои, по своему накалу сравнимые с Верденом в Империалистическую войну. Именно виденные фотографии и гравюры французской обороны в этом районе вспомнил Юрий, когда они первый раз посетили передовую. Огромные воронки, покрывающие землю, так называемый лунный ландшафт, нейтралка, заваленная трупами и уставленная сгоревшими артштурмами и нашими танками. Немцы и русские с ожесточением рубились на небольшом, по сравнению со всем остальным фронтом, участке, линия боев перемещалась вперед-назад практически на одной и той же, выжженной и засыпанной трупами территории.

Конечно, Мурашов не знал, да и никаким образом не мог узнать, что в истории мира, из которого пришли его знакомые, подобные бои шли намного южнее и западнее. Назывались они операцией «Марс» и позднее признавались неудачными для Красной Армии, потому что она, понеся большие потери, не смогла продвинуться вперед. Ну, а то, что немцы понесли не меньшие потери и в разгар наступления под Сталинградом не смогли снять отсюда ни единой части для укрепления рушащегося фронта на юге, горе-историками в расчет не принималось.

19 июля 1942 г. Штаб группы армий «А»

Штаб группы армий, наступавших сразу по нескольким направлениям, напоминал муравейник, разворошенный хулиганом. По всем коридорам бегали, ходили и шествовали с озабоченным видом, папками и портфелями в руках офицеры, унтер-офицеры и рядовые с разноцветными выпушками. Рабочему беспорядку сопровождали трели телефонных звонков и треск пишущих машинок, а также доносившиеся в открытые ввиду летней жары окна гудки автомобилей и мотоциклов и шум их работающих моторов. По контрасту с остальными помещениями коридор, в котором располагались кабинеты сотрудников абвера и представителя СС при штабе, был тих, пустынен и дышал прохладой.

Вызвавший капитана Данкля в свой кабинет полковник (да, уже полковник; успешные операции приносят свои плоды, ни хитрости ли?) фон Лахузен был как-то необычно задумчив.

— Что случилось? — на правах старого друга спросил капитан, одновременно привычно проверяя, закрыта ли дверь.

— Меня вызывают в Берлин. Полагаю, что на повышение, но в полученном сообщении нет никаких намеков. А вы становитесь ответственным за операцию «Рот-Вайс». Приказ самого адмирала.

— Ого. Похоже, наши и особенно ваши усилия оценены по достоинству.

— Может быть, Георг, очень даже может быть. Ваша работа точно одобрена. Хотя официально еще не объявлено, но поскольку я уезжаю, то поздравляю вас заранее, — с этими словами полковник достал из выдвинутого ящика стола очередную бутылку столь любимого им «Камю» и два коньячных бокала.

Получение очередного звания — новость, приятная для любого офицера, тем более так неожиданно и досрочно. Поэтому и бокал капитан, а фактически уже майор, Данкль поднимал с особым чувством. Отпив по глотку, насладившись послевкусием и закулив сигареты, офицеры присели.

— Итак, Георг, вы не только остаетесь главным, фактически именно вы будете определять направление и область деятельности нашего подопечного. Вы по-прежнему считаете, что «Вайс» должен в первую очередь заниматься сбором информации, а не влиянием на объект «Кэфэр»?

— Так точно, считаю. Пусть первая попытка и закончилась частичным успехом, «Кэфэр», под влиянием полученных через «Вайса» сведений, попытался устранить один из интересующих нас объектов, но...

— Да, я понимаю вас, Георг. Прodelал он это так неуклюже, что по информации того же «Вайса», объект ускользнул, да еще смог уничтожить группу, посланную для его ликвидации. Извините, что я вас перебил.

— Ничего страшного, Эдмунд. Да, объект ускользнул, а расследование этого «происшествия» вполне может вывести органы безопасности противника на «Кэфэра». Именно поэтому я снова предлагаю перевести «Вайса» в режим пассивного сбора информации. Тем более что один из объектов, как вы помните, был успешно нейтрализован, с подачи «Кэфэра» попав под расследование НКВД.

— Да, помню. Объект Р. Да, неплохой результат. После того как «Вайс» смог передать его доклад с оценкой наших действий на ближайший период, особенно по нашему контрпару в Харьковской операции, адмирал лично потребовал от меня его нейтрализации. Перспективный штабной офицер, несомненно.

— Но больше пока никаких успехов не достигнуто, а с каждой порцией дезинформации, подаваемой «Вайсом», опасность для него растет.

— Понимаю вас, Георг. Что же, теперь вы главный, вам и решать. Но в принципе теперь я с вами согласен. Глупо потерять агента такого уровня, пытаюсь решить незначительные, пусть и весьма важные задачи. Тем более что нужный настрой у «Кэфэра» создан.

— Вы полагаете, что он будет дальше действовать сам? Не уверен, после такой неудачи с ликвидацией он должен затихнуть.

— Вы недооцениваете его, Георг. Это очень мелочная и злопамятная личность, способная на любую подлость и готовая устранить любую стоящую между ним и властью преграду, подлинную или мнимую. Надеюсь, что ему удастся пролезть на самый верх властной пирамиды большевиков. Если, конечно, этот кремлевский горец его раньше не вычислит.

— Вы думаете, «Кэфэр» сможет выдвинуться высоко? С его-то необразованностью и замашками?

— Я же говорю, Георг, вы его недооцениваете. Мне кажется, что при удачном стечении обстоятельств он смог бы даже занять место самого горца. И тогда... О, это было бы самое восхитительное зрелище, Георг. Этот жук сделает для уничтожения большевистского государства не меньше, если не больше, чем наш доблестный вермахт.

— Не смешите меня, Эдмунд. Он — и глава государства? Такого анекдота просто не может быть, потому что в жизни так не бывает. Да и вряд ли кому-нибудь из старого большевистского правительства удастся остаться у власти, когда мы выполним наконец план «Барбаросса» в полном объеме. Или, — Данкль инстинктивно осмотрелся вокруг и прошептал: — Вы не уверены в нашей победе?

Оберет молча поднял бокал, многозначительно посмотрел сквозь оставшуюся в нем жидкость на собеседника, а затем поднес его ко рту и сказал, прежде чем выпить: — За успех нашей операции.

— За успех, — озабоченно ответил Данкль.

20 июля 1942 г. Ижевск. Завод номер XXX

Главный конструктор КБ завода и его заместитель — начальник группы перспективного проектирования рассматривали кульман с укрепленным на нем чертежом.

— Так, значит, вы склоняетесь к нарезному стволу? — недоверчиво спросил Таубин.

— Яков Григорьевич, мы считаем, что такое решение для полковых орудий оптимально.

— А стрельба обычными минами в таком случае явно не получается. Нет, как мне кажется, лучше сделать гладкоствольное орудие, стреляющее обычными минометными минами и специальными оперенными снарядами. Как вам такое решение, Степан Павлович?

— Не уверен, что удастся получить высокую кучность стрельбы оперенным снарядом. Помните, что, когда реактивные снаряды с оперением, не выходящим за калибр, испытывали, кучность плохая была. Не получится ли у нас то же самое?

— Вы не учитываете, что на кучность эрэсов влияла еще и нестабильная работа двигателя, и малая начальная скорость самих снарядов. Мы же стреляем из ствола, поэтому начальная скорость снарядов будет высокой и эффективность оперения тоже повысится. Подумайте и просчитайте такой вариант. Впрочем, попробуйте и ваш вариант тоже.

— Неплохо бы, Яков Григорьевич, получить консультацию по возможности стрельбы обычными минометными минами из нарезных стволов.

— Попробуем. Есть у меня знакомства в артиллерийской академии. Ладно, с этим ясно. Что у нас с авиационным вариантом?

— Мы передали все расчеты в группу АВ.

— Отлично. Пойдемте посмотрим, как у них дела идут.

Они вышли из кабинета главного конструктора и прошли по коридорам в группу авиационного вооружения. Работа в группе кипела. Несколько конструкторов что-то обсуждали, непрерывно чертя на бумаге, а в соседней комнате группа расчетчиков непрерывно крутила ручки «Феликсов».

Поздоровавшись с присутствующими, оба конструктора сразу же включились в

обсуждение проблем.

Основные вопросы возникли по системе питания, авиаторы требовали, чтобы боекомплект подавался из компактного магазина барабанного типа, защищенного противопульным бронированием. Ленточное питание они считали слишком уязвимым от огня зенитных средств. Так что сейчас разрабатывалась система питания от такого магазина и шли поиски доказательств малой уязвимости обычной системы. Споры не прерывались ни за обедом, ни поздним вечером, когда рабочий день закончился. Увлеченные работой конструкторы, настоящие энтузиасты, которых сумел подобрать Коровин в новое бюро, продолжали трудиться, не обращая внимания на время. Некоторые из них, может быть, и предпочли бы закончить работу и уйти отдыхать, но общий пример действовал и на них. Человек — существо социальное, и большинство, особенно пассивное, всегда следует примерам, которые задает общество. И если в обществе сороковых-пятидесятых, до хрущевской оттепели и появившейся с ней расхлябанности и вседозволенности, ставились в пример честный труд и энтузиазм, то даже не верящие в собственноручно придуманные лозунги идеологи вынуждены были вести себя как все. Ну а для тех, кому на общество наплевать, существовали очень эффективные методы принудительного лечения.

Завод уже вышел на плановые показатели выпуска гранат и автоматических гранатометов и, хотя высокая стоимость оружия и боеприпасов пока не позволяла принять АГС-40 в качестве массового оружия, в танковых и отчасти в мотострелковых бригадах они постепенно заменяли легкие пятидесятимиллиметровые минометы. Конструкторы же упорно работали над новыми образцами, которые должны были стать основой вооружения полковых и бригадных батарей вместе со стодвадцатимиллиметровыми минометами, над приспособлением гранатомета в качестве вооружения автожиров и перспективных вертолетов, над автоматическими системами восьмидесятидвухмиллиметрового калибра, способными дополнить существующие батальонные минометы. Не все проблемы пока удавалось решить, но полученные результаты сулили многое.

К сожалению, дефицит мощной взрывчатки А-IX-2, высокая стоимость и самое главное — ненадежные взрыватели никак не давали довести бронепрожигающие гранаты до серийного производства. Напрасно военпред Звягинцев бомбардировал вышестоящие инстанции письменными докладами о необходимости разработки новых взрывателей. Не знал он, что про этот недостаток уже было известно всем заинтересованным лицам. Но «не ловилась золотая рыбка» у наших конструкторов, и все. На создание и испытание взрывателей были брошены все усилия специализированных КБ. Пока никаких положительных сдвигов не было, что тормозило разработку не только гранат ПТГ-41, но и новых снарядов, и авиационных бомб.

21 июля 1942 г. Помары. Сергей Иванов

Утомленное солнце
Нежно с морем прощалось,
В этот час ты призналась...

Перебиваемые потрескиванием и шипением, но довольно разборчиво звучат музыка и слова, крутится толстенная пластинка на чуде здешней промышленности — патефоне, и кружатся в такт музыке пары. Сегодня у нас в бригаде выходной. Да, выходной, вынужденный. Нет топлива, ни капли не пришло. Строевые занятия решили не проводить, уборку территории я наладил так, что она проходит каждое утро. Не зря все проверяющие, а приезжают они довольно регулярно, отмечают порядок на территории части. Ага, приходится крутиться. Краску и хозяйственный инвентарь добываем бартером, за газойль. А вы думали, все так просто? Увы, и в это время беспорядка хватает. Тут главное что? Главное — не выходить за рамки и не хапать для себя. Тогда и начальство радо, и контролеры не

придираются.

Нет, ну вы поглядите. Никак расслабиться не удастся. Даже сейчас все мысли о службе. Опять в трудовоголика превратился, прямо как в молодые годы. Эх, вспомню себя лейтенантом! Во взводе днюешь и ночуешь, основной вид сексуальной жизни — е... то работа на технике, танки, то к стрельбам готовишь, то к полевому выходу, наряды, потом «ответственным» сходишь. Благо в первое время бойцы еще и русские были. А вот когда большой процент среднеазиатов пошел... это вообще нечто невообразимое. Точно как в анекдоте про то, что вышел он из аула за солью, тут его поймали — и в армию. Вроде читаешь — и школу закончил, и отметки у него неплохие, а по-русски ни фига не понимает и от техники как черт от ладана шарахается. Вот тогда и стали у меня мысли появляться, что «неладно что-то в датском королевстве».

Да, надо обязательно выжить и предотвратить «катастрофку» девяностых. Вот только как этого добиться? Это в книге неуязвимый, всезнающий, с непрерывно отрастающими зубами и другими частями тела спецназовец-торговец за раз рецепты выдает. Сказал, что надо крестьянам индивидуальное хозяйство разрешить, раз — и продуктов море стало, сказал, что патентами торговать надо, — кучу денег заработали. Ага, ждите. Парижский договор, так он вроде называется, по патентам — это та еще ловушка. Специально придумано, как мне один специалист по патентному праву рассказывал, чтобы всякие «вкусняшки» самым сильным доставались, а всех неугодных в любой момент «загнобить» можно было. Да и с сельским хозяйством все не так просто. Сколько в моем времени и у нас, и в России над фермерами бились. Специально, бл... разводили. А в результате? Нет, прав в чем-то этот, как его, Прашев или Паршев, что не все так просто. Ну другой у нас климат, другой. И ничего с этим не сделаешь. Не зря у нас община так долго держалась. Не выживет у нас единоличник. В принципе и на Западе фермер не один, если подумать. А кто его продукцию берет, технику ремонтирует и обслуживает? Вот, вот. Натуральная МТС и потребкооперация в СССР. А если вспомнить, что и деньгами его государство поддерживает, и в США даже диктуют, чего и сколько сеять, то...

Блин, так и свихнуться недолго. Тут, понимаешь, «танцуют пары, пары, пары, мотив знакомый, даже старый», такие женщины сидят, а я опять в философию ударился. Нет, надо еще выпить, благо патефон пока замолчал и все к столу потянулись, и за докторшей поухаживать. Тем более что она, кажется, не против. Ну, вот опять эта песня. О, белый танец. Интересно...

— Мне немного взгрустнулось —
Без тоски, без печали
В этот час прозвучали
Слова твои:
«Расстаемся, я не стану злиться,
Виноваты в этом ты и я».

Не ожидал, что Мария меня сама пригласит, не ожидал. Нет, приятно конечно, но... А впрочем, какая разница. Танцую я не очень, но партнерша вроде бы не обижается. Кто она? Доктор-хирург Мария Андреевна Михайлова. Разведена, муж бывший военный, «незаконно репрессирован» в тридцать седьмом — за пьянку уволен из армии и исключен из партии. Детей нет. Это я из личного дела узнал. Подсмотрел, да. Любопытство не порок, а большое свинство. Интересно, догадывается ли она, что я ее личное дело у кадровика брал?

Надо же, очень веселая женщина, как оказалось. Пара анекдотов, и она задорно смеется. А какая у нее фигура. Обалдеть. Грудь такая, что Памеле Андерсон с ее силиконовыми мешками только утопиться в сортире. Благо в воде силикон утонуть не даст. Откуда знаю, какая у нее грудь, хотя и не видел? Секрет. Проживете с мое, тоже знать будете.

Нет, все же самые красивые женщины в мире — у нас. Встречаются, конечно, и в

других странах красавицы, но в таких количествах, как у нас, нигде нет. Разве что в Израиле, говорят. Но там я не был, да и вообще, как там поется: «А там на четверть бывший наш народ».

Вот и очередной раз пластинка закончилась:

— Мария, как вы, выпьете?

— А давайте, товарищ полковник, на брудершафт?

Не, на «слабо», конечно, дураков ловят, но устоять перед такой женщиной я не могу. Выпиваем стопку, целуемся. Ее губы на вкус отдают водкой и почему-то какой-то травяной настойкой. Н-да, если бы не народ вокруг... Ну и что все улыбаются? Делаю «злое выражение морды», как говорил капитан Копылов. Реакция? Правильно, лучше закусывайте, и никаких проблем.

— А поете вы... ты все-таки лучше, чем танцуешь, — с намеком говорит Мариша. И кто-то уже гитару поднес. Эх, где мои семнадцать лет...

С берез неслышен, невесом
Слетает желтый лист,
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.

Вздыхают, жалуясь, басы,
И словно в забыти,
Стоят и слушают бойцы,
Товарищи мои...

Смотри-ка, и танцевать ухитрились под мои переборы. Что бы еще такое спеть? А, пою все подряд, и «Землянку» и «Песню танкистов» про танковый ударный батальон, и под конец «Вальс-бостон» Розенбаума. Под него и пьем стрелянную и расходимся по квартирам. Я иду провожать докторшу, тем более что она не возражает. Провожая...

Утром, проснувшись с первым лучом солнца, долго смотрю на еще не проснувшуюся Марию. Смотрю и понимаю, что все закончено. Если у нас и будет что-нибудь дальше, то только то, чего в СССР, как сказали однажды в нашей реальности, не было. Слишком мы разные люди, увь...

Все, отдых окончен. Пора на службу.

— Утомленное солнце
Нежно с морем прощалось,
В этот час ты призналась,
Что нет любви.

10 августа 1942 г. Район неподалеку от г. Рославля

— Вот, — проводник, однорукий ветеран лет двадцати пяти, отер левой рукой испарину со лба. Солнце палило немилосердно, а группа чекистов явно торопилась и двигалась к месту боев сорок первого года без передышки.

— Устали, товарищ Соколов? Ничего, теперь можете и отдохнуть. Только покажите примерно, где захоронения произведены, — сочувственно произнес старший со знаками различия старшего сержанта ГБ. Впрочем, Виктор Соколов, комиссованный по ранению радист штаба Первой тяжелой танковой бригады, а ныне комиссованный по ранению председатель колхоза, подозревал, что звание у него могло быть и выше, слишком уж независимо и уверенно чекист держался.

— А чего показывать? Вон там даже звезда на дереве сохранилась. Там и похоронили всех.

— Ясно. Спасибо вам, Виктор Михайлович. Пока присядьте, отдохните. Мы сейчас автожир вызовем, вас назад быстро доставят. Васильев, заводи свою шарманку!

Радист, расположившийся у ближайшего дерева с развесистыми, невысоко расположенными ветвями, встал и начал несуетливо, но быстро разворачивать свое хозяйство. Забросив на ближайшую ветвь проволочную антенну, он подсоединил аккумулятор и включил передатчик. Еще через несколько минут он уже с привычной быстротой отстукивал послание на ключе. Посмотрев с профессиональным интересом на его работу, Виктор, сидя на принесенном ему удобном чурбачке, закурил. Вокруг кипела работа, чекисты, молодые крепкие ребята, сноровисто оборудовали лагерь.

Наконец в небе раздалось стрекотание автожира. Сделав несколько кругов, летчик приземлил винтокрылую машину и, отрулив к краю полянки, выключил двигатель. Едва винт остановился, открылась дверца в боку фюзеляжа, на взгляд удивленного Соколова, очень похожая на автомобильную, и из автожира вышел один из летчиков. Доложив что-то начальнику и передав ему какие-то бумаги, он пригласил Соколова на борт. Тем временем чекисты быстро и сноровисто снимали подвешенные к коротким крылышкам грузовые контейнеры.

Виктор, слегка склонив голову и с трудом удерживаясь одной рукой, влез в дверцу. Тесноватая кабина, напоминающая чем-то салон автомобиля, но со множеством приборов и рычагов на месте пилотов, три небольших узких кресла, в одном из которых сидел приветливо взмахнувший рукой второй пилот, и неожиданно большие стекла, через которые хорошо просматривалась и суeta на поляне, и даже большая часть пространства, включая висящие прямо над головой гигантские лопасти. Едва Соколов уселся и пристегнулся к жестковатому креслу, как сзади взвыл запускаемый мотор, и винт начал постепенно раскручиваться, пока не превратился в один сияющий отблесками солнечных лучей крут. Небольшой пробег, автожир подпрыгнул, резко провис в воздухе, словно проваливаясь в гигантскую яму, отчего содержимое в принципе пустого желудка Виктора резко выплеснулось в заранее поданный вторым летчиком бумажный пакет. Не успел Виктор испугаться падению, как аппарат выпрямился и уверенно начал набирать высоту.

Обернувшийся летчик, видимо, заметив состояние Соколова, показал ему на висящий рядом с креслом шлемофон и жестом предложил надеть его. Отложив пакет в прямо-таки специально приготовленную для него корзину, Виктор дрожащими руками надел шлемофон и после нескольких попыток закрепил на шее ларингофон.

— Плохо? — сочувственно спросил второй летчик Виктора. — Извините, забыли совсем вас предупредить, что место мало и взлетать с подскоком будем.

— Ничего, все уже прошло, — немного срывающимся после всего голосом ответил Соколов.

— Вот и хорошо, а то нам еще минут сорок лететь, — ответил летчик и вернулся к выполнению своих обязанностей. Полет закончился нормально, как и говорил летчик — через сорок минут автожир приземлился на аэродроме около Рославля, где Соколова уже ждала машина.

Автожир еще набирал высоту, а на поляне уже всю кипела работа. Часть людей делила поляну на участки, вбивая колышки и натягивая между ними веревки, а двое — один с миноискателем, другой со специальным саперным щупом аккуратно проверяли один из участков.

Судя по подготовленным инструментам, оставшимся на поляне, предстояли раскопки чего-то очень важного. Неподалеку от лопат, ломов и кирок гордо возвышалась тренога с фотоаппаратом.

На ярко освещенном несколькими лампами белоснежном лабораторном столе лежал кусочек чего-то непонятного. Два эксперта в потертых, грязноватых, прямо скажем, халатах поверх повседневной формы разглядывали это нечто в большую настольную лупу на подвижном кронштейне.

— Я все же считаю, что это провод. Иначе зачем столь тонкую медную проволоку в изолирующую оболочку помещать.

— Возможно, возможно. Сопротивление оболочки проверил?

— Проверил, полчаса назад. Ты как раз обедал.

— И что?

— Вот результат.

— Что? Не может быть... Ничего себе. Тогда получается, что этот тоненький проводок может выдержать... Да, нужно обязательно проверить... Кстати, когда химики обещали результат выдать?

— А послезавтра, не раньше. Что касается проверки, я уже тут одну схемку придумал. Оцени.

— Неплохо, неплохо. Давай попробуем?

— Давай.

Дальше оба включаются в работу. На лабораторном столе понемногу формируется схема из ЛАТРа,⁴ реостата, микроамперметра, проводов, концы которых, закрепленные на деревянной подставке и изогнутые, образуют импровизированный держатель. Наконец, осторожно расплющив самые кончики проводов и приложив к ним маленький кусочек артефакта, с помощью миниатюрных пассатижей один из работающих зажимает этот кусочек в держателе. Следующие несколько часов проходят в неторопливых исследованиях — постепенно увеличивая мощность подаваемого тока и следя за состоянием миниатюрного провода, эксперты оценивают и записывают полученные данные.

— Нет, ты посмотри! Какой интересный провод получается, изоляция намного лучше любой существующей!

— Точно, точно. Если такую в серийное производство запустить, насколько легче аппаратуру сделать можно. Так, давай в выводы записывай, чтобы химиков озадачили.

— Интересно, кто же до выпуска таких проводов дошел. Неужели немцы?

— Нет, точно не они. Недавно новейшую их авиационную радиостанцию изучали — так у них ни объемно-модульного монтажа, ни бридманов нет. Представляешь? Да и зачем такой провод в современной аппаратуре? Ток он, конечно, порядочный выдерживает, но вот производство сколько стоит будет? Никак мне в голову не приходит, где такой провод можно использовать.

— Вот и мне тоже. Нет, точно завтра за справочники засяду, посмотрю.

— Смотри, смотри. Только учти, что до двадцать первого всего три дня осталось. А мне, как старшему, вечером двадцать первого самому «Львову» докладывать.

— Ладно тебе. Можно подумать, самому неинтересно.

— Было бы неинтересно, чем-нибудь другим занимался бы. Так что интересно. И нужно.

— Нужно, это да. А то я сначала, было дело, на фронт просился.

— Во, во. Я тоже.

Тут в дверь лаборатории постучали и, оторвавшись от записей, дружно разрешили войти. В лабораторию вошел уже знакомый постороннему наблюдателю начальник группы, разыскавшей тайник в лесу, но на этот раз со знаками различия капитана ГБ. За ним двое парней из той же группы несли деревянные ящики с ручками.

⁴ Лабораторный автотрансформатор — трансформатор с возможностью регулировки выходного напряжения путем изменения положения подвижного электрода на выходной обмотке.

— Так, «товарищи ученые, доценты с кандидатами». Я вам тут небольшую работенку приготовил.

Вошедший последним старший майор ГБ Мурашов неодобрительно взглянул на вскочивших и успевших рассмеяться в полный голос экспертов.

— Да, товарищи, вам необходимо в кратчайшие сроки разобраться с полученной нашими работниками аппаратурой, — сказал он, доставая из портфеля сопроводилку и два стандартных листа подписки о неразглашении.

Эксперты переглянулись с возрастающим интересом. Ничего себе, дополнительная подписка. Это ж какой уровень секретности! Что же тогда за приборы им принесли?

Пока Мурашов оформляет бумаги, принесшие ящики люди отрывают приколоченные крышки и на столе один за другим появляются непонятные, невозможные, фантастические для любого человека того времени приборы. Наблюдатель из двадцать первого века с легкостью опознал бы в них два мобильного, оба фирмы «Нокия», различной степени навороченности, и «наладонник» фирмы «Хьюлетт-Паккард».

— Ох...ть! — раздался в полной тишине голос самого младшего из экспертов.

— Еще работа, — более спокойно отметил второй, постарше. — И что это вы нам принесли?

— Вы эксперты, вам и разбираться, — спокойно ответил Мурашов.

22 августа 1942 г. Москва. Кремль

— Садитесь, товарищи, — нарком, традиционно поблескивая стеклышками пенсне, встретил пришедших Меркулова и Мурашова пронзительным начальственным взглядом. — Я думаю, вы уже поняли причины вызова. Товарищ «Иванов» и я надеемся наконец получить какие-либо конкретные результаты по делу «Припять». Уже почти год вы, товарищ Мурашов, работаете в этом направлении, и ничего не сделано. Вас же, товарищ Меркулов, я специально подключил к делу, чтобы вы использовали возможности подчиненного вам аппарата. И что мы наблюдаем? Ничего, сплошная имитация бурной деятельности. Ну и что вы прикажете мне докладывать? Что весь наш чекистский аппарат пасует перед ничтожной проблемой? — появляющийся в речи время от времени кавказский акцент наглядно демонстрировал, насколько взволнован нарком.

Сидящие напротив него и внимательно слушавшие Меркулов и Мурашов непроизвольно переглянулись и опять посмотрели на Берию.

— Ну, и долго вы собираетесь переглядываться? Отвечайте, — рассерженно спросил Лаврентий Павлович и, сняв пенсне, начал протирать стекла.

— Разрешите доложить, товарищ нарком, — бодро, несмотря на прозвучавшие грозные намеки, ответил Меркулов, — именно привлечение сотрудников моего аппарата позволило получить некоторые результаты. По моему приказу выделенными из состава группы «О» специалистами при первой же возможности проведен негласный обыск у фигурантов дела. Никаких признаков шпионской деятельности, как и ожидалось, не обнаружено. Зато найдено несколько необычных вещественных доказательств...

— Это уже интереснее. Что за вещдоки и что они наконец доказывают? И почему не доложили раньше? — заинтересованно спросил нарком, быстро надевая пенсне, и добавил: — Извините, перебил.

— В командирской книжке «Припяти-Один» найдены записи, которые указывали на определенное место в районе прошлогодних боевых действий бригады. Еще интересней оказался кусочек, как выяснили наши эксперты, провода, который используется объектом «Припять-Два» в качестве закладки для книг, — начал доклад Меркулов. — По моему указанию группа капитана Джураева провела негласный осмотр местности, описанной «Припятью-Один», и обнаружила там тайник, из которого была изъята закладка в необычном рюкзаке и охотничье ружье. Позавчера эта группа доставила найденное в Москву.

— Подождите, товарищ Меркулов. Если вы хотели меня заинтриговать, то это вам вполне удалось. А теперь вместо этого цирка давайте докладывать как положено, — раздраженно-заинтересованно скомандовал Берия.

— Есть, товарищ нарком, — ответил, опять переглядываясь с Мурашовым, генерал-лейтенант ГБ. — Докладываю. Изъятый у «Припяти-Два» кусочек провода изучен нашими и привлеченными экспертами. По полученным сегодня утром отзывам и тех и других, проводов такой толщины не выпускается ни в одной стране мира. Материал же изоляции вообще неизвестен и не имеет никаких аналогов. В настоящее время мы передали часть имеющегося образца для проведения химических исследований. Из тайника изъяты, как я уже докладывал, рюкзак иностранного производства из неизвестной ткани, в котором лежали: во-первых, два прибора, предположительно, по выводам экспертов, сверхминиатюрные многофункциональные телефонно-телеграфные аппараты производства несуществующего государства КНР, во-вторых, прибор неизвестного назначения, одна из поверхностей которого прикрыта стеклом, предположительно выполняющим роль экрана, нож неизвестного производителя, патроны к охотничьему ружью. Охотничье ружье, согласно маркировке, произведено в Ижевске, но подобные модели в СССР не производились и не производятся. Гильзы патронов по конструкции напоминают обычные охотничьи, но вместо картонной трубки ее корпус выполнен из неизвестного материала красного и синего цветов. При разборке нескольких патронов выяснилось, что дробь вложена в особый контейнер из материала, напоминающего материал гильзы. Самое невероятное, что все предметы, несущие заводскую маркировку, произведены в две тысячи втором — две тысячи седьмом годах...

В кабинете внезапно воцарилось молчание. Даже уже видевшие эти необычные предметы Мурашов и Меркулов сейчас, при официальном докладе, впервые осознали всю фантастичность происходящего. До этого понять мешала рутинность работы и обычное для любого человека стремление не замечать ничего необычного, ломающего привычный уклад жизни. Еще менее был готов к такому повороту событий сам нарком. Он мог ожидать всего, но не столь фантастически непонятного, настолько необычного завершения трудного, слегка необычного, но, в общем-то рутинного дела. Каждый из присутствующих молча смотрел на остальных, на обычную и привычную обстановку кабинета и пытался осознать только что озвученное, вогнать в привычные, понятные и разрешимые представления. Посторонний наблюдатель, читавший современную фантастику, отметил бы, что они явно испытали футурошок.

Первым, как и следовало ожидать, очнулся именно нарком. Гибкий и подготовленный ум человека, которого в начале будущего, двадцать первого, века многие называли наилучшим кризисным менеджером мира, быстрее всех осознал и разложил по полочкам полученные факты. Откашлявшись, чтобы прочистить внезапно пересохшее горло, он осмотрелся по сторонам, словно ожидая внезапного появления кого-то неизвестного прямо здесь, посреди одного из самых охраняемых кабинетов страны, и, вызвав секретаря, попросил принести чаю. Пока секретарь ходил по кабинету, приносил чай и расставлял стаканы и вазочки, все молча поглядывали друг на друга с выражением школьников, сотворивших каверзу и теперь ожидающих наказания строгого учителя. Наконец секретарь окончательно вышел из кабинета, и нарком, взяв свой стакан в красивом серебряном подстаканнике, отхлебнул глоток и, внимательно посмотрев на Меркулова, сказал:

— Присвоить делу категорию «Особая Папка». Изолировать всех имевших дело с предметами. Сегодня буду докладывать о полученных результатах товарищу Иванову, поэтому товарищу Мурашову собрать все наиболее интересные предметы и сопровождать меня, имея их при себе. Вам, товарищ Меркулов, обеспечить полную секретность и пресечь любую, мыслимую и немыслимую возможность утечки информации, а самое главное — вешдоков. Для контроля фигурантов «Припяти» организовать дополнительную бригаду оперативников и в ближайшие дни отправить к месту нахождения. При этом принять все меры, чтобы ни один из фигурантов ничего не заподозрил. Понятно?

— Так точно! — отставив в сторону стаканы, Мурашов и Меркулов вскочили со стульев как ужаленные.

— Раз все понятно, выполняйте, — каким-то бесцветно-обессиленным тоном добавил привставший нарком и, опускаясь в кресло, экспрессивно что-то произнес на грузинском. Выходивший последним Мурашов уловил начало предложения: — Дада шени...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Даешь Берлин!

Так что ж, друзья, коль наш черед, —
Так будет сталь крепка.
Пусть наше сердце не замрет,
Не задрожит рука...
И что положено кому
Пусть каждый совершит.

«В лесу прифронтовом»

17 сентября 1942 г. Ст. Помары. Сергей Иванов

Вот и прошло два месяца после нашего прибытия в Помары. Да, время за работой пронеслось как-то незаметно. Наконец-то мы полностью сформировали подразделения и теперь можем приступить к крупномасштабным учениям. На полигоне армейский инженерно-саперный батальон создал кусок настоящей передовой с противотанковыми препятствиями, минными полями, снаряженными трофейными немецкими минами, позициями артиллерии. Работали они почти три недели, старательно имитируя настоящую оборону фрицев. А мы с сегодняшнего дня начинаем тренировки в ее преодолении. С утра наши саперы разминировали проходы, а артиллеристы пытались уничтожить оборонительные сооружения и артиллерию противника. Это было нечто. Давненько я такого не видывал. Стреляли сразу наш артдивизион и часть корпусного самоходного артполка. Кстати, кроме обычных штурмовых самоходок с орудием в рубке, я впервые увидел в деле новые, переделанные из KB-15. Башня другая, зато с большим углом обстрела по вертикали, позволяющая стрелять как обычному полевому орудью. В увеличенную башню без крыши и с более тонкой броней воткнули такую же, как на KB-2 стопятидесятидвухмиллиметровую гаубицу, но с дульным тормозом. Так что стреляет она теперь, как полевая гаубица М-10, на целых двенадцать километров и всей номенклатурой зарядов.

Боеприпасов для стрельб нам выделили, не жалея, а для имитации огня противника использовали взрывчатку из тех же трофейных мин, которые в изобилии были захвачены во время Вяземско-Козельской и Киевской операций.

Вот, теперь пошли в атаку наши новые KB. Жаль, всего батальон таких машин получили. KB-5 называются, со стомиллиметровой пушкой, новым дизелем, ЛОМОвскими и английскими прицелами. Изюм немцы захватили — и сразу с оптикой напряженка настала. Пока ленинградцы и англичане выручают, но ЛОМОвское стекло все же похуже изюмского будет. Говорят, скоро новый завод на полную мощность выйдет, тогда и для танков начнет прицелы делать. Хм, интересно, а не в Гусь-Хрустальном завод этот? Помнится, там великолепную стеклянную посуду в восьмидесятые делали.

Что ж они делают, черти! Ну, кто же так воронки искусственные преодолевает? Все, застряли. Если бы это была настоящая атака — все застрявшие танки были бы уже уничтожены. Эх, саперы-то как радуются. Умеем, мол, такие препятствия делать, что и наши

танки не проходят, не только немецкие.

— Кузьма, ты как, готов показать, на что способен КВ?

— Так точно, товарищ полковник. Разрешите приступить?

Молодец Нечипоренко. Сумел-таки вернуться в нашу часть, а за эти месяцы еще и все танки, которые у нас в бригаде есть, освоил. Так что не зря ему старшину присвоили. Глядишь, скоро на курсы младших лейтенантов можно посылать будет. Жалко, правда, такого механика-водителя терять, с курсов его наверняка в другую часть отправят.

Вот молодец, правильно! Первый из застрявших танков, рыча мотором, вылез из воронки. Ага, так им! Вот, ехидные усмешки у саперов с лиц исчезают. Вперед, Кузьма, покажи им кузькину мать!

Вот молодец. Мало того что танк из воронки вывел, теперь земляной вал преодолевает. Прошел? Прошел, без клевка. Не хуже чем на тридцатьчетверке. Так, что дальше? Ага, качающиеся надолбы. Свалил, обошел, преодолел с разгону... Есть! Теперь эскарп. Увы, фашин нет. Не взял. Ну, ничего. Сейчас второй танк подойдет, с фашинами. Эге, а Кузьма ждать не стал. Молодец, хорошо маневрирует, бок под обстрел практически не подставил. Что же он, решил по готовой груде фашин эскарп взять? Точно. Тэк-с, а ведь тут хуже, чем на колейном мосту, надо точно на не раздавленные фашины попасть. Ага, попал! Ну, а контрэскарп он вряд ли возьмет. Там, думаю, только тридцатьчетверка сможет пройти, да и то если водитель достаточно опытный. Да, не стал. Но все равно отлично. Придется его к Люшину прикомандировать, пусть дополнительно мехводов погоняет.

После увиденного настроение саперов резко изменилось. Теперь уже никто не усмехался и не пытался подшучивать, как до того. Повернувшись к ним, спрашиваю:

— Ну, что вы теперь скажете?

— Жаль напрасно потраченного времени, — кто это сказал? А, лейтенант, командир взвода саперов. Как его зовут-то? Вспомнил, Аркадий Рыбаков, точно. Он еще с нашими саперами-подрывниками вместе учился растяжки ставить. Толковый командир, неплохо бы к себе в бригаду перетащить.

— Нет, товарищи, не зря. Ваш труд даром не пропал, могу сказать точно. Для немецких танков такие препятствия непреодолимы. Так что, Аркадий, не расстраивайтесь.

— Товарищ полковник, ваше приказание выполнено. Вот контрэскарп взять не смог. Понял, что не пройду, — докладывает подошедший Кузьма с расстроенным видом.

— Молодец, товарищ старшина! Объявляю вам благодарность! А контрэскарп на нашем танке, увы, не взять, так что не расстраивайся.

Нет, все же месяца нормальной подготовки маловато. Вот опять танки вперед вырвались, а мотострелки отстали. А на правом фланге вообще под огонь противотанковой артиллерии подставились. Тэк-с, а КВ-2 и СУ-152 почему не реагируют? Если они сейчас огонь не откроют, все эти танки можно считать потерянными. Ага, обстреляли. Плохо, очень плохо.

— Семенов, передайте. Отставить атаку, отойти на исходный рубеж.

Сейчас разберем ошибки и повторим снова. И так до тех пор, пока все нормально не начнет получаться. Ну, вперед!

«Закончившая формирование к 12 октября 1942 года Вторая механизированная армия включала два механизированных корпуса — 3-й гвардейский и 4-й, 1-ю гвардейскую тяжелую танковую бригаду, 39-ю мотострелковую бригаду, 10-ю зенитно-артиллерийскую бригаду, 1814-й тяжелый самоходно-артиллерийский полк, 124-й гвардейский минометный полк, 2-й мотоциклетный батальон и... (другие части обеспечения и обслуживания). Командующий армией — генерал-лейтенант бронетанковых и механизированных (бтмв) войск Прокофий Логвинович Романенко, член Военного совета — генерал-майор бтмв Гайк Лазаревич Туманян, начальник штаба армии — генерал-майор Алексей Ильич Данилов.

На вооружении армии числилось ... танков и САУ, ... орудий и минометов, ... гвардейских минометов, ... бронетранспортеров, ... автомобилей. Таким образом, укомплектованность основными видами вооружения и техники достигала 96 %, за исключением БТР и автомобилей, некомплект которых составлял шестнадцать и тридцать процентов соответственно. Личным составом армия была укомплектована на 99,7 %».

«Боевой путь Второй механизированной армии», ЦАМО, оп. 198199.

11 ноября 1942 г. Юго-Западный фронт

— Внимание! Командирам рот прибыть к командиру батальона! — «Ничего себе голосище у бойца», — подумал Сергей и поморщился от внезапного рева двигателя почти у самого уха. Похоже, на этом танке глушитель отсутствовал как класс. Сергей посмотрел в сторону стоящего неподалеку майора Люшкина, но тот никак не отреагировал на доносившийся грохот, продолжая что-то втолковывать своему собеседнику в форме железнодорожника.

По всей пристанционной площади и ближайшим улицам сновали бойцы. Танки, ревя моторами, собирались в колонны, на автомобили, стоящие у вагонов и платформ, грузились самые разнообразные грузы. Гвардейская тяжелая танковая бригада разгружалась одновременно на нескольких станциях, так же как и вся Вторая механизированная армия. После трех месяцев подготовки два механизированных корпуса, тяжелая танковая бригада, мотострелковая дивизия получили приказ скрытно сосредоточиться в тылах Юго-Западного фронта. Пока до командования, а тем более до личного состава бригады, ничего не доводили, но среди бойцов уже вовсю ходили слухи о готовящемся большом наступлении.

Иванов вздохнул, еще раз посмотрел на занятого комбата, что-то усиленно втолковывающего командирам рот, и подумал, что его вмешательство здесь будет излишним. «Не стоит дополнительно нервировать командиров присутствием высокого начальства, судя по расчету времени и темпам выгрузки, батальон успевает до рассвета выйти в район рассредоточения», — подумал Сергей и, отпустив сопровождающего его по приказу начштаба батальона бойца, направился к стоящей за углом машине. Однако дойти до нее он не успел, его перехватил посыльный с вызовом на станционный узел связи.

В небольшой комнатке с установленными на столах телефонами и телеграфом уже сидел начштаба батальона, капитан Квакин и читал ленту, со стрекотанием выскакивающую из аппарата «Бодо». Увидев входящего Иванова, он собирался встать, но остановленный жестом, опять уставился на вытекающую из рук телеграфиста ленту.

— Что там, Алексей Геннадьевич? — спросил у него Сергей. Оторвавшись от ленты, капитан доложил, стремясь перекричать стрекот телеграфного аппарата:

— Вызывают вас, товарищ полковник. Пока получено указание ускорить выгрузку и в обязательном порядке замаскировать всю технику, не успевающую достигнуть заданного района. Передали, что вчера первый батальон танковой бригады четвертого корпуса опоздал с выгрузкой, не успел достичь указанного для него места базирования и был засечен на марше немецкой авиаразведкой. Батальон попал под удары авиации, понес большие потери. Сегодня весь день немцы летали на разведку в том направлении, в результате чего приостановлено сосредоточение остальных частей корпуса. Требуется принять меры по недопущению подобных происшествий. Ну, и с вами хотят переговорить.

Переговоры по телеграфу были не слишком длительными, поэтому Сергей вскоре уже ехал на соседнюю станцию по узкой, петляющей среди сугробов дороге, слабо освещаемой фарами «козлика». До комбата-два он ситуацию довел, отдал необходимые распоряжения и сейчас спешил проверить дела в первом и мотострелковом батальонах. Командиры там, конечно, толковые, но свой глаз, он лучше видит. Машина с трудом преодолевала разбитую

фронтную дорогу, вернее, просто пробитую в снегу колею. Да, все же возраст, уже более пятидесяти лет, это не возраст Христа, и фронтная обстановка переносится все тяжелее и тяжелее, думал, трясясь на ухабах, Иванов.

«Интересно, если бы не военный стресс, то после такой ночи я бы наверняка дня три отходил и выспался, а то еще и заболел», — подумал Сергей, и в этот момент очередь трассирующих пуль пересекла дорогу прямо перед автомобилем. Водитель резко затормозил, машину развернуло в сторону, воткнуло радиатором в сугроб, и Сергей вместе с тремя сидящими на заднем сиденье охранниками резко вывалились прямо в снег. Тут же сзади полыхнуло пламя, идущий сзади броневик охраны, получив прямо в бак зажигательную пулю из противотанкового ружья, весело запылал, освещая окрестности неровным, мигающим светом.

Слева из-за заснеженных, еле различимых в темноте кустов, полыхнув огнем, затрещали автоматы. «Засада, и очень грамотная», — мелькнула, тут же пропав, мысль. Иванов, сняв с предохранителя МР-40, дал короткую очередь в сторону выдавших себя огнем выстрелов диверсантов и сразу же перекатился влево. Как он и ожидал, пули взрыли снег в покинутом им месте и чуть правее. Справа от него огоньками и треском очередей проявили себя бойцы охраны, а откуда-то со стороны машины сухо громыхнул выстрел водительского карабина. Пока, похоже, все были целы. Но долго сопротивляться грамотной засаде лежащим в снегу будет трудно, немцы вполне могут расстрелять их из пулемета или забросать гранатами. Пока Сергей быстро перебирал варианты дальнейших действий, ситуация внезапно и резко переменялась. Откуда-то с заснеженного поля гулко загрохотал крупнокалиберный пулемет, поливая кустарники и сугробы, за которыми пряталась засада, пулями величиной с сосиску, вполне способными при попадании напрочь оторвать руку или ногу. Одновременно с нескольких сторон бесшумно, выдавая себя только огоньками, обстреляли засаду прибывшие на помощь неизвестные бойцы. Лежащий в снегу Сергей лишь осторожно покачал головой. Похоже на действия группы осназа, но осназ в тылу наших войск? Что они здесь делали, неужели следили за ним? Пока подошедшее подкрепление вместе с двумя уцелевшими бойцами охраны добивали диверсантов, проверяли окрестности и искали живых немцев, чтобы взять их в плен, Сергей неторопливо подошел к машине, с которой уже возился, матерясь сквозь зубы, шофер. Сбоку раздался странный звук, и вплотную к дороге, отсвечивая в пламени догоравшего броневика, прямо по снегу подкатили, сверкая кругом пропеллера, аэросани. Бронированный корпус, с расположенным на крыше, за щитком, крупнокалиберным ДШК, вращающийся со звуком, похожим на шум пролетающего вертолета, пропеллер выглядели весьма внушительно и, пожалуй, даже фантастически. Сбоку, из открытой дверцы, выглядывал человек в белом маскхалате и танковом шлемофоне необычного белого цвета. Увидев стоящего у машины Иванова, он выскочил из затормозивших аэросаней и подбежал к Сергею.

— Здравия желаю! — приветствовал он Сергея, бросив взгляд на автомобиль. — Лейтенант Кактусов, отдельная аэросанная рота, Осназ НКВД.

— Здравствуйте. Инженер-полковник Иванов, командир танковой бригады.

— У вас все в порядке, товарищ полковник?

— Похоже, машину нам эти диверсанты раздолбали. Не подкинете до станции... — ответил Иванов.

— Могу взять вас и одного бойца охраны в аэросани, мы как раз движемся в эту сторону. Позаботьтесь об охране и раненых, машину с шофером сопровождать до станции, — мгновенно развернувшись, бросил он подошедшему откуда-то из полутьмы похожему на него, как близнец, бойцу.

Забравшись в аэросани, Сергей, поудобнее устроившись на сиденье, более комфортном, чем у «козлика», задремал, пользуясь подвернувшейся возможностью.

Сказать, что Яков Григорьевич был зол и одновременно напуган, было бы таким же преуменьшением, как назвать климат в Антарктиде слегка прохладным. Да, он был практически в панике, ему казалось, что история опять повторяется и его снова ждет арест. А по ночам ему снились кошмары, казалось, что его выводят на расстрел, ставят перед уже вырытой могилой на колени и сзади ему в шею упирается холодное дуло пистолета. Просыпаясь в холодном поту, он вскакивал, шел на кухню отведенной ему служебной квартирки и выпивал рюмку водки или коньяка. Только после того, как спиртное начинало действовать, он засыпал снова.

Причиной его расстройства была совместная комиссия от Наркоматов Госконтроля и Обороны. Она работала на заводе уже третью неделю, с невиданной дотошностью проверяя все — от расходов на канцелярию до технических чертежей и расчетов, новых разработок и технологической документации. Такой всеобщей, как сказали бы позднее, тотальной, проверки не мог припомнить ни один из работников КБ или заводоуправления. Причем в комиссии были не только представители двух наркоматов. Обострившимся за время следствия чутьем Таубин засек по крайней мере двух представителей органов, один из которых, что было не совсем типично, проверял как раз инженерные расчеты и технологические цепочки производства гранатомета.

Так что основания для столь глубокого расстройства чувств как у самого Якова Григорьевича, так и у остальных работников завода были. Комиссия уже раскопала несколько случаев мелких хищений инструментальных стальных рабочими, более крупную аферу с продуктами, в которой участвовали начальник ОРС (отдела рабочего снабжения), бухгалтер того же отдела, несколько работников заводской столовой и даже два человека из городской торговой сети. Теперь эти дела расследовала милиция, а комиссия продолжала копать и копать дальше с прежним упорством и непонятной целью.

Сегодня наконец должно было состояться подведение итогов работы комиссии, поэтому Таубин волновался еще больше обычного.

В просторном зале совещаний собралось совсем немного народу. От завода пригласили только директора, главного инженера и главного бухгалтера, от КБ присутствовал только Таубин. Проверяющие пришли втроем — председатель комиссии и два его зама, полковник от НКО и молодой, но очень хорошо подготовленный представитель от госконтроля.

Вопреки страхам Таубина, выводы комиссии оказались очень и очень неплохими. Отметив ряд недостатков (ну, куда же без них!), комиссия в своем акте основной упор сделала на успешной работе завода по созданию и производству нового, перспективного образца вооружения, на внедрении рационализаторских предложений по уменьшению стоимости гранатомета, на новых разработках КБ. Таким образом, неожиданно для заводских работников, акт напоминал скорее отчет о достижениях, чем документ по проверке. Естественно, при подписании такого документа никаких трений между представителями комиссии и заводчанами не было.

Вечером, проводив поезд с отбывающими в Москву членами комиссии, заводское руководство, руководство КБ, военпреды и представитель восьмого отдела собрались в заводской столовой, слегка, по русскому обычаю, отметили успешное окончание этого непонятного и неприятного дела. Но даже после нескольких бутылок разобраться в нем они так и не смогли. Впрочем, уже на следующий день никто, кроме сидящих в КПЗ по делу о хищении продуктов, о комиссии и не вспоминал.

И никто из заводчан, никто из работников КБ, да по большому счету и большинство сотрудников комиссии и не подозревали, что подобные проверки прошли сейчас по всей стране. Проверялся завод по производству так называемых РСБ или «радиостанций специальных боевых», среди специалистов называвшихся «рациями Семы Бриджмана», проверялась деятельность лаборатории Лосева, проверялись отзывы с фронтов об эффективности гранатометов и постановщиков помех, новой конструкции радиоаппаратуры и новых тактических приемов бронетанковых и механизированных войск. Ни товарищ

Берия, посвященный в некоторые подробности дела, ни товарищ Мехлис, абсолютно ничего не знающий о реальной подоплеке этой грандиозной проверки, не хотели докладывать самому товарищу Сталину недостоверные сведения о заинтересовавшем его вопросе.

Нет, конечно, во все дела так скрупулезно товарищ Сталин не вникал. Но сейчас, по каким-то известным только ему, а точнее, ему и Берии, мотивам требовал предоставления точных материалов по всем подробностям рассматриваемых вопросов. Получившиеся несколько десятков томов были переданы в новую, организованную вначале при НКВД, но теперь решением Самого, переподчиненную ЦК Особую аналитическую группу. Работники этой группы днями и ночами изучали предоставленные документы, оценивая и делая выводы, которые тут же отпечатывались в двух экземплярах и докладывались в Кремле лично главе Государственного Комитета Обороны. Первый экземпляр документа сразу же передавался в секретариат и подшивался в Особую папку хранения, проходящую по всем учетам за номером один. На основании же вторых экземпляров в специальном отделе ОАГ готовился итоговый документ. О содержании этого документа знали только два работника этого самого отдела, широко известные в узких кругах специалисты-аналитики бывшего НКГБ Илья Бридман и Владислав Котов. Только они двое и начальник ОАГ имели все сведения о деле «Припять». Именно они предложили провести специальный отбор «володавов» для готовящейся на всякий случай группы по скорости реакции, отметив, что в отчетах описывается быстрота реагирования «гостей из будущего». Кто-то из них, кто — так и осталось не отмеченным ни в одном из отчетов, предложил, установить засаду не только на месте распотрошенного тайника, но и у лабораторий, изучающих артефакты.

Такие вот простые русские мужики, еврей и наполовину поляк — способные по оставленному на столе кусочку документа определить, какой очередной исследовательский проект начали англичане или немцы, по полученному заданию — «сходи туда, не знаю куда» найти, куда надо сходить, и какое «не знаю что» там следует обязательно прихватить для дальнейшего изучения. Среди знающих людей ходили неясные слухи о причастности их к разработке знаменитой операции «Трест» и другим громким делам двадцатых — тридцатых годов, но все реальные дела этих двух человек всегда оставались тайной, запрятанной в папки с грифом «Хранить вечно».

«Совершенно секретно. Дело „Припять“

Приложение № 56. Экз. второй

Протокол осмотра прибора „Нokia“.

Нами ..., в присутствии приглашенных экспертов ..., произведено изучение прибора, полученного из отдела ... ГУГБ НКВД.

Прибор представляет собой квадратный, со скругленными углами брусок размерами... Материал корпуса — пластическая масса неизвестного состава. С условно-нижней стороны корпуса имеется съемная крышка, на условно-верхней стороне расположено прикрытое стеклообразной массой окно, предположительно выполняющее роль экрана, и набор необычной формы кнопок управления. На этой же поверхности нанесено латинскими буквами слово „Nokia“, вероятнее всего являющееся названием прибора.

Наличие на кнопках рисунков, напоминающих условное обозначение телефонной трубки, [...], а также маркировка большинства остальных кнопок буквами и цифрами позволяют предположить, что данный прибор является миниатюрным телефонно-телеграфным аппаратом... [...]

Отверстия в корпусе могут быть классифицированы как разъемы для подключения к телефонным и телеграфным сетям. [...]

На этой же наклейке написано по-русски „Сделано в КНР“, что предположительно указывает на страну выпуска [...]».

13 ноября 1942 г. Москва

Привычно кивнув секретарю и не дожидаясь его ответа, майор Мурашов быстро вошел в кабинет наркома. Да, последние несколько недель он и Меркулов, пожалуй, реже бывали в своих кабинетах, чем в этом. Сумасшедшие, фантастические находки и неожиданный поворот дела «Припять» превратили жизнь всех причастных в сплошную, практически без отдыха работу. Напряженный ритм диктовался особой важностью дела, фигуранты которого были посвящены в одну из важнейших тайн страны — подготовку к решающему наступлению на южном направлении. До его начала оставалось меньше недели, а любая утечка информации к противнику могла стать роковой.

— Докладывайте, — увидев вошедшего, сразу приказал Берия.

— Получены сведения от комиссии, обследовавшей Завод номер XXX. Выводы положительные, акты переданы в Особую аналитическую группу. По остальным оставшимся комиссиям результаты ожидаем в течение суток. Предварительные выводы тоже положительные.

— Хорошо, что еще?

— Закончено расследование по делу «Славянский шкаф». Подозреваемые в работе на иноразведки изолированы от материалов по операции «Уран», им осторожно передается дезинформация. Подробности товарищ Меркулов доложит вам завтра в восемнадцать ноль-ноль.

— Это хорошо. По самим фигурантам новости есть?

— Так точно, товарищ нарком. Лейтенант Кактусов докладывает, что «Припять-два» подвергся нападению группы немецких диверсантов, работавших в нашем тылу. Группе Кактусова пришлось вступить в бой. По его донесению, легенда прикрытия сработала, объект ничего не заподозрил. В настоящее время «Припять-два» продолжает готовить свою часть к наступлению. По докладам агентуры, использует любую возможность для повышения боевой силы своей части, недавно полузаконными путями выбил пятнадцать американских бронетранспортеров «Уайт».

— Старается, значит. Интересно. А как его друг?

— Так же. Готовит корпус к боям. Позавчера добился снятия как некомпетентного командира тридцать третьей бригады, тот не сумел наладить скрытый марш части к месту сосредоточения. Утечки сведений к немцам не произошло, марш был засечен самолетом связи корпусной эскадрильи. Командир бригады является дальним родственником генерала Еременко, и в связи с этим у «Припяти-один» возникли очередные трения с представителями НКО.

— Понятно. А почему он не снял этого... типа раньше?

— Пытался, докладывал, но ему не дали. Сейчас же он воспользовался тем, что все произошло в боевой обстановке.

— По этому вопросу соберете все подробности — кто, когда, возможные мотивы и причины действий всех причастных лиц. Срок — неделя. Понятно?

— Есть, товарищ нарком. Разрешите доложить по артефактам?

— Что, появились какие-то новости?

— Так точно. Частично установлены материалы, из которых они изготовлены. Изоляция провода изготовлена из синтетической резины на основе полихлорвинила. Вещество известное, выпускается в Германии с 1936 года, но по сведениям из доступных источников этот материал твердый и не пригоден для изоляции кабелей. Материал, из которого изготовлен рюкзак, — полиамид, похоже изобретенный в САСШ «найлон». Однако имеются сведения, что американский материал не настолько прочен. Подробности в папке, документы 44 и 45.

В лаборатории Сифорова сумели подобрать необходимые параметры источника питания и подключить один из приборов. После переборов многочисленных вариантов вчера наконец-то найдена кнопка включения питания. Подробности также изложены в папке, я же

могу только доложить, что устройство оказалось не просто телефонно-телеграфным аппаратом. Установлено, что оно является еще и миниатюрной радиостанцией. Во включенном состоянии она непрерывно испускает кодированный радиосигнал очень высокой частоты — девятьсот миллионов герц.

— А дальность действия этой радиостанции выяснили?

— Да, по расчетам, не более нескольких десятков километров. Так что для дальней связи ее использовать невозможно. Появилась гипотеза, что данные устройства могут быть чем-то вроде радиомаяков, аналогичных используемым в настоящее время приводным радиомаякам в авиации, а большой прибор — либо самой машиной времени, либо частью дистанционного управления ею. По предложению аналитиков ОАГ лаборатория взята под дополнительную охрану специалистами группы Колыванова.

— Хорошо. Оставьте папку у меня, я просмотрю.

Закончив с текущими делами, Берия открыл и внимательно изучил документы в принесенной Мурашовым папке, после чего попросил секретаря записать его на прием к «товарищу Иванову». Через полчаса он уже сел в «Паккард», через несколько секунд устремившийся по пустынным в столь позднее время улицам Москвы к Кремлю.

«Совершенно секретно. Дело „Припятъ“

Приложение № 56. Экз. второй

Отчет об исследованиях прибора „Нокиа“.

[...] Перебирая различные комбинации кнопок и время удержания их во включенном положении, мы установили, что для включения прибора необходимо продолжительное нажатие на кнопку, обозначенную символом разорванного круга с чертой. [...] В результате на экране появились надписи на русском языке и непонятные рисунки. Таким образом, подтвердилось предположение, что окно, закрытое стеклообразной массой, является аналогом телевизионного экрана. [...]».

14 ноября 1942 г. Сталинград и Москва

Капитан ГБ Абраменко несколько минут недовольно смотрел на полученное донесение. Он давно уже чувствовал, что появление московских «гостей» не сулит ничего хорошего. И его предвидение оправдалось. Нет, ну надо же, диверсанты по тылам тучами бродят, готовящееся наступление от них еле скрывать успевай, приходится днем и ночью работать всем как проклятым, чтобы немцы ничего не заподозрили, а тут еще и шпион выявился. И ладно бы просто в штабе, а то ведь в аппарате самого ЧВС. Ну и что теперь делать?

Капитан, естественно, не стал вспоминать, что шпион обнаружен был не просто так, а с подачи Москвы, приславшей список подозреваемых, за которыми нужен особый надзор. Да и сейчас конкретные факты получены с помощью московских «варягов», сумевших проследить связника. Жаль, что только до станции, пришлось его там втихую брать, иначе бы сведения о предстоящем наступлении ушли к немцам. Взять-то его взяли, зато дальнейшую цепочку отследить теперь не удастся. К тому же сейчас не сорок первый, за такой «успех» Москва всем выпишет по такой «благодарности», что долго на попе сидеть не смогут. Это в прошлом году арестованный или убитый шпион удачей считался. Даже лозунг был соответствующий. А сейчас прежде всего связи вычисли, дезой покорми, «игру» красивую многоходовую с ним проверни — вот тогда работу оценят. Так что просто арестованный шпион чуть ли не в минус идет. Недоработали, значит, не смогли...

Так, а здесь у нас что? Материалы наружного наблюдения, понятно. Бл... а как же он это-то упустил. Так, срочно секретчика сюда...

В знакомом кабинете в здании на площади Дзержинского все также успокаивающе

горела настольная лампа с зеленым абажуром, а стоявшие на прежних местах вещи напоминали, что есть в этом мире что-то стабильное...

— В соответствии с полученными сведениями к объектам «Припять» проявляет повышенное внимание третий секретарь-референт товарища «Белого», на которого получены компроматериялы, изобличающие его в шпионской деятельности. Местным работникам не удалось установить, является ли этот интерес просто сбором разведывательной информации или попыткой выхода на связь. Поэтому становится крайне необходимым выяснение истинных мотивов действий объектов «Припять».

— Понятно. Дело ясное, что дело темное. Так, кажется, в свое время «Припять-три» говорил? — хозяин кабинета блеснул стеклышками пенсне, наклоняясь к лежащим на столе бумагам. — До момента «Уран» осталось всего четыре дня, — задумчиво проговорил он, внимательно вглядываясь в лицо докладчика. — Что предлагаете вы?

— Товарищ нарком, я считаю, что необходимо действовать по мягкому варианту. Всех возможностей этих «гостей» мы, увы, не знаем, но можем с достаточной долей уверенности предполагать, что они будут с нами сотрудничать. Воюют они на нашей стороне, большинство имеющихся на артефактах контрольно-распорядительных надписей — русские. Так что подозрения о выходе с ними на связь агента немецкой разведки могут оказаться всего лишь результатом излишней бдительности местных товарищей.

— Хорошо. В принципе я согласен. Какие конкретно действия планируете? — нарком внимательно прослушал предложенный план, немного подумал и недоуменно спросил: — На первый взгляд абсолютно непрофессионально. Думаете, может сработать?

— Понимаете, товарищ нарком, мы из этого и исходили. Если они подготовленные агенты, то наверняка знают уровень квалификации нашего личного состава, а возможно, и персонально наших людей в лицо и наверняка ждут от нас профессиональных действий. А тут такая неожиданность...

— Теперь я понял. Может получиться. Начинайте подготовку, а я сейчас запрошу возможность приема у товарища Иванова. Готовность операции предварительно на четырнадцатое, к пятнадцати ноль-ноль. Код начала операции — позывной «Синий». Действуйте.

— Есть, товарищ маршал госбезопасности. Разрешите идти?

— Идите.

Через несколько часов с аэродрома в Чкаловском взлетел борт Ли-2-ОН с номером «Два». Сопровождаемый тремя парами новейших Як-7Б, он взял курс на юг, в сторону Сталинграда. Заместитель председателя ГКО вылетел для проверки готовности мероприятия «Уран».

«[...] Гитлер, объясняя причины, побудившие германское верховное командование начать наступление по направлению к Волге, говорил: „Я хотел достичь Волги у одного определенного пункта, одного определенного города. Случайно этот город носит имя самого Сталина. Но я стремился туда не по этой причине — город мог называться совсем иначе. Я шел туда потому, что это — весьма важный пункт. Через него осуществлялись перевозки тридцати миллионов тонн грузов, из которых почти девять миллионов тонн нефти. Туда стекалась с Украины и Кубани пшеница для отправки на север. Туда доставлялась марганцевая руда. Там был гигантский перевалочный центр. Именно его я хотел взять... [...]“

Таким образом, в наступлении в сторону Волги, вопреки первоначальным намерениям немецко-фашистского командования, были втянуты в затяжные и изнурительные бои огромные силы: немецкие 6-я и 10-я общевойсковые и 4-я танковая армии, которые являлись главной ударной силой немецко-фашистских войск, 3-я румынская, 8-я итальянская — всего 50 дивизий, не считая большого количества специальных частей. Это была одна из главных и самая активная группировка противника [...]».

«История Великой Отечественной войны Советского Союза». Т. 2,

15 ноября 1942 г. Сталинград

— Нет и еще раз нет, — понятно, что ночная работа никого веселым не делает, но и нервничать так из-за подписи?

— Нет, товарищ капитан госбезопасности, ордер я вам не подпишу. Не вижу причин для ареста.

— Товарищ прокурор, вы понимаете, что дело секретное?

— И что, товарищ капитан, это требует нарушать наш советский закон? Вы не помните, к чему это все привело при Ежове? Дайте достаточное обоснование — и я подпишу ордер. Пока же, ознакомившись с предоставленными материалами, оснований для ареста вышеуказанных лиц не наблюдаю.

— Ну что же, товарищ Горелик, мы вынуждены будем информировать Москву.

— Информируйте. Ваше право, — военный прокурор Юго-Западного фронта, он же прокурор Сталинградского гарнизона Александр Яковлевич Горелик ответил спокойно и невозмутимо. Высокий, с мускулистой фигурой бывшего молотобойца, с лицом рабочего интеллигента, украшенным лопатообразной бородой, делающей его похожим, для стороннего наблюдателя, на послевоенные портреты академика Курчатова, прокурор поднялся из-за стола и прошелся по кабинету, попыхивая лихо заломленной папиросой и иронически поглядывая на явно не ожидавшего такого отпора особиста. Помрачнев, замначальника Особого отдела фронта посмотрел на прокурора и спросил, иронично и зло выделяя слова:

— А вам не кажется, что вы саботируете важное расследование? Мы ведь можем подумать и обратиться к вашему начальству. Вы, надеюсь, понимаете, чем это может вам грозить?

— А вы не боитесь, что с такими методами работы вы партбилет на стол положите? — Ничуть не испугавшись, Александр Яковлевич остановился напротив сидящего особиста и, по-прежнему весело, посмотрел на него с высоты своего роста, одновременно засунув руки в карманы галифе и слегка покачиваясь с носков на пятки: — Я ведь могу вам в этом и посодействовать. Сейчас не тридцать седьмой, чтобы Героев и фронтовиков по одному подозрению хватать. Если же вы этого до сих пор не понимаете, то тем хуже. Значит, так, — в голосе хозяина кабинета внезапно прорезался металл:

— Вы, товарищ капитан, можете быть свободны!

Капитан Песах Исаакович Абраменко инстинктивно встал, постоял, глядя на хозяина кабинета, но, видимо, поняв, что дальнейший разговор ничего не изменит, развернулся и не прощаясь вышел. Дверь, несмотря на тональность беседы, он закрыл аккуратно и тихо.

Оставшись один, Александр Яковлевич несколько минут стоял и смотрел на закрытую дверь, о чем-то размышляя, затем снова сел за стол. Прочитав еще раз лежащие на столе документы, он убрал их в папку, украшенную множеством печатей и штампов, еще немного подумал и поднял трубку одного из телефонов.

— Дайте мне «Прикрытие», — сказал он и, дождавшись соединения, попросил связать его с номером три — шестьдесят два.

— Петр Иванович? Приветствую, это Александр Яковлевич. Ты мне то, что я просил, разузнал? Так, отлично, сейчас иду к связистам. Давай примерно через пятнадцать минут.

Собрав бумаги со стола и закрыв их в сейфе, он поправил форму перед зеркалом и, весело насвистывая какой-то мотивчик, отправился по коридорам в полуподвал, где располагались телеграфисты.

В это время капитан Абраменко, сидя в своем кабинете, пытался найти выход из ситуации, в которую загнал себя сам. Начальник Особого отдела, ложась в госпиталь,

оставил на него это мутное дело. Но Песах сразу понял, какие оно сулит перспективы. Ага, если дело на контроле Москвы, а он сумеет доказать, что это действительно шпионы... И теперь, из-за упрямства прокурора, все разваливалось. Хотя... можно попробовать копнуть под самого прокурора. Нет, слишком опасно. Человек он предсказуемый, упрямый и честный. К тому же бесстрашный. Что он собственноручно расстрелял вора по кличке Хавчик, который руководил бандой, кравшей продовольствие, знал весь Сталинград. Да и адвокатом до войны он был известным, множество полезных знакомств имел. С таким связываться — себе дороже. Но что же делать?

Мучительные раздумья капитана прервал внезапно появившийся секретчик, принесший телеграмму от самого Меркулова. Прочитав ее, Абраменко облегченно вздохнул. Жаль, конечно, что такая возможность ускользнула, зато теперь эти проблемы пусть решают московские «гости».

«Посмотрим, как прокурор с наркомом будет тягаться», — подумал Абраменко, вызывая к себе лейтенанта Кактусова.

15 ноября 1942 г. Юго-Западный фронт. Сергей Иванов

Я, конечно, не Андрей с его интуицией, но даже мне в последние дни становится немного не по себе. Кажется, что ничего особого не происходит, но неприятное ощущение непрерывной слежки никак не проходит. Бл..., что такое, не пойму? Неужели немцы все же устроили за командованием бригады охоту? Или персонально за мной? Что ни говори, а разведка у них серьезная была. Помнится, где-то читал, что даже планы составляли с учетом доставленных разведкой данных о характере командующих противостоящими войсками генералов. Так что могли и мы с Андреем в какую-нибудь особую папку абвера попасть. И еще не идет у меня из головы нападение на Андрея в Славянске. То, что он мне рассказал, на всякие мысли наводит. Например, мы кому-то из высшего руководства дорогу перешли, или в НКВД кто-то все же получил сведения о нашем истинном лице и решил нас изолировать «чисто для сэбэ». А что, вполне вероятно. Имея наши сведения о будущем, можно такого натворить...

Ну, вот, накаркал. Антон телефонограмму приволок: «Срочно прибыть в штаб фронта». В Сталинград значит. Интересно, зачем. Хотя вырисовывается одна идейка — если Андрей тоже придет, значит, предки нас раскусили. Черт, а ведь, судя по всему, наступление начнется буквально через несколько дней, уже и запасы практически все подвезены, сильно недостает только стодвадцатимиллиметровых мин да патронов к ДШК и ПТР. Но это и понятно, потеря Харькова все же сказывается. Что же, придется все Махрову передавать. Как-то он с бригадой справится? Хотя, может, рано я панику поднял. Ну, прокачусь до Сталинграда и обратно, а там и в наступление. «Рыжий» вон опять застоялся, пора бы и повоевать.

Нет, ну точно что-то не так идет. Мурка от меня не отходит, мяучит и мяучит как заведенная да когтями за форму цепляется. Взять, что ли, с собой? А ладно, возьму:

— Антон, приспособь-ка Муркину корзинку в машину, да в хоззвезде возьми для нее поест на денек.

Так, пока машину готовят да Антон собирается, у «Рыжего» спокойно посижу. Сроднились мы с ним. Иногда мне кажется, что он живой. Странно, в прежней жизни никогда к танкам так не привязывался. Может, потому, что менял их один за другим?

Ну все, пора. Едем до станицы, а там нас самолетик ждет. У-2 транспортный. Почти лимузин, на трех пассажиров, так что мы с Антоном и Муркой вообще с комфортом поместились. Ну что, полетели? Эх, Мурка, ты же танкист, чего ж так испугалась-то? Ладно, хоть не меня или Антона, а свою корзину обоссала. Ну, кошатина, ты даешь...

Честно говоря, я бы лучше на «Рыжем» по пересеченной местности на полной скорости проехался, чем на этой летающей этажерке. Растрясло как ни разу в жизни. А уж воздушные

ямы — это ощущение, не передаваемое даже «большим боцманским загибом». Хорошо, летели не слишком долго, всего-то часа два, и ни одного немецкого самолета не встретилось. Если бы летчик еще и маневрировать начал, я бы точно не выдержал, да и Антон тоже. Он и так весь полет бледный сидел.

Прилетели мы к Сталинграду уже ближе к вечеру и приземлились где-то на окраине. Нас уже машина ждала, ага. Причем не обычная «эмка», а трофейный «хорьх». Генеральская, блин, машина. С чего бы? Или просто меня уже всякая мелочь беспокоить начинает? Ладно, сопровождающий один, обычный армейский сержант, похоже. Да и водитель ничем не выделяется. Ладно, поехали.

Так, вот и штаб, благо я тут уже раз бывал, здание знакомое. Хм, вроде все спокойно. Тэк-с, а Мурку с Антоном куда? Ага, сержант проведет. Ладно, пошел.

Вхожу в ярко освещенный, прямо-таки сияющий светом коридор и после сумрака на улице невольно зажмуриваю глаза. И тут же меня мягко, но цепко хватают несколько человек, выдергивают из кобуры ТТ, а из кармана — «Вальтер» ППК. Так... вот и допрыгался. Стою спокойно, стараясь не спровоцировать оперативников на жесткие меры. А ведь угадали, черти, что я на своих сразу не кинусь, мелькает в голове мысль.

Все-таки нас раскрыли. Интересно, куда нас теперь? На Лубянку, на какую-нибудь закрытую дачу или прямо, ха-ха, к товарищу Сталину, а тот нас расспрашивать станет, как ему «обустроить Россию».

Меня легонько подталкивают — ведут по коридору куда-то в глубь здания. Наконец-то мои глаза адаптировались к освещению, и я узнаю в одном из арестовавших меня лейтенанта Кактусова. Интересно, интересно. Получается, что нас ведут давно? А почему тогда раньше не задержали? Стоп, стоп. А ведь у нас наступление под Сталинградом как раз девятнадцатого началось. Может, и здесь так же? Тогда, если нас вели, то как раз, получается, вовремя арестовывают, чтобы командный состав до наступления сменить.

Тэк-с, вот и комнатка. На окнах решетки, что-то за ширмой спрятано. И три стула. Для меня и Андрея? Похоже. Ага, вот и Андрея привели.

16 ноября 1942 г. Сталинград. Штаб Юго-Западного фронта

Андрей, прибывший по вызову в штаб армии, вошел в гостеприимно распахнутую незнакомым посыльным по штабу дверь. Ленг, хитрюга, успел прошмыгнуть в тепло мимо его ног и уже стоял в коридоре, внимательно принимаясь и присматриваясь к обстановке. Похоже, он тоже что-то чувствовал, как и Андрей, чья интуиция прямо-таки была об опасности пожарной сиреной. Но в коридорах штаба внешне все выглядело как обычно, то есть как пожар в борделе во время наводнения. Сновал разнообразный штабной люд, из открытых дверей доносился стрекот пишущих машинок, прямо напротив входа, у окошка дежурного по штабу, приветливо улыбался знакомый по прошлым визитам посыльный. Мысленно нажав на кнопку «Отбой тревоги», Андрей попытался успокоиться.

— Собаку, как всегда, оставите в дежурке, товарищ генерал-майор? — спросил посыльный.

— Да, конечно, — ответил Мельниченко. Они прошли к дежурке, где в небольшой комнатке, до революции, видимо, бывшей чем-то вроде привратницкой, Ленг, как обычно, устроился на заранее приготовленном адъютантом коврик, дожидаясь возвращения хозяина. Но, в отличие от обычного ритуала, он постоянно пытался пройти вместе с Андреем и остался неохотно, только после категорической команды.

Андрей с адъютантом успели зайти за угол коридора, ведущего к залу для совещаний, когда все внезапно изменилось. Видимый отрезок коридора был пуст, а сзади и сбоку внезапно появились несколько особистов с расстегнутыми кобурами. Характерные плавнотекущие движения и явная готовность к применению оружия, сразу замеченные Мельниченко, подсказывали, что это профессионалы высокого класса. «Чистильщики-

волкодавы», — подумал Андрей, вспомнив одну из любимых своих книг о войне.

— Прошу сдать оружие и следовать за нами, — сказал один из них со знаками различия лейтенанта ГБ.

— Мы арестованы? — холодно спросил Мельниченко, отдавая одному из особистов пистолет, в то время как другой, подойдя со спины, быстро, но качественно обыскал его. — Тогда прошу предъявить ордер.

— Ну что вы. Никакого ареста. Нам просто нужно поговорить с вами в спокойной обстановке. А товарищ младший лейтенант пока подождет вас у нас в кабинете, — с этими словами лейтенант повернулся, жестом предлагая Андрею пройти вперед.

— Побеседовать мы могли бы и без таких мер. Требую предъявления ордера или встречи с прокурором, — Мельниченко понимал, что все уже решено, но по привычке трепыхался, как та лягушка в сметане.

— Пожалуйста, с прокурором вы увидите. Позже. А сейчас прошу следовать за мной.

Подчинившись неизбежному, Андрей пошел за новоявленным проводником. «А хорошо, что Ленга я оставил. Убили бы его эти чекисты», — подумал Мельниченко, внимательно разглядывая своих спутников. Когда же его завели в комнату, он ничуть не удивился, увидев сидящего на стуле Сергея.

16 ноября 1942 г. Сталинград. Штаб Юго-Западного фронта

Едва Мельниченко сел, как по не замеченному им сигналу открылась вторая дверь, и в комнату вошел тот, кого наши друзья меньше всего ожидали увидеть здесь и сейчас — майор ГБ Стонис. «Это уже интересно. Нас что, давно „пасут“?» — примерно такие мысли пронеслись практически одновременно у Мельниченко и Иванова, удивленно переглянувшихся между собой.

— Здравствуйте, товарищи, — вежливо поздоровался Стонис и, присев на третий стул, добавил: — Товарищ Меркулов просил с вами побеседовать.

— По поводу аналитической группы? — удивленно-настороженным тоном спросил Андрей. — А зачем тогда такие сложности?

— Насколько я посвящен в дела, для дезинформации имеющегося в штабе немецкого агента, — холодно улыбнувшись, ответил Стонис. Друзья переглянулись. «Врет?» — спросил взглядом Сергей. «Не похоже, скорее, и сам ничего не знает», — так он расшифровал выражение лица Андрея.

— Ну, и что же вы хотели у нас узнать? — спросил Андрей.

— Аналитической группе потребовались сведения по прошлому году. Ваши. По началу войны, отношению мирных жителей к армии, ошибкам наших военачальников.

— Спрашивайте, — ответил официально-безличным тоном Мельниченко.

— Начнем с предвоенных дней. Кто-нибудь из ваших знакомых ожидал нападения немецко-фашистских войск?

«Вот мы и влипли», — подумал Сергей, слушая ответ Андрея. Тот отвечал практически точно по повести Бакланова «Июнь сорок первого». Сергею, перечитывавшему эту повесть незадолго до попадания, это было видно. Но насколько точно она совпадала с реальностью, сказать он не мог, как, впрочем, и Андрей. Потом последовали другие вопросы, и переживать приходилось уже Андрею, слушавшему уверенные ответы Сергея. Только один Стонис да стенографирующий вопросы-ответы сержант, расположившийся за столом, оказавшимся за частично отодвинутой ширмой, выслушивали все абсолютно невозмутимо. Закончив задавать вопросы, Стонис примерно минуту помолчал, потом внезапно спросил:

— Ну и что вы наконец нам расскажете?

— О чем? — делано-удивленным тоном спросил Мельниченко.

Однако ответить Стонис не успел. Снова открылась дверь, и словно неведомая сила подбросила его со стула. В комнату вошел или, вернее, почти вбежал знакомый им по

фотографиям в книгах и здешних газетах, поблескивая знаменитым на весь мир пенсне, он — «кровоосталинский обер-палач», «лучший кризисный менеджер мира», лучший друг пионеров, нарком (с 1938 года) внутренних дел, товарищ Лаврентий Павлович Берия в сопровождении старого знакомого наших друзей подполковника ГБ Музыки. Вот тут-то Андрей и Сергей по-настоящему обалдели. «Ну и ну. Сегодня праздник у ребят, ликует пионерия. Сегодня в гости к нам пришел Лаврентий Палыч Берия. Это уже интересно. Нас что, искали сразу после переноса? У аборигенов есть какое-то оборудование для отслеживания таких, как мы, попаданцев?» — примерно такие одинаковые мысли пронеслись одновременно у Мельниченко и Иванова, удивленно переглянувшись между собой. Они попытались встать со стульев, но были вежливо, но твердо удержаны стоящей сзади охраной.

Остановившись напротив сидящих друзей, Берия несколько томительных минут пристально разглядывал их и наконец спросил:

— Товарищ Стонис, и что рассказывают наши ГОСТИ?

— Ничего нового, товарищ маршал. Сказки.

— Сказки? Это интересно. Еще интересней, когда они становятся былью, — сказал Берия и сделал знак рукой. Один из сержантов отдернул ширму до конца. На спрятанном за ней втором столе лежали рюкзак и несколько патронов к охотничьему ружью. Сергей и Андрей опять переглянулись.

— Разрешите, товарищ маршал госбезопасности? — взял инициативу в свои руки Сергей.

— Говорите, — ответил Берия, с интересом разглядывая Иванова, словно редкий экспонат краеведческого музея.

— По найденным вещам вы, наверное, уже определили, откуда мы. Но я сразу хочу заметить, что не просто из будущего. Мы из будущего другого мира. Хотя и очень похожего на ваш, — Сергей взглянул на обалдело глядящих на него чекистов и добавил: — Еще в начале шестидесятых годов двадцатого века по времени нашего мира американский физик Эверетт⁵ выдвинул гипотезу о существовании миров, существующих параллельно нашему в одной и той же вселенной. Как видите, она оказалась верной. Мы выехали в своем мире на охоту в июне 200.. года и, попав в непонятный туман, перешли из нашего мира в ваш, отстающий от нашего на... лет.

— Минуту, — Берия, пока Сергей рассказывал, успел вместе с Мурашовым дойти до стульев, но вдруг приостановился: — Лейтенант Кактусов, выведите товарища Иванова в соседнее помещение. Пусть он там продолжит свой рассказ под запись.

— Есть! — раздалось из-за спины Сергея, руки, прижимавшие его к стулу, ослабли. Поднявшись, он успел оглянуться на Андрея, но твердо направленный к двери идущими сзади охранниками, не успел больше ничего.

За дверью Сергея ждал такой же стол, за которым уже сидел стенографист и майор Стонис. Едва успевшего сесть на стул Иванова тотчас же засыпали градом вопросов, начиная от стандартных, про имя, фамилию и отчество, до неожиданных — о фасоне женского белья, называемого «колготками». Сергей отвечал, не подозревая, что сам стал невольным виновником такого любопытства, в пьяном виде проговорившись о колготках Клаве. Да, той самой, с которой познакомился в прошлом году и которая на самом деле была секретным сотрудником НКВД с оперативным псевдонимом Верный. Неведомо нам, как слово наше отзовется, точно. Нет, конечно, это был не единственный и отнюдь не самый главный вопрос, разговор или, если уж быть предельно точным, допрос, длился несколько часов.

Оставшиеся в комнате помолчали несколько секунд, потом Берия раздраженно спросил:

— Вы, товарищ генерал, ничего рассказать не хотите?

⁵ В действительности Эверетт выдвинул эту гипотезу в 1954 году.

— Почему же не хочу. Хочу. Начну по порядку, если не возражаете, — ответил Мельниченко и начал, словно зачитывая невидимую анкету:

— Я, Мельниченко Андрей Петрович, родился 12 февраля...

Сидевшие напротив него Берия и Мурашов внимательно слушали фантастическую историю трех людей, попавших в необычную ситуацию, не обращая внимания на скрип карандаша стенографиста.

17 ноября 1942 г. Юго-Западный фронт. Сергей Иванов

Как ни странно, но с прокурором мы все же встретились. Едва закончился мой допрос и разговор Андрея с наркомом, только с нас взяли подписку о неразглашении и снова свели вместе, убрали со второго стола «вещдоки», как один из охранников подошел к Берии и что-то шепнул ему на ухо.

— Да? — удивленно и весело произнес Берия и разрешил: — Пусть войдет.

В комнату вошел, внимательно осматривая обстановку, крупный, мускулистый, что было видно даже в мешковатом обмундировании, человек с курчатовской бородой, невольно заставившей меня вспомнить прозвище Курчатова и подумать, что и этого человека друзья наверняка тоже называют «Бородой».

Вошедший подошел и, поздоровавшись, представился Берии. О чем они разговаривали, мы так и не услышали, потому что нас попросили выйти в соседнюю комнату. Потом туда подошел и Борода, оказавшийся прокурором фронта. Да, все же слишком мало мы тут пробыли, поэтому, видимо, раньше ни разу в штабе не сталкивались. Поговорили. Хороший человек, душевный. Узнал, что нас задержали без санкции, и не побоялся самого «кровавосталинского опричника» потревожить. И что самое интересное — нарком(!) внутренних дел(!) не расстрелял, а оправдывался перед прокурором! И думаете, это только в этом мире? Нет, в том-то и дело, что и у нас без санкции прокурора ни одного человека даже в тридцать седьмом не арестовывали. Вот так. Как римляне говорили: пусть погибнет мир, но торжествует правосудие.

Оказывается, Андрей с ним вообще вместе из штаба ушел, а я моментом воспользовался и у чмошников для своего медсанбата немного дефицитных инструментов выбил.

А сегодня мотаюсь по бригаде. Все, точно ясно, что завтра наступление будет. Эх, покажем фрицам, где кузькина мать зимует. Если я правильно просчитал, планируется их в мешочек такой солидный загнать, на всю излучину Дона размером, и горловинку его прочно нашей армией, а, скорее всего, и еще одной, перехватить. Нам сейчас даже автомобилей дополнительных подкинули, причем автозаправщиков. Дефицит по нынешним временам жутчайший. Ну не справляется пока наша промышленность, не справляется. Подумать только, от начала сплошной индустриализации всего-то десяток лет прошел. Это только у балаболки Грызуна наша страна все волшебным путем получила, а в реале, увы, все намного хуже. Так что вторая держава мира, построенная к шестидесятым, — это даже не подвиг, это вообще нечто запредельное. Спасибо «России, которую мы потеряли», ага. И слава богу, что потеряли. Иначе немцев в Отечественную войну так бы и встречали лихими козьякрючковскими налетами, да малочисленными французскими и английскими танками.

Да уж, а находиться все время под охраной, даже и направленной на твою защиту, — занятие малоприятное. Но уж лучше так, чем где-нибудь в тюрьме. Странно все же, что нас никуда не забрали с фронта. Хотя срывать командира части перед самым наступлением — это, считай, сорвать наступление. Заместитель есть заместитель.

Черт, а ехать-то еще долго. Попробовать охрану разговорить, что ли?

— Товарищ лейтенант, а не скажете, откуда у вас такая экзотическая фамилия? Если не секрет, конечно.

— Не секрет. Сам я из деревни Подмышки, что на Вологодчине. В деревне, по-

уличному, нашу семью Картузовыми называли. Ну, я когда в училище поступал, писарь меня ошибочно Кактусовым и записал. Так и осталось.

— А менять не стали?

— Зачем? Хоть горшком пусть зовут, только в печь не ставят. Да и фамилию часто за псевдоним принимают, что при нашей службе, сами понимаете, неплохо.

— Скажите, Петр Иванович, а вы давно воюете?

— С начала войны. Первый выход 23 июня сделали. Может, вы слышали про уничтоженный штаб корпуса фрицев и захваченные планы наступления? В той группе и я был. Только вот получили их наши поздно. До сих пор злость берет, как вспомню.

— Понимаю, — отвечаю, а сам поглядываю на водителя. Тоже ведь из той же конторы. А еще в штабе ждет специально приставленный новый адъютант-стенографист, и вечером придется подробно надиктовывать ему снова все, рассказанное до этого вкратце. Вот еще одна заморочка. И с частью экипажа на «Рыжем» тоже расстаться пришлось. Теперь вместо Кузьмы у меня новый механик-водитель, лейтенант, правда, подозреваю, что звание у него гэбэшное. А сержанта Пушкина сменил сержант Плоткин. Такой накачанный детина, пожалуй, и Антон по сравнению с ним бледновато выглядит. Бл... сам проверить и погонять их не успеваю, пришлось Люшкина попросить лучшего командира танка выделить. Кого уж он там выделил? А, вспомнил, старшего лейтенанта Коваленко. Ниче так, грамотный и умелый. Все равно вечером приеду, сам проверю.

Да, вот такая вот работа у командира — сделать в короткий срок из того, что есть, что-нибудь чудесное. Ага, подобрать людей, расставить на нужные места, проверить, как они справляются, найти решение на бой, довести, проверить как все поняли, потренировать по возможности в реальном исполнении маневров, и все это при жутком дефиците времени. Да, обычная армейская ситуация — «На выполнение этой работы у вас есть неделя, которая вчера закончилась».

Тэк-с, вот и батальон майора Столярова. Посмотрим, посмотрим.

— Здравия желаю, товарищ полковник!

— Здравствуйте, Александр Михайлович. Ну, показывайте, как тут у вас дела.

— Предлагаю вначале пообедать, товарищ полковник.

— Пообедать? А впрочем, можно. Нам еще к Политову ехать. Пойдемте пообедаем.

Пообедали неплохо, а вот дальше... Немецкий разведчик, бляха муха. И как он проскочил через истребительный заслон? Ох, сейчас со штабом армии свяжут, я тамошнему представителю от летунов выскажу все, что я об этих крылатых залетчиках думаю. Третий случай, блин, за два дня. А как обещали, как клялись... Муха, мол, не пролетит. Уууу, дармоеды.

— Товарищ полковник, разведчик поврежден огнем зенитной батареи и сел неподалеку от поселка... Экипаж взят в плен отделением сержанта Туресибекова!

Ну, слава богу. Хотя так все решилось. Ага, вот и связь...

— Семнадцатый? Это «Береза». Семнадцатый... твою мать, до каких пор «снег» падать будет? Ты сводку погоды изучил? Третья ошибка за два дня. А «снег», между прочим, мне на голову падает, ...т, холодно,! Понял? ...ь!

Смешно, но почему-то самые различаемые по телефону слова — на «русском командном языке»...

18 ноября 1942 г. Юго-Западный фронт

Ночь на 18 ноября выдалась морозной, спиртовой термометр, чудом уцелевший во время вчерашнего обстрела, показывал пятнадцать градусов ниже нуля. Легкий снегопад, шедший с вечера, закончился, и на землю опустился густой туман, затруднявший на фоне снега ориентировку на местности. Но все было уже решено, и отменить начало наступления уже ничто не могло. Ровно в семь часов утреннюю тишину разнес на клочья страшнейший,

невиданный ранее грохот артиллерийской канонады, в туманной мгле сверкнули огненные трассы летящих в сторону противника реактивных снарядов «катюш». Грохот разрывов и гул выстрелов слились в один могучий гул, повисший над заснеженными придонскими степями.

Под прикрытием артподготовки все бригады Второй механизированной армии начали выдвигаться вперед, к переднему краю. В первом эшелоне шли первая гвардейская тяжелая танковая и тридцать девятая мотострелковая бригады, усиленные самоходками, которые должны были при необходимости усилить удар пехоты Десятой армии, прорывающей оборону противника. От этих бригад на участке планировавшегося ввода в прорыв, на командных пунктах сорок седьмой и семнадцатой стрелковых дивизий, усиленных отдельным танковым полком, находились заместители комбригов, следившие за ходом прорыва и изменениями в обороне противника.

Выбранный для прорыва участок фронта обороняли румынские дивизии. Наше командование надеялось поэтому на быстрое преодоление обороны противника. Но румыны, чувствовавшие себя чужими как для противника, так и для своего старшего союзника, защищались отчаянно и, опираясь на сильно укрепленные пункты, сдерживали наступление пехоты. Преодолев первую позицию и подойдя ко второй, стрелки залегли, не в силах подняться под сильным пулеметно-артиллерийским огнем румын.

Тут и наступило время танкистов. Под грохот орудий самоходных установок, ревя моторами, на опорные пункты обороны противника обрушились тяжелые танки КВ первой гвардейской тяжелой танковой бригады. Вот тут-то и пригодились навыки, наработанные долгими тренировками в Помарах. Умело маневрируя, уничтожая цели метким огнем с коротких остановок, танки в сопровождении пехоты устремились в глубь обороны. Такого удара румыны уже не выдержали. Да и как можно обороняться, если снаряды сорокасесимиллиметровых противотанковых итальянских пушек, в девичестве австрийских «Булеров», на большой дистанции отскакивают от их брони как резиновые. А с небольшого расстояния стрелять уже не придется, потому что любое подозрительное место перепыхивают разрывы русских «чемоданов», выпущенных идущими сзади монстрами. Да и румынская пехота, засыпаемая минами из автоматических минометов и огнем наступающих русских пехотинцев, выглядывать из окопов не рвалась, предпочитая прятаться в блиндажах. И оборона румын не выдержала, порвавшись под ударом тяжелых танков, как разваленное на части ударом колуна сучковатое полено.

Едва стало ясно, что танки вышли за линию обороны, вперед устремились отряды разведчиков на полугусеничных бронетранспортерах, сопровождаемые танками Т-50 и легкими противотанковыми самоходками. Еще кое-где в окопах постреливали отдельные несдавшиеся группы вражеской пехоты, еще танки только собирались в колонны, чтобы идти дальше в предбоевых порядках, когда от одной из разведгрупп пришло известие об обнаружении позиций румынской артиллерии.

— Первый, я — Береза. В квадрате двенадцать-пять обнаружена стая ворон. Принял решение разогнать. Прошу помочь движением в квадрат Сосны. Как поняли? Прием.

— Береза, я Первый. Вас понял. Сосна летит квадрат двенадцать-пять максимальной скоростью. Ориентировочно одиннадцать ноль-ноль. Ворон разогнать без остатка. Прием.

— Первый, я Береза. Принял. Одиннадцать ноль ноль. Конец связи.

Оторвавшись от переговоров по командирской рации, Сергей Иванов пометил что-то по карте и передал сидящему рядом начштаба, после чего собрался выйти из кунга передвижного командного пункта на базе автомобиля ЯАЗ. Но далеко не ушел, у порога его перехватил новый командир роты охраны, капитан Кактусов, и они о чем-то поругались несколько минут. Вернувшийся к столу Сергей мрачно осмотрел фургон и сказал:

— Воюем, — после чего добавил малый боцманский загиб.

Стрелявшие по наступающим русским румынские артиллеристы ничего не успели понять, когда, окруженные волнами поднятого гусеницами снега, на них с трех сторон обрушились танки. Тяжелые солидные КВ, юркие легкие Т-50, подвижные средние Т-34, высадив десант, устремились вперед, стреляя с коротких остановок и давя орудия

гусеницами. Большинство расчетов даже не развернули свои орудия.

— По полученным сведениям, частями тяжелой танковой бригады совместно с бригадой третьего гвардейского мехкорпуса уничтожены арtpолки пятой и седьмой румынских пехотных дивизий. Деморализованный противник ротами и батальонами сдается в плен. Продолжая наступление, передовые части третьего механизированного вышли в район Песчаного. Предпринятая с ходу атака успеха не имела. Разведчиками третьего мехкорпуса и тяжелой танковой бригады получены сведения о занятии в этом районе обороны сто восемнадцатой немецкой пехотной дивизией, усиленной дивизионом арtpштурм нового образца, — докладчик генерал-майор Алексей Ильич Данилов и слушающий его генерал-лейтенант Романенко глядели на карту весело. Армия выполнила задачу дня с успехом и, судя по всему, должна была ее даже перевыполнить.

19 ноября 1942 г. Москва

— Значит, вы решили действовать по мягкому варианту? — разговор шел на грузинском языке, родном для обоих собеседников.

— Да, товарищ Сталин. Мы учли, что они абсолютно добровольно вступили в войну на нашей стороне и решили, что так будет легче установить взаимопонимание. И как вы видите, нам это удалось. Правда, товарищ Меркулов предлагает убрать их с фронта и изолировать от возможных контактов и опасностей.

— Понимаю, Лаврентий. Они, конечно, важны как носители чрезвычайно важных сведений. Но, как мы узнали, они из другого мира. Пусть почти совершенно похожего, пусть отличающегося в очень незначительных мелочах, но другого. И я не уверен, что их сведения будут чрезвычайно ценны для нас. При этом их военный опыт, их искусство ведения боевых действий, основанное на опыте будущих войн и показываемое на практике нашим командирам, — весьма ценны для нас. Поэтому забирать их с фронта преждевременно. Да, печальное происшествие с третьим членом их коллектива надо учитывать. Твоим орлам необходимо обеспечить им максимально возможную безопасность.

— Слушаюсь, товарищ Сталин. Сделаем все возможное.

— Нет, Лаврентий. Не надо делать все возможное. Надо сделать все невозможное и даже немного больше. Понял меня?

— П... понял, товарищ Сталин.

— Вот и хорошо. Значит, говоришь, на охоту они ехали? Эх, если бы не Гитлер, мы бы тоже на охоту сходили... — закончив набивать трубку, Сталин с мечтательным выражением на лице несколько раз затянулся, окутавшись клубами табачного дыма. Берия терпеливо ждал, ничем не выдавая своего настроения. Он-то знал, что охоту Иосиф Виссарионович любил не слишком сильно, чтобы так из-за этого расстраиваться.

— Да, еще разберись, как получилось, что ни при приеме в кандидаты в члены партии, ни при проверке твоим наркоматом их не раскрыли.

— Уже разбираемся, товарищ Сталин. Хотел доложить, когда получу полные результаты. Предварительно — в первом случае чистая халатность. Анкеты подшили, не проверив записанных в них сведений. Мне доложили, что при внимательном чтении сразу обнаруживались несоответствия и даже фактические ошибки. Оригиналы моим ведомством изъяты, в дела вшиты правильно заполненные копии, практически им соответствующие. Во втором случае вина моего наркомата — при проверке не запрашивался архив НКО.

— Разберись, кто конкретно в партаппарате допустил халатность, передашь фамилии через Поскребышева. Так у нас скоро немецкие шпионы в партию вступать будут, в анкетах указав свои истинные данные. С работниками своего ведомства разберись своей властью.

— Слушаюсь, товарищ Сталин.

— И еще раз тщательно проверь силами своего наркомата, под любым прикрытием, легенду гостей. Нигде не должно быть ни малейшей зацепки, ни малейшего сомнительного

документа. Любой, самый подготовленный проверяющий должен видеть перед собой обычных советских людей. Никаких нестыковок, ты понял, Лаврентий? И никакой утечки. Ни противник, ни «союзники», ни наши люди даже в твоём наркомате не должны сомневаться ни в одной, самой ничтожной справке.

— Делаем, товарищ Сталин. В принципе они и сами неплохо замаскировались, при беглой проверке не обнаружишь. Мои работники сейчас, так сказать, дошлифовывают придуманные ими легенды, придают им полную убедительность.

— Хорошо, товарищ Берия. Именно так — нам нужна полная убедительность для любой проверки сведений об этих людях. Пусть даже сведения, полученные от них, будут не всегда важны, уже один факт наличия параллельных миров, да еще настолько ушедших вперед от нас, — информация чрезвычайной важности. К тому же у меня нет полной уверенности в том, что они именно из параллельного мира, а не прибыли из нашего будущего. Различия, отмеченные ими, могут объясняться просто плохими знаниями или забывчивостью гостей. Необходимо тщательно, используя все возможности, проверить. Проверить, перепроверить и еще раз проверить. Не должно остаться никакого сомнения. Никакого и ни у кого.

— Понял, товарищ Сталин.

— Вот и хорошо. Теперь займемся делами, — и Сталин вызвал Поскребышева. Едва он появился в дверях, Иосиф Виссарионович коротко приказал:

— Приглашайте всех.

Очередное заседание Ставки началось с доклада о ходе наступления. Начальник Генерального штаба генерал Василевский выглядел озабоченным и начал свое выступление с положения на Южном фронте:

— Наступление Девятой и Двадцать шестой армий успеха не имело. Противник парировал удары, подтянув резервы. Обнаружены части Четвертой танковой армии противника... Соединения Первой механизированной армии вовремя подойти не успели... Авиация использовалась неудачно и не смогла задержать резервы противника... Более успешно действовали войска Восемнадцатой армии, умелым маневром прорвавшие оборону противника севернее Ростова и ворвавшиеся на его окраины. По сведениям авиаразведки, противник поспешно эвакуируется из Ростова-на-Дону.

Поднявшийся со своего места Сталин прошелся вдоль стола, все больше окутываясь табачным дымом, потом внезапно остановился и спросил:

— А что делает представитель Ставки товарищ Жуков? Или он отстранился от помощи местным товарищам?

— Товарищ Сталин, Жуков докладывает, что генерал Кирпонос не справляется с управлением фронтом...

— Он что, туда просто наблюдает направлен? Ми направили его, чтобы он помогал товарищу Кирпоносу, а он вместо помощи шлет нам донесения? — Иосиф Виссарионович зло осмотрел присутствующих, потом резко затянулся и выдохнул клуб дыма, на время скрывший его лицо. В наступившей в кабинете полной тишине слышны были только его легкие шаги:

— Ест мнение, что товарищ Кирпонос не справляется со столь сложным видом боевых действий, как наступление. Ест мнение, что его надо заменить на товарища Жюкова. У кого будут возражения?

Молчание в кабинете стало почти физически ощутимым.

— Возражений нэт? Продолжайтэ, товарищ Василевский.

— На направлении главного удара Юго-Западного фронта частями Второй механизированной и Десятой армий разбиты первая и седьмая румынские пехотные дивизии, нанесены большие потери сто восемнадцатой немецкой пехотной дивизии. Введенные в прорыв части Второй механизированной армии продвинулись на пятьдесят километров и вступили в соприкосновение с частями сорок восьмого танкового корпуса противника...

20 ноября 1942 г. Штаб 1-й гвардейской тяжелой танковой бригады. Сергей Иванов

Нет, ну и как теперь воевать, а? Никуда не лезь, сиди в штабе, на рекогносцировку лишний раз не выезжай, ближе полукилометра к фронту не приближайся... Вашу мать, я офицер или институтка?! Должен же я свою бригаду в бой водить, у...! Не-ет, точно пожалеюсь самому товарищу Берии... или Сталину... ну, в общем, кому-нибудь повыше. Это же издевательство выходит, бл... а не фронт. Сидит, понимаешь, этот Петя Кактусов и никуда не выпускает, даже на «Рыжем».

А тут, черт бы его побрал, кризис очередной. Немцы опомнились и против нас свой танковый корпус бросили. Усиленный, у...ть. Две немецкие и румынская танковые дивизии, моторизованная дивизия, да еще и моторизованный полк эсэс, как разведка сообщает. Конечно, сообщения разведчиков на два обычно делить надо. Ну, на полтора в крайнем случае. Но судя по всему, сейчас они не сильно ошиблись. Андрей ко мне чернее ночи приехал. Его передовой отряд сильно потрепали, да и одну из танковых бригад тоже. К тому же по донесениям выходит, что немцы опять тяжелые танки в бой пустили. Говорят, и четвертому мехкорпусу досталось.

Ну, посмотрим. Сейчас мои на позиции выходят, отступающих пропустят и тогда посмотрим, чье дуло ширше. Ничего, танковые засады мы отработали на отлично, местность здесь знакомая по прошлой жизни, разве что деревень поменьше. Поглядим, что там за звери с двух километров наших в лоб бьют. Т-34 может и бьют, а вот с КВ-5 обломятся. У нас «сотка» не хуже, чем их «восемь-восемь», если не лучше.

Тэк-с, вот и первые донесения. Ну, тевтоны, рога на касках мы вам слегка обломили, ага. Олегович со товарищи ловко их прямо под пушки наших засад вывел. Они, конечно, заподозрили что-то, но все равно попались неплохо. Судя по донесениям, полк как минимум мы потрепали. И вообще, даже контратаковать бы могли, если б не подошедшие немцам подкрепления. Ага, вот и тяжелые танки отметились. Необычное что-то. Если судить по донесениям, монстры натуральные. Так, скорость на глаз километров десять... пятнадцать, лобовая броня нашими сотками на километре не пробивается! Ну и ну. Сколько же там, интересно? «Отмечено три попадания без ущерба для противника». Очень интересно. Зато «зверобой» с ними справляются, судя по всему. Один подбили и один загорелся, тэк-с. На сближение не пошли, вышли из боя задним ходом, еще чудесней. А пушка получается вроде нашей стодвадцатидвухмиллиметровой, ничего себе. Тогда, судя по всему, весить-то они должны... насколько помню, обычный «Тигр» где-то под шестьдесят тонн, «королевский» под шестьдесят с лишком, кажется, шестьдесят восемь. Тогда эти «динозавры» под семьдесят пять должны быть, судя по всему. Хе, так у них проходимость не очень, и, скорее всего, запас хода маловат.

Итак, суммируем, что известно. Ну, вот и авиаторы подросли. Хорошо, что здесь в задачи авиации коррективы хорошие внесли и разведка одной из важнейших задач считается. Тэк-с, значит, эти «монстры нарочитые» здесь ползают, а здесь и здесь мы изрядно фрицам морду почистили. Что ни говори, а пятьдесят семь мымы против танков, да еще в самоходном варианте — «смерть врагу». Правда, в буксируемом варианте часто еще «песец расчету» добавляют, но у нас в основном именно самоходки. А в засаде они даже лучше танков, не зря немцы всю вторую половину войны самоходки в основном и выпускали.

Так, значит, отсюда первый батальон, сюда мотострелки с танками ударят. Тут вот как раз остатки Андреевой танковой бригады сосредоточились. Отлично, поддержат нас.

— Как считаешь, Егорыч, пора?

— Пора, товарищ полковник. Пока они ошеломлены.

— Тогда, радист, давай «Тишь» циркулярно!

Вот и сигнал на контратаку прошел. Хорошо, новые рации с расширенным диапазоном идут, да и кварцы у них получше прежних, частоту стабильно держат. Слышал мельком, вроде Лосев какой-то разработал новую технологию. Знакомая фамилия, но где читал, не

помню. Однако спасибо за отличную работу сказать бы не мешало. Теперь немцам наши переговоры сложнее подавить. Впрочем, учатся они быстро...

Посмотрим, посмотрим. Понятно.

— Егорыч, седьмого сюда направь. Тут явно кризис намечается. А по этой точке пусть наши соколы вдарят. Вызови семнадцатого и передай, чтобы срочно.

Во, наши сталинские соколы тоже не лаптем щи хлебают, оказывается. Дежурство в воздухе наладили. Сразу проштурмовали фрицев.

— Что сообщают? Порвали как собака подушку, только пух и перья летят? Передайте клером, «Молодцы! Вашим ударом уничтожен усиленный танковый батальон».

— А зачем в открытую? Немцы же перехватят.

— Ну, товарищ майор, пусть перехватывают — лишь бы боялись.

К вечеру все части армии продвигаются вперед. Только моя бригада застряла. «Держим за гачи» окруженную группировку противника. Да, одного из «монстров» немцы бросили. Подорвали, правда, и все что успели, демонтировали, но все равно интересно посмотреть будет.

— Собираемся, сейчас поедem.

Да, вот это дура-а-а! Видимо, лавры КВ-2 покоя немцам не дают. Какая-то помесь «Тигра», «пантеры» и «мауса», бл... Ствол точно миллиметров сто двадцать восемь, длиной под сорок с лишним калибров, похоже, башня как у «пантеры», но намного больше. Подвеску посмотрел и про себя рассмеялся — вспомнил анекдот про подравшихся в «бирштубе» танкистов с летчиками, ага. Кникамп родимый. Вот ремонтникам работы! Особенно если учесть, что этот «Тигр» побольше нашего будет. Кстати, а ведь тогда и меньше их построят, это в принципе неплохо.

Но зверь страшноватый получился, да. Тридцатьчетверкам с такими трудно будет сражаться. Хотя, что там «тридцатьчетвертые», и моим «Ворошиловым» не легче будет. Это хорошо, что мы их сейчас контратаковать заставили и на этом поймали. А если они нас из засады долбать начнут?

— Что там, лейтенант? «Воздух»? Всем укрыться!

Да, самая страшная бомбежка — та, что еще не кончилась. Похоже, немцы решили останки танка разбомбить, чтобы нам ничего серьезного не досталось. Но мажут, черти, мажут. Ох, бл... больно как! Кажется, осколок, по касательной...

«Когда Гитлер узнал о провале контратаки танкового корпуса, ярость его не имела границ. Повернувшись к фельдмаршалу Кейтелю, который ведал вопросами, связанными с поддержанием дисциплины в вооруженных силах, он закричал: — Сейчас же пошлите за командиром корпуса, сорвите с него погоны и бросьте в тюрьму! Это он во всем виноват!»

Командира корпуса, опытного танкового генерала Гейма, суд под председательством Геринга приговорил к тюремному заключению. После провала заговора против Гитлера он был расстрелян в тюрьме вместе с заговорщиками».

К. Цейтлер. «Вторая мировая война. Воспоминания». Берн, 1958 г.

22 ноября 1942 г. Москва

— Харашо, товарищи, все свободны. Товарищ Берия, задержитэс, пожалуйста.

Мягко ступая по ковру, Сталин прошел вдоль стола и сел на одно из боковых сидений. Трубка погасла, но он и не пытался ее разжечь снова, лишь прошептал что-то неодобрительное себе под нос.

— Садись, Лаврентий. Что скажешь? — вождь перешел на грузинский.

— Товарищ Сталин, извините, не понял вопроса, — тоже перейдя на грузинский,

ответил, садясь напротив, Берия.

— Не понял он. Что с этим, как его....? — вождь сделал вид, что вспоминает фамилию.

— С Ивановым, товарищ Сталин? — волнения и легкого испуга в голосе наркома не заметил бы никто. Никто, кроме Сталина. Лучшая лесть — та, которую не видно.

— С ним, да.

— Нормально с ним, товарищ Сталин. Контужен, но, по сведениям докторов, завтра-послезавтра будет в норме. Перевезен в Москву.

— В Москву. Понятно. А что там за кошка?

— Это..., — вот тут нарком действительно слегка смешался. — Это у него вроде как талисман, товарищ Сталин. Он попросил взять ее с собой. Вот мои подчиненные и взяли.

— Талисман, говоришь. Это наши гости такие суеверные, что ли?

— Кажется, да, товарищ Сталин. Но просил он, будучи в полубессознательном состоянии...

— Ладно, я понял. Говоришь, медики обещают послезавтра его выписать?

— Не выпишут, товарищ Сталин. Но на встречу с вами приехать он сможет.

— Хорошо, если так, на послезавтра запланируйте встречу. Вечером, в двадцать ноль-ноль. И все же — как он попал в такую ситуацию? Почему наши истребители немцев не перехватили?

— Товарищ Сталин, мы провели расследование. Немцы связали боем и ложными атаками наше истребительное прикрытие на этом участке фронта и, пользуясь сумерками, а также отсутствием полноценной системы постов ВНОС, пролетели к точке, в которой оставили поврежденный новейший сверхтяжелый танк «Тигр», с целью его уничтожения. Так совпало, что товарищ Иванов как раз в это время приехал для осмотра танка.

— Совпало, да. Что-то много совпадений во всей этой истории. То вдруг твой сотрудник с гостями сталкивается, то товарищ «Белый» документы получает, что они компромат на него готовят, но его диверсанты как последние идиоты гибнут, то их бригада вовремя подкрепление получает. Проверить надо, да? Твои эксперты что говорят?

— Пока ничего, товарищ Сталин. Изучают.

— Изучают, изучают. Им дай волю, они всю жизнь только будут изучать и изучать. Поторопи. А с товарищем Ивановым...

Сталин встал, прошел вдоль стола к своему стулу, взял лежащую там пачку «Герцеговины Флор», не торопясь вернулся и сел на прежнее место. Достав несколько папирос, он их аккуратно разломил, набил трубку, раскурил. Все это время Берия сидел с невозмутимым видом восточного божка.

— С товарищем Ивановым... — вождь выпустил из трубки клуб дыма. — Он ведь у нас инженер... Поэтому решим так. Из госпиталя его увезите в санаторий. Ваш, в Кратово. Там и лечите, и расспрашивайте. Если инженер, должен многое нам по технике рассказать, да. Расспросите по технике, остальные вопросы не забывайте. Но техника, ее развитие, если помнит, то технологии — это важно. Особенно по проекту «Энормоз». Послезавтра я с ним побеседую. На даче.

Вождь опять встал, жестом усадив на место пытавшегося встать Берия. Опять сходил к своему месту, сел и начал выбивать и чистить трубку.

— Теперь с товарищем «Белым». Его слишком много народу поддерживает. Кто по идейным мотивам, кто по глупости, кто из карьерных соображений. Партийные работники, да. Большевики. Как будто товарищ Сталин не большевик. Несмотря на военное время, можно спровоцировать сильнейшее недовольство. В твоём ведомстве тоже встречаются такие. Поэтому будешь использовать только проверенных людей. Варианты решения разработал?

— Разработал, товарищ Сталин. Из-за указанных вами трудностей открытый путь решения проблемы невозможен. Поэтому решено применить вариант героической гибели от рук противника. После же гибели всплывет факт наличия в ближнем окружении шпиона, который используем как предлог для тщательной проверки окружения и знакомств товарища

Хру... — заметив недовольную гримасу на лице вождя, Берия осекся: — ...товарища «Белого».

— Хорошо, Лаврентий. Но неосторожно. С «норой» все проверили?

— Проверили, товарищ Сталин. Все, как рассказал товарищ Мельниченко. Сейчас аппаратуру изучаем, саму «нору». Пока неясно, чья инициатива. Но найдем, товарищ Сталин.

— Найдете? Хорошо, если так. Только надо не просто найти. Надо объяснить, нетоварищам, которые это сделали, что записывать разговоры товарища Сталина нехорошо. Так объяснить, чтобы никто больше этого даже мысленно не хотел. И еще. При проверке связей по делу товарища «Белого» не перегибайте. Второго тридцать седьмого, особенно сейчас, нам не надо. Я помню, — Сталин снова начал набивать трубку, — что органы ты от ежовских выкорышек почистил. Но соблазн большой, понимаешь? Так что все тщательно проверяй. Соблазн сделать карьеру на ложном деле очень большой, да.

— Понимаю, товарищ Сталин, и приложу все усилия.

— Хорошо, Лаврентий. Дела, которые товарищ... «Белый» открыл, постарайся перепроверить и посмотреть. Но это уже не срочно. Давно было, сейчас поздновато исправлять. Еще что по показаниям товарища Мельниченко?

— Проверили сведения о Генерале. У НАС он практически там же воюет. Армия никак не может немцев сдвинуть на несколько километров. Возможно, подозрения товарища Мельниченко и верны. Но полной уверенности у моих работников нет.

— Нет полной уверенности, говоришь? Тогда не будем пока ничего расследовать. Переведем товарища Генерала на Камчатку. Пусть поближе с союзниками отношения налаживает. А твои люди должны у него понемногу иллюзию создавать, что мы уверены — после войны американцы будут основной силой, и мы будем вынуждены с ними, как со старшими партнерами договариваться. Пусть постараются и тщательно его реакции отслеживают. Боюсь, корешок это. Причем корешок не только не выкорчеванный, но и настолько скрытый, что без дополнительных сведений мы его просто пропустили бы. Еще что?

— С «Огородником» что делать будем, товарищ Сталин?

— Пока ничего. Я запрещаю его трогать. Временно, Лаврентий, временно. Пусть воюет.

«Из сообщения Совинформбюро: Оперативная сводка за 23 ноября 1942 г.

В последний час.

НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

В течение 23 ноября наши войска, продолжая наступление, в северо-западном направлении, прошли до 30 километров и заняли гор. Миллерово, гор. Ворошиловград и местечко Кантемировка. В результате наступления войсками Красной Армии западнее Ростова-на-Дону в боях за 20–23 ноября разгромлены немецкие 49-й горнострелковый корпус, дивизия СС „Викинг“ и 16-я танковая дивизия.

К исходу 23 ноября количество пленных увеличилось на 11 тысяч, и теперь количество пленных составляет 24 тысячи.

Всего захвачено трофеев к исходу 23 ноября: орудий — 557, автомашин — 2826, железнодорожных вагонов — 1200, пулеметов — 2625, самолетов исправных — 32, танков исправных — 35 и большое количество ручного оружия и боеприпасов, пока еще неучтенных.

Уничтожено: самолетов — 70, танков — 157, орудий — 186.

За 23 ноября противник оставил на поле боя до 12 тысяч трупов солдат и офицеров».

24 ноября 1942 г. Кунцево. «Ближняя дача». Сергей Иванов

Ни фига себе, съездил на охоту! Поохотился, бл... называется. Прямо на дачу товарища Сталина попал. Ну, дача не слишком и роскошная. Во времена СССР у простых секретарей райкомов и то круче бывали. Так, двухэтажное здание, внутри стены деревом или фанерой отделаны «под соломку», мебель простая. А вот и сам товарищ Сталин. Хм, не ожидал, не ожидал. Сидит, понимаешь, трубку чистит, меня словно бы и не замечает. Психолог, у...ть. Я даже расслабился слегка. Но тут он голову поднял. Ого, меня словно током ударило! Такой взгляд! Я невольно вытянулся по стойке смирно и докладываю:

— Товарищ Верховный Главнокомандующий! Гвардии инженер-полковник Иванов по вашему приказанию прибыл!

А он привстал, улыбнулся и иронично так говорит:

— Оглушили, товарищ полковник, оглушили. Здравствутэ и давайте бэз чинопочитания, мы с вами нэ на службе сэйчас. Прохадьте, товарищ Иванов, садитес.

Невольно прохожу вперед строевым шагом, сажусь за стол. Хм, похоже, обеденный. Если память мне не изменяет, эта комната — малая столовая. Сталин смотрит на меня с ироничной улыбкой, но молчит. Первые же его слова вообще вгоняют меня в ступор:

— Товарищ Иванов, ви к писатэлю Бушкову как относитэс?

Остолбенело смотрю на неторопливо набивающего трубку Сталина и мучительно пытаюсь разгадать скрытую подоплеку вопроса. Бушков? При чем он здесь и сейчас? Наконец выдавливаю из себя:

— Фантаст, товарищ Сталин. Хороший писатель.

— Фантаст, говорытэ? А исторические книги тожэ писал?

— Скорее, художественно-исторические, товарищ Сталин.

— Понятно. Скажытэ, товарищ Иванов, а БОМБА, — Сталин явно выделяет слово, почти декламирует его, — по вашему мнению, нам нужна?

Да, понять логику размышлений вождя мне не суждено. Такой переход, ага. Стоп, подумаем. Черт, кажется, Андрей свои любимые книги пересказал, про Ледяной трон Сталина. Вот ведь идиотство, не помню, что там написано было. Читал давно и без интереса. Но, похоже, что-то Иосифа Виссарионовича зацепило, ага. Но бомба тут при чем? Мысли скачут и сталкиваются в моей голове, как стадо испуганных баранов во время нападения волчьей стаи. Тэк-с, успокаиваемся, ну! Больше пули не дадут, дальше фронта не пошлют.

— Бомба, товарищ Сталин, без средств доставки ничего не стоит. Поэтому, если есть возможность, необходимо решать проблему комплексно, создавая носители межконтинентального радиуса действия.

— Значит, вы считаете, что дружба с Северо-Американскими Соединенными Штатами после войны невозможна? Даже с учетом наших знаний и возможности «воздействия» на отдельных лиц в руководстве?

— Считаю, товарищ Сталин, невозможна. Они все равно будут рассматривать нас как противника. Мы, наша страна — единственный геополитический соперник, мешающий их планам управлять всем миром. И никуда от этого не деться, товарищ Сталин.

— Геополитика... Вы в нее верите, товарищ Иванов?

Интересно, беседа уже настолько меня увлекла, что я не замечаю акцента в словах Сталина, не обращаю внимания на его манипуляции с трубкой и на его реакцию на мои слова.

— Я помню, что ее считают лженаукой, товарищ Сталин. Но ведь в ее основе — объективная реальность: земная поверхность и распределение на ней ресурсов. А постулаты и выводы — это уже от взглядов ученых зависит.

— Интересно. Мы подумаем над вашими словами. Скажите, товарищ Иванов, вы как отнеслись к контрреволюционному перевороту и распаду СССР?

— Честно говоря, товарищ Сталин, все прошло так стремительно, что я даже не успел

своей точки зрения выработать. Потом уже, когда ясно стало, к чему все это привело, понял, конечно. Но было уже поздно, да и простое выживание больше заботило. Но вообще, скажу, что считаю это событие самым большим горем в своей жизни. Одно утешает — не пришлось присяге изменять и приносить новую «незалежной Украине», я уже уволился к тому времени.

— Скажите, по вашему мнению, большинство народа одобрило переворот или просто пассивно его приняло?

— Не знаю, товарищ Сталин. Мне кажется, что большинство не восприняло его всерьез, считая просто очередным переделом власти между начальниками. Да и предыдущая политика руководства СССР, засилье партократии, застой в жизни, усиленное прививание иждивенческих настроений постепенно привели к падению интереса народа к политической жизни. Многие действительно пассивно ждали, что будет дальше. Теперь очень многие сожалеют...

— Осознали, к чему все это привело?

— Может, и не осознали, товарищ Сталин, но, что так жить нельзя, уже доходит. Капитализм от иллюзий избавляет качественно. Хотя, конечно, национализм многим глаза застилает. Особенно в западных областях Украины.

— Да, я читал... Хорошо, товарищ Иванов. Я вас понимаю, вы все же больше инженер, чем политик. Вот скажите, вы упомянули, что ставка на повторение Второй мировой себя не оправдала. То есть вы считаете, что наращивание обычных вооруженных сил в пятидесятые годы было ошибкой?

— Не думаю, товарищ Сталин. Мы вынуждены были создать противовес их бомбе. Именно наша возможность быстро захватить Западную Европу компенсировала наличие у них стратегической авиации и бомб. Но в долгосрочной перспективе — да, это привело к перекосу в развитии нашей экономики, ее чрезмерной милитаризации.

— То есть вы считаете, что товарищ Хрущев был прав?

— Частично прав, товарищ Сталин. Сокращение вооруженных сил было необходимостью. И еще... Я считаю, что проект создания бомбы, стратегического бомбардировщика и ракет необходимо начинать разворачивать уже сейчас.

— Вы подумали, сколько все это будет стоить? И сколько ресурсов придется отвлечь от неотложной работы на войну?

— Честно говоря, товарищ Сталин, не думал. Но опоздание сейчас приведет к еще большим расходам потом, когда мы будем догонять.

— Понимаю, да. Нам придется одновременно восстанавливать разрушенное, содержать войска для создания угрозы Западной Европе и разворачивать эти проекты. Вы правы, товарищ Иванов. К сожалению, не все товарищи в руководстве это понимают. Но нам придется им это объяснить. А по ракетам вы можете дать более подробные сведения?

— Постараюсь, товарищ Сталин. Что вспомню.

— Это хорошо. Вы не устали? Предлагаю прогуляться немного, пообедать, а потом продолжить разговор.

Погуляли, блин. Не зря, как говорится, свежим воздухом подышали. Иосиф Виссарионович из меня всю подноготную своих детей вынул, а потом по Хрущу и остальным «товарищам по партии» расспросил. До последней капли выдоил. Умеет же расспрашивать, черт побери. И чего это он Хрущева сам не расколол? Может, в драку с партийной номенклатурой лезть не хотел или не мог?

В общем, погуляли мы, пообедали, товарищ Сталин еще немного меня по военному делу и истории порасспрашивал. Как мне показалось, ему еще история с русификацией названий и тем, что «Россия — родина слонов», понравилась.

Ну, а потом отправили меня назад, в Кратово. На «паккарде», ага. Симпатичная машина. Мне вообще дизайн тогдашних машин больше нравится. Современные какие-то слишком функциональные.

Хе, стресс я, выходит, все-таки заработал от встречи, раз о таких пустяках думать

начал. Ладно, лишь бы на пользу все мои рассказы пошли.

«Наступление в излучине Дона началось 19 ноября 1942 года. [...] Юго-Западный и Южный фронты сомкнули кольцо окружения немецко-фашистских войск в районе г. Ворошиловграда. Успешное осуществление операции по окружению в районе крупной, наиболее активной немецко-фашистской группировки резко изменило обстановку на всем южном крыле советско-германского фронта в пользу Красной Армии. Из пяти немецких армий, действовавших на этом направлении, три, в том числе две лучшие — 6-я и 4-я танковая, были для врага потеряны. Советские войска захватили инициативу в свои руки. Перед ними стояла задача — быстрее ликвидировать окруженного в придонских степях врага и одновременно развить наступление в направлении на Харьков и Херсон».

«История Великой Отечественной войны Советского Союза», т. 3, М., 1965 г.

27 ноября 1942 г. Харьков. Управление абвера на Юге Украины

— Итак, Георг, вы не можете сказать, что случилось с вашим источником?

— Так точно, господин полковник. Он неожиданно замолчал накануне наступления большевиков. Посланный курьер просто исчез, и ни один источник не смог найти данные о нем. Вчера большевики сообщили о гибели его шефа со свитой во время бомбардировки нашими доблестными люфтваффе передовых частей наступающих войск противника, — майор Данкль, вызванный своим начальством, старался выглядеть удрученным, скрывая быющую через край радость. Ему повезло, большая часть штаба группы армий «А» осталась в кольце русских войск. Если бы не вызов в управление по поводу провала операции, он тоже мог быть там, в заснеженной степи, среди разрушенных поселков, под градом русских бомб и снарядов.

— Наши аналитики проверили последние донесения «Вайса» и считают, что он работал под контролем русских. Они передавали через него очень качественную дезинформацию.

— Не думаю, Фриц, что он стал бы работать под контролем. Вы уже ознакомились с его досье? Он фанатично ненавидел как большевиков, так и англичан с французами. Первых за «разрушение Российской империи», а вторых «за предательство русских патриотов». Именно поэтому он с нами и работал.

— И все же все переданное им накануне наступления — дезинформация. Причем очень грамотная и хорошо маскирующая истинные цели русских, — полковник Кребс смотрел на своего собеседника обличающим взглядом.

— Да, я тоже начал понимать это после начала наступления русских. Кажется, они раскрыли «Вайса» и сумели дезинформировать его. И связано это, скорее всего, с действиями его шефа. Особенно с неудачей нападения на командира тяжелой танковой бригады.

— Так. Будем исходить из этой гипотезы, — полковник слегка смягчил строгость тона и взгляда. — Иначе получается, что ваш агент был «подсадной уткой».

— Не может быть, Фриц. Он слишком давно на нас работал и ни разу не давал стопроцентно ложной информации. Были, конечно, ошибки, но в целом...

— Вот именно, — полковник окончательно успокоился и жестом предложил Данклю закурить: — Поэтому операция «Рот-Вайс» считается закрытой с пометкой «Ввиду гибели агента». Вас же ждет Берлин, ваш бывший шеф хочет видеть вас в своем отделе.

— Спасибо за новости, Фриц, — несмотря на всю подготовку, Данкль не смог полностью скрыть своей радости. Да, Берлин, управление диверсий — это не дикая Россия.

— Не за что, Георг. Благодаря фон Лахузену вы вернетесь в культурную Германию, а нам придется прозябать в этой варварской стране.

— Но зато вы находитесь на передовом крае борьбы с большевиками и можете рассчитывать на более быстрое продвижение и награды, — произнес Данкль вроде бы абсолютно искренне.

— Да, можем. А можем закончить, как генерал Гейм. Вы же знаете его историю, Георг?

— Гейм? Конечно, слышал, Фриц. Но это же не показатель. Ему просто дважды не повезло. Если бы не смерть фон Рейхенау, — оба абверовца замолчали, вновь вспоминая цепь событий, связанных со смертью командующего шестой армией.

Опытный генштабист, Гейм был не просто начальником штаба шестой армии, прозванной «покорительницей столиц». Он фактически руководил армией, командующим которой был Вальтер фон Рейхенау. Многие, еще сохранившие остатки прежних понятий о чести, офицеры кривились, слыша об этом командующем, ревностном исполнителе «приказа о комиссарах», чьей любимой забавой был расстрел пленных во время попок на лоне природы. Но ничего не проходит даром, так и генерала с палаческими наклонностями разбил «паралич с поражением центральной нервной системы». При доставке Рейхенау в госпиталь самолет, на котором его везли, потерпел аварию, и бывший командующий шестой армией погиб.

До утверждения в должности фон Паулюса Гейм исполнял обязанности командующего и должен был после приезда Паулюса убыть в Берлин. Начальником штаба вместо Гейма назначили генерала Шмидта, известного не своими военными талантами, а фанатичной преданностью нацизму.

Оба абверовца практически синхронно улыбнулись, понимая друг друга и вспомнив, что сказал по этому поводу Паулюс:

— Очевидно, чтобы я не свихнулся, ко мне решили приставить идейную гувернантку... Неужели и полковник Баграмян тоже водит маршала Тимошенко на политических помочах? Мне, как и Блюхеру, необходим только Гнейзенау.⁶

Паулюс и уговорил Гейма принять командование над усиленным сорок восьмым танковым корпусом, упирая на его умение вести дела с румынскими союзниками.

— Помнится, Гейм не раз предупреждал о возможности русского контрудара и неблагоприятном для нас начертании фронта, — заметил Данкль. В ответ его собеседник лишь молча вздохнул.

1 декабря 1942 г. Украина

На заснеженной опушке леса появились несколько лыжников, одетых в белые маскхалаты. Не опасаясь никаких неприятностей, видимо, внимательно все до этого проверив, они устремились к небольшому сугробу характерной формы, в некоторых местах которого из-под снега блеснули явно металлические детали. Обежав сугроб и внимательно изучив его состояние, лыжники разделились на несколько групп, две из которых заняли оборону на противоположных концах поляны, прикрыв этот участок с двух направлений. На постах развернули два АТС, что для постороннего наблюдателя стало бы явным доказательством принадлежности группы к Осназу НКВД. Оставшиеся у сугроба, помахав руками кому-то в лесу, начали осторожно откапывать и обметать заваленный снегом предмет. По мере исчезновения снега становилось ясно, что под ним скрывается нечто необычное. Автомобиль, по виду похожий на увеличенный «козлик» ГАЗ-64, хотя и сильно обгоревший, простоявший под открытым небом явно не один месяц, все равно выглядел внушительно. Один из работавших отошел в сторону и вытащил из рюкзака портативную

⁶ Подлинные слова Паулюса.

немецкую «лейку».⁷ Сделав пару снимков работающих и самого артефакта, он попросил всех отойти и сфотографировал полуоткопанную машину с нескольких направлений. Работа продолжалась долго, снег внизу слежался, к тому же кое-где попадались ледяные наросты, образовавшиеся при перепадах температур, прикрытые снежным покровом. Их старались счищать осторожно, чтобы не повредить и так ослабленные огнем детали.

Полностью откопанную машину, стоящую среди снега, сфотографировали еще раз. Один из откапывающих подал сигнал, и из леса появились несколько саней. Остальные в это время приступили к разборке машины, вытаскивая из нее все — сгоревшее и несгоревшее, открыв и крышку багажника, и капот. Как ни странно, в багажнике сохранилось довольно много вещей, вызвавших хотя и не слишком афишируемый, но подлинный интерес у лыжников. Все собранное грузилось на сани, которые сразу после заполнения отъезжали под прикрытие деревьев. Наконец, собравшись вместе и вызвав подмогу от постов, они аккуратно вытащили мотор и погрузили на последние сани. Туда же добавили и несколько срезанных в разных местах корпуса деталей. Осмотрев еще раз место, старший подал сигнал к эвакуации.

На поляне остался сиротливо стоять голый ободранный скелет — корпус, уже мало напоминающий даже те обгоревшие и полуразвалившиеся остатки, которые до того скрывал снег. А уж идентифицировать по оставшемуся, что за машина тут была, смог бы, наверное, только Господь Бог. Даже при внимательном осмотре можно было понять только одно — это был легковой автомобиль.

Тиха украинская ночь! Тиха, да не очень. Если вслушаться, то среди звуков зимнего ночного леса можно различить посторонний, явно механический шум. Моторы заходящего на посадку Ли-2 шумели знакомо для встречающих. Да, в отличие от завывающих «убью, убью» звуков, издаваемых двигателями немецких самолетов, наши работали более мягко. Ориентируясь на свет костров и керосиновых фонарей, двухмоторный изящный авиалайнер, в девичестве американский «Дуглас» ДС-3, получивший свое советское наименование по фамилии главного инженера завода, выпускающего эти самолеты по лицензии, Лисунова, вышел на посадочную глиссаду. Опытные летчики, не раз летавшие за линию фронта, стремились как можно быстрее зайти на посадку, опасаясь появления немецких ночников, охотившихся за нашими самолетами.

— Ну вот и мы, — расстегивая шлем, просто сказал Степан Семенович Запыленов, командир экипажа.

— Ну и отлично, как часы, — с шутилой интонацией ответил ему командир партизанского отряда, бывший сержант РККА Ивакин. — Быстрее разгружаемся и помогаем грузиться гостям! — скомандовал он окружившим вестника с Большой Земли партизанам.

Построившись цепочкой, партизаны торопливо передавали друг другу зеленые деревянные ящики, осторожно укладывая их в стоящие неподалеку сани или сразу унося в выкопанный неподалеку схрон. Едва они успели разгрузить привезенное, как началась погрузка. Опять те же ящики, какие-то замотанные в ветошь или мешки предметы и последнее — нечто громоздкое, габаритное, с торчащими в самых неожиданных местах выступами, аккуратно закутанное в мягкий авиационный брезент. Его грузили осторожно и дольше всего. После загрузки на борт самолета поднялись еще трое сопровождающих. Взревели моторы, самолет, развернувшись, пробежался по укатанному снегу и, медленно набирая высоту, исчез в темном ночном небе. Сейчас же десятки людей принялись маскировать полосу, устанавливая в заранее намеченных местах сухие ветки кустарников и даже целые деревья так, чтобы с воздуха поляна выглядела простым редколесьем.

Тем временем самолет, набирая высоту, устремился на восток, к неблизкой линии фронта. Полет протекал без неожиданностей, но к фронту самолет подлетел практически на

⁷ Фотокамера производства фирмы «Лейка», первый серийный переносной пленочный фотоаппарат современных габаритов.

рассвете. Казалось бы, экипаж должен был волноваться, плохо вооруженный (один УБТ, несмотря на крупный калибр, — не защита) и не слишком скоростной транспортник при дневном освещении не имел никаких шансов уцелеть, встретившись с «мессерами». Но этому рейсу уделялось слишком большое внимание наверху, и неподалеку от линии фронта борт встретили два звена истребителей. Одновременно советские ВВС на этом участке неожиданно нанесли удар по аэродромам, позициям полевой и зенитной артиллерии. Так что люфтваффе было не до одиночного самолета, пусть и охраняемого целой эскадрильей истребителей.

Очередной вылет к партизанам экипажа сто десятого авиационного полка завершился успешно.

5 декабря 1942 года. Юго-Западный фронт

Рассматривая в бинокль заснеженную равнину, на которой поспешно окапывались бойцы одной из его мотострелковых бригад, Андрей внезапно ощутил, что все это он уже видел. Заснеженная всхолмленная равнина с несколькими рощицами голых по зимнему времени деревьев, несколькими оврагами и время от времени поднимаемой на ней ветром поземкой. «Де-жавю, — подумал он и вдруг вспомнил: — „Горячий снег“. Книга, а позднее фильм». Да, а теперь он почти как командующий армией из той книги готовит оборону против того же Манштейна. Андрей опустил бинокль и повернулся к стоящим у стола с картой и что-то тихо обсуждавшим начальнику штаба и комбригу.

— Кажется, успеваем, товарищи командиры, — сказал Андрей и, машинально погладив по голове сидящего рядом Ленга, подошел к столу.

— Мы — да, товарищ генерал, а вот танкисты задерживаются, — озабоченно сказал Калошин, одновременно прикидывая что-то на карте. Комбриг лишь молча кивнул и озабоченно повернулся в сторону входа. Только что вошедший сержант поспешно отковырял и, глядя на Мельниченко, спросил:

— Товарищ генерал-майор, разрешите обратиться к товарищу подполковнику.

— Обращайтесь, — Андрей машинально ответил, продолжая рассматривать карту. Да, к позициям его корпуса рвалась сила. Нет, даже так — СИЛА. Все танковые части, которые сумели вырваться из котла, спешно собранные генерал-фельдмаршалом Манштейном в танковую армию, перли сейчас броней и железом на позиции его мотострелковых бригад. А танкисты запаздывали — слишком плохие дороги, да и с газойлем перебои.

Бл..., тут поневоле вспомнишь приказ «Стоять насмерть». Что еще сделаешь? Ничего. Погода нелетная, да и будь она летной, немцы тоже не дураки. Прикрыли бы наступающих истребительным зонтиком и зенитками. Зенитных самоходок из старых моделей танков они уже сейчас наклепали много, больше, чем в нашей реальности. Так что остается только стойкость. Ну и сюрприз в виде самоходно-противотанкового резерва и подтягивающихся танковых бригад. До их прихода надо задержать фрицев на берегах этого ручейка. Вот и долбят замерзшую землю, поглядывая на запад, откуда доносился ослабленный расстоянием грохот боя, солдаты двух бригад, а впереди вместе с отходящими стрелками, героически гибнет мотоциклетный батальон, вместо разведывательных налетов и быстрого отхода цепляющийся сейчас за каждый сантиметр степного пространства. Мотоциклетный батальон, рота танкосамоходного батальона и остатки стрелковой дивизии против танковой и моторизованной дивизий. Как говорится, почувствуйте разницу. «Бл..., ведь предлагал же сразу выдвинуть его корпус на это направление! Рано, разведка не обнаруживает никаких признаков подготовки наступления, противник ошеломлен нашим ударом и отходит, сейчас важнее внутренний фронт обороны, чтобы враг не вырвался. Стратеги, иху мать!» — злость искала выход, но на кого злиться? На командование бесполезно, на немцев бессмысленно. На войне, как на войне. Но если подумать, то героизм на войне, это в принципе исправление чьих-то ошибок Иногда сиюминутных, как в данном случае, иногда заложенных несколько

веков назад, как в сорок первом. Андрей отвлекся на внезапно заволновавшегося Ленга и не сразу понял, что изменилось вокруг. И лишь спустя несколько мгновений до него дошло, что исчезло звуковое сопровождение — звуки отдаленного боя, создававшие фон всем действиям, пропали, словно выключенные. «Вот и все», — успел подумать Андрей, когда резко зазуммерил телефон. Связист ответил, затем передал трубку Калошину. Поговорив, полковник подошел к Андрею, опять пытавшемуся разглядеть что-нибудь на заснеженной равнине.

— Товарищ генерал, прибыл армейский истребительно-противотанковый артполк. Я выдвинул три его батареи в противотанковый район номер три, как самый уязвимый, а две оставил во втором эшелоне.

— Правильно. Стой, а вот и наши, похоже, появились.

Но Мельниченко был не прав. Плохо различимые издали мотоциклисты, мчащиеся по укатанной дороге, оказались немецким передовым отрядом. Только когда наше охранение их обстреляло, они, бросив один подбитый мотоцикл, откатились назад, Андрей понял, что ошибся, подспудно ожидая, что кто-нибудь из сражающихся впереди все же успеет уйти. Но в районе, просматриваемом с командного пункта, так никто и не появился. Позднее поступило донесение, что на участке тридцать третьей бригады вышли полторы сотни бойцов и три самоходки, все, что осталось от задержавших фашистов почти на день передовых частей. Но Андрею было уже не до того, всюду шел бой.

Немецкие танки угловатыми коробками вылезли откуда-то из-за холмов и, набирая скорость, поднимая снежную пыль, поползли вперед, огибая овраги. Они не стреляли, но в бинокль было видно, как то один, то другой из них ненадолго замирал, поводя стволом, словно обнюхивая пространство перед собой. Впереди железными монстрами ползло четыре сверхтяжелых танка. «Тигры» вдруг остановились, и залпом выстрелили. Кажется, немецкие разведчики успели-таки засечь и основную линию обороны, столбы разрывов встали в опасной близости от капониров противотанковых орудий. «Тигры» двинулись вперед, но один из них внезапно замер на месте, скорее всего, от какой-то неисправности. Стоящий танк выстрелил, потом еще раз и еще. Его постепенно обтекали танки второй линии.

Мельниченко отвернулся, разыскивая взглядом начальника артиллерии корпуса, но сказать ничего не успел. Правильно уловив момент, тот успел скомандовать, и сидящая у телефона связистка бросила в трубку короткую кодовую фразу. Андрей поморщился, как от зубной боли. Ну, просил же не брать ее с собой. Но если уж Елена Горобец чего-нибудь решила, то добьется наверняка. «Чистая пиратка», — отвлекшись на секунду, подумал про себя Мельниченко. В памяти промелькнули, словно кадры в кино, воспоминания о том, как они познакомились. Тогда, еще не совсем отошедший от встречи с наркомом и их разоблачения, Андрей согласился поехать в гости к прокурору фронта, ранее шапочно знакомому, подполковнику Горелику. Там он и встретил эту настойчивую «комсомолку, спортсменку и просто красавицу», эвакуировавшуюся из Харькова племянницу прокурора. Как-то незаметно для себя он согласился принять ее добровольцем в корпус, тем более что она успела один год поучиться в техникуме связи. Теперь он мог признаться себе, что она ему понравилась с первого взгляда.

Пока Мельниченко отвлекся, ситуация успела мгновенно измениться. Корпусной артиллерии с мотострелками было немного, всего две батареи тяжелых стопятидесятидвухмиллиметровых пушек-гаубиц на механической тяге — недавно полученных от промышленности «Ворошиловцев». И одна из этих батарей как раз открыла огонь по видимому с КП пространству. Среди маневрирующих, упрямо ползущих вперед черных коробочек танков внезапно вставали устремленные вверх фонтаны земли, обманчиво-неопасные издали, вставали, казалось, без всякого результата. Вдруг один из танков встал, выбросив в небо из моторного отсека клуб черного осязаемого плотного дыма. В этот момент начала отвечать немецкая артиллерия, неподалеку от КП вздыбилась земля от разрывов тяжелых снарядов. Похоже, немцы успели развернуть дальнобойные пушки. Наша батарея перенесла огонь на артиллерию противника, а по атакующим отстрелялись

бригадные батареи. Немцы в ответ обстреляли и их. Наши ответили. Над полем боя начала понемногу разрастаться медленная и безжалостная артиллерийская дуэль.

Однако немецкие танки продолжали ползти, теперь уже попав под обстрел противотанковых пушек и пехоты. Казалось, еще немного — и они ворвутся прямо на позиции бешено стреляющих противотанкистов, раздавив пехоту в ее неглубоких окопах, но внезапно под одним из обогнавших более медленные «Тигры» танков взорвалась мина, перебив гусеницу и заставив его крутануться на месте. Тотчас же в танк влетели, рисуя траекторию трассерами, два бронебойных снаряда «сорокапятки». Один из них пробил-таки бортовую броню, и танк вспыхнул ярко-веселым бензиновым пламенем.

Андрей, то наблюдая за обстановкой, то отвлекаясь, чтобы проанализировать обстановку по донесениям вместе с Калошиным, руководил симфонией боя, чувствуя невероятный подъем. Ему все удавалось, он непонятно откуда знал, что в следующий момент предпримет противник, и успевал перебросить резервы к местам возможных прорывов или отдать приказ на обстрел исходной позиции либо на установку дополнительных минных полей подвижным саперным отрядом. Все немецкие атаки пока заканчивались неудачами, но и силы бригад таяли. Наступал тот самый критический момент боя, когда решалось, кто кого. И тут Елена передала ему трубку. О своем прибытии по очереди докладывали командиры танковых бригад. Даже не глядя на карту, как опытный шахматист, играющий вслепую, Мельниченко приказал:

— Противник атакует силами до... Положение на данный момент... Бригадам развернуться на рубеже от... до... и с ходу, без артподготовки, атаковать противника во фланг... — успев заметить восхищенный взгляд Елены, он отдал еще несколько приказаний и внезапно почувствовал, как устал. Но даже усталость не могла отравить радость правильно выполненной работы.

Немцы не прорвались, победа будет за нами.

«Сразу же за Доном пошла земля, где побывали немцы, и так тянулась до самого Харькова — сожженные города, разбитые вдребезги станции, взорванные водокачки, остовы сброшенных с путей горелых вагонов, вывихнутые столбы, перекрученные взрывами рельсы, трубы взорванных заводов, трубы сожженных домов.

Всего этого я повидал предостаточно и раньше, но сейчас все это шло подряд, без перерыва, все время, пока мы ехали и пока подолгу стояли на станциях и полустанках. Было такое чувство, будто на долгом пути до Харькова все это вышло по обе стороны дороги на бесконечный мрачный парад необозримого горя и разорения. Я ехал мимо этого всего, а где-то на дне души отставалась тяжелая злоба на немцев. Отставалась, как тогда казалось, навеки, до смертного часа. Потом, уже в Харькове, Толстой в первое же утро, когда мы очутились вместе в гостинице, вспомнив эту дорогу, сказал, что чувствует себя после нее прогнанным сквозь строй, битым не до крови, а до мяса и костей, и мрачно, грубо выругался. И я понял, что не только я, а и другие ехали, испытывая то же самое, что и я».

К. Симонов. «Разные дни войны». Т. 2. М. 1972 г.

24 декабря 1942 г. Кратово. Санаторий НКВД/НКГБ. Сергей Иванов

Нет, на фронте, друга мои, проще. Хочу назад, в свою бригаду. А тут воспоминаниями мучают. Даже гипнотизера привозили несколько раз, вот так. Не знаю, что я там под гипнозом наговорил, но и в обычном состоянии столько всего вспомнил, что самому удивительно. Точно кто-то из авторов писал, что человек ничего не забывает. Когда же тебя профессионалы расспрашивают, то вспоминаешь все, даже прочно, казалось бы, забытые мелочи. Вот и сегодня до обеда меня «расспрашивали», трое, мать их, профессионалов.

Выжали очередной раз, как белье в стиральной машине, досуха. Теперь вроде отдых у меня, ага. Только вместо стенографистки сам всякие вопросы, которые вспомнил, записываю. Вот, сейчас сижу и пишу неожиданно всплывшие подробности из прочитанного когда-то доклада о положении дел в Чечено-Ингушской АССР во время войны, а заодно о поведении чеченцев после распада СССР.

«В республике было 38 сект, ведущих активную борьбу с советской властью, укрывающих немецких парашютистов и местных бандитов. В начале сорок второго года, при приближении фронта, в горах скрылись даже руководители райкомов ВКП(б), райисполкомов и председатели колхозов, всего, если я правильно запомнил, до восьмидесяти человек. При первой мобилизации из семи-восьми тысяч мобилизованных дезертировали 10 %, при второй — из четырех с лишним тысяч около 360 человек, в январе сорок второго для укомплектования национальной дивизии удалось собрать лишь пятьдесят процентов личного состава. Всего в сорок четвертом году действовало 35 бандгрупп численностью около трехсот бандитов и около четырех тысяч человек, вроде бы прекративших бандитскую деятельность, но сохранивших оружие при себе, ожидая только прорыва немцев на Кавказ».

Интересно, многим ли отличается положение сейчас? Немцы до Кавказа не дошли, но то, что они туда рвались, видно было даже по сводкам Совинформбюро. Если бы не упорное сопротивление Южного фронта и не постоянная подкачка его резервами, то получилось бы точь-в-точь как в нашей реальности.

Да, не забыть отметить, что банды не брезговали грабежом соседних областей, пользуясь ослаблением внутренних войск. Так, что еще? Ну, вроде основное написал, теперь надо о неправильной политике по отношению к бандитам написать. Не надо было весь народ выселять. Достаточно было всех бандитов и пособников наказать по закону: дезертирам, бандитам и немецким пособникам — расстрел, а всем укрывающим, помогающим и тому подобное — лагерные сроки в соответствии с законом. Вот и все. А то, что после такого действия чеченцев в республике не останется, — это уже их проблемы. Особенно если учесть их действия после распада СССР — грабеж и геноцид нечеченского населения в республике, ограбление поездов, следующих через Чечню, аферы с фальшивыми авизо, работоторговля. Не забыть описать еще и войну против законного правительства России и терроризм. Ага, забыл еще вписать очередную хрущевскую глупость с передачей русских районов и Грозного в состав Чечни. Не были они чеченскими, там казаки издавна жили. Но про казаков не стоит, наверное, лишний раз упоминать, все же отношения у них с большевиками не слишком хорошие. Было, конечно, «красное казачество» и все такое, но и те и другие Гражданскую войну еще не забыли. Впрочем, напишу, пусть сами дальше разбираются.

Нет, ну столько писать я уже точно разучился. Рука ноет, на пальце вон даже выемка характерная образовалась. Под ручку, ага. Поневоле вспомнишь свой любимый ноутбук и удобство обработки документов на нем. Кстати, об обработке словесной информации на ЭВМ я не писал, кажется. Надо обязательно написать, а то наши ученые, «доценты с кандидатами», слишком уперлись в возможности решения математических задач, а про другие возможности и не думали. Так, возьмем новый лист. И начинаем писать. Интересно, а присловье про доцентов с кандидатами, которое я у Семы подхватил, и здесь в ходу, оказывается. Сема же и занес, похоже, когда в командировке был. Смешно было, когда в лабораторию меня привезли, где наши мобильники изучают, а Петя Кактусов и выдает: — Ну вот, «товарищи ученые, доценты с кандидатами, коль что у вас не ладится, мол, там не тот эффект, мы мигом к вам заявимся с лопатами и вилами, денечек покумекаем и выправим дефект». — И все смеются, как привычной шутке. А у Семы это присловье из песни Высоцкого выскакивало, когда особо неприятный программный дефект вылезал или вирус по нашей сети бродил. Да, Сема, Сема. И кто бы мог подумать, что он первым погибнет?

Ну вот, про ЭВМ и Ворд написал. Теперь можно и отдохнуть, тем более что ужин скоро. Нет, но все же интересно, что теперь с этими «репрессированными» народами сделают? Вон Хрущев под бомбами погиб, ага. Так героически рвался на передовую, прямо

жуть. И нарвался. Ясно, что бомбы немецкие были, а вот самолеты... Впрочем, о таком лучше молчать даже про себя. Помнится, у него много доброжелателей было, по некоторым данным его чуть ли не вся партийная номенклатура поддерживала. Ну вся, конечно, преувеличение, кланов в ней не меньше, чем в застойные времена, но то, что он ее рупором был, ясно. Поэтому его так и убрали. Как там в некрологе: «Героическая смерть, верный сын советского народа...» — Верный, ага. Вот только этот верный такого наворотил, что уж лучше бы неверным был. Оттепель он, видишь ли, устроил. Проблемы он устроил всей нашей стране. Начиная от дискредитации строя и заканчивая целиной. Которую так быстро освоили, что через два года там вместо урожая пыльные бури собирали. А ведь при Сталине разработана была комплексная программа освоения! Да и «хрущевки» названы так зря. Сколько времени надо, чтобы домостроительную отрасль перестроить? Вот, вот, при Сталине все это началось, до «кукурузника». И перевод страны на мирные рельсы, и освоение космоса, и все, что он потом себе приписал. Кроме кукурузы и ботинка в ООН. Вот это точно его идеи и его уровень.

Впрочем, чего я так за него распереживался? Он теперь тихий и спокойный. «А на кладбище все спокойненько», вот так «Нет человека, нет проблемы». В этом случае и по отношению к этому человеку во многом верно.

Эх, поужинал, теперь за писанину снова возьмусь. Для души несколько хороших фильмов вспомнить надо. Пусть сейчас снимут, а то смотреть нечего. В клубе уже шестой раз «Похождения солдата Швейка на Второй мировой», или как там этот «фильм» правильно называется, показывают. Не, может, после фронта один раз посмотреть и посмеяться еще можно. Но примитив же такой, что меня до печенок достал. Уж лучше бы «В шесть часов вечера после войны» показали.

И с чего начать? В принципе в это время лучше всего что-нибудь историко-патриотическое снимать. О, вспомнил! Если не ошибаюсь,⁸ Иванов уже свою «Русь Изначальную» написал. Вот и сделать по ней сериал из трех или четырех серий, только не ту малобюджетную гадость, что в начале восьмидесятых у нас сняли, а что-нибудь типа «Александра Невского». Со злобными хазарами, подвигами древних росссов, византийскими интригами и нашей мстью — набегом конных дружин во второй серии, а потом еще и про разгром Италии «цивилизованными византийцами» показать. Ух, фильм может получиться! Так, пишем. Кто там стучит? Кактусов приехал?

— Здравствуйте, Сергей.

— Здравствуйте, Петр. Забирай. Вот свеженькая пачка.

— Вижу. Вот вам новой бумаги еще, завтра опять подъеду.

«...Я считаю, что мероприятия полиции безопасности, проводимые в больших масштабах за последнее время, — пишет представитель действовавшей на Украине айнзатцгруппы „С“, — необходимы по следующим причинам:

1. Положение на фронте в моем секторе стало очень серьезным, так как население, находящееся отчасти под влиянием венгров и итальянцев, которые хаотически отступают, открыто выступает против нас.

2. Усилились налеты партизан, специально пришедших из брянских лесов. Кроме этого, другие партизанские группы, сформированные населением, внезапно появились во всех районах. Снабжение вооружением, очевидно, не представляло трудностей. Было бы неразумным, если бы мы пассивно наблюдали эту деятельность, не принимая никаких мер. Очевидно, что такие меры будут сопровождаться жестокостью.

Я хочу предложить ряд таких жестоких мер:

1. Расстрелы венгерских евреев.

⁸ Ошибается, книга написана в 1965 г.

2. Расстрелы агрономов.
3. Расстрелы детей.
- 4 Сожжение целых деревень.
5. Расстрелы „при попытке к бегству“ заключенных полицией безопасности и СД.

Начальник айнзатцгруппы „С“ подтвердил еще раз правильность проведенных мер и выразил свое мнение в пользу жестких энергичных действий».

Энергичные действия не замедлили себя ждать. Близ украинского города Сумы недавно призванный в вермахт рядовой Иоганн Шмидт стал свидетелем очередной контрпартизанской операции. «Я видел, как действовала против партизан дивизия СС, — вспоминал он. — Я видел, как они окружили населенный пункт, как они открыли бешеный огонь по всему живому в этом населенном пункте, как наконец они подожгли его, так что часть гражданского населения погибла в пламени. Я слышал рев горящих животных, а также и вопли несчастных людей...».

А. Дюков. «За что сражались советские люди». М., 1995 г.

30 декабря 1942 года. Юго-Западный фронт. Сергей Иванов

Ура, я опять на фронте. Конечно, представитель Ставки, это не боевой командир, но зато теперь мне никто не мешает любую часть фронта посетить. Самое лучшее, что меня в корпус к Андрею послали. И нашу бригаду ему придали, Первую тяжелую гвардейскую. Потому что сегодня мы будем на Харьков наступать. Андрей же вместе со мной доказал, что в городе именно КВ-2 нужны. Поэтому нашей бригаде аж целый батальон их дали, двадцать две штуки. А «Рыжего», кстати, он себе забрал, теперь это командирский танк Третьего гвардейского мехкорпуса. Так, глядишь, и до Берлина дойдет. Я его себе на этот бой выпросил, как командирский, ага. А что, генералу-то он и не особо нужен, а мне «для непосредственного контроля действий бригады пригодится». Во завернул на казенно-бюрократическом, аж самому приятно. Когда Андрею так сказал, у него чуть челюсть до полу не упала.

Тэк-с, теперь главное — новогоднего Грозного не повторить. Помню, как по телику показывали. Бл..., и армия вроде бы уже другого государства, а ощущения были, словно меня и моих друзей разбили и грязью поливают. Особенно как вспомню комментарии наших «национально-патриотических» средств массовой информации, так рука сразу тянется к автомату.

Да, совсем забыл. Автомат, или вернее пистолет-пулемет, я новенький получил. Такие скоро все танкисты и мотострелки получать будут. Судаевский ППС здесь почти на год раньше на вооружении, приняли. Легкий, со складным прикладом, с эффективной дальностью стрельбы в двести метров, для производства — сказка, почти сплошная штамповка. Не зря его у нас лучшим пистолетом-пулеметом Второй мировой признавали.

Ладно, шутки в сторону. Артподготовка началась. Во долбануло как! Хе, не ожидали фрицы? Наши ухитрились железную дорогу восстановить и несколько батарей железнодорожных установок к фронту подогнать. Трехсотпятимиллиметровых и стовосьмидесятимиллиметровых, морских. Сейчас именно такие и стрельнули. Ага, вот и «катюши» залпом отметились, «махра» пошла вперед. Черт, а все же неподавленные огневые точки остались, даже часть противотанковых пушек уцелела. Вон уже пара кавээшек застыла только в наблюдаемом секторе. Один вроде просто поврежден, а второй горит. Чем его так? Немцы вообще-то свои разработки тоже ускорили, сейчас везде и семидесятипятимиллиметровые противотанковые встречаются и «ахт-ахты» под противотанковые переделанные. Но здесь, похоже, чем-то солиднее угостили. Неужели где-то «Тигр» засел? Кажется, он. Вот еще один наш танк вспыхнул. И не просто загорелся, а бл..., взорвался, видно, снаряд в боеукладку угодил. И где же эта сволочь скрывается? Из КП

не видно ни х...! Пошел я в «Рыжего».

— Товарищ полковник, разрешите вам напомнить, что я вам не подчиняюсь. И решать, откуда за боем наблюдать, могу сам.

Заботливый какой Алексей стал, сил нет. Хотя его тоже понять можно, случись что, ему основательно достанется. Кактусов тоже с похоронной рожей сидит, в танке ему места не хватило. Точно по приезде рапорт на меня подаст.

— Кузьма, давай понемногу вперед, на тот холм у окопов.

Молодец Кузьма, четко проехал, незаметно до самого холма докатил. Черт, пока добирались, эта падла еще танк и самоходку сожгла. И где же она прячется, скотина? Ведь по малейшей вспышке наши бьют, а нигде ее не видно.

— Лува, «черноголовый»!

— Орудие заряжено!

Нет, из танка все же плоховато видно. Придется рискнуть. Выглядываю и невольно опять ныряю в люк. Отвык я от фронта все же, страшновато, когда над тобой пули и осколки цвиркают. Пересиливаю себя, выглядываю. Нет, все же Кузьма почти идеально танк поставил, над холмом только кусочек башни возвышается. Так, и где же этот гад? Ага, вот он. От артиллерийских наблюдателей его дым горящего дома скрывает, из танков его почти не видно из-за маскировки, да еще и подбитый артштурм прикрывает. А он поверх этой самоходки бьет наших на выбор. Ну, фриц, держись. Сейчас прикину ориентиры. От скотина, еще одному гусеницу порвал. Бл... так на этом участке и атака захлебнется! Закрываю люк. Слышу, как облегченно вздыхает командир орудия.

— Гена, ориентир семь, правее два. Видишь подбитый артштурм? Чуть левее, заметил?

— Вижу, командир! Готов!

— Огонь!

Отвыкшие от таких звуков уши на несколько мгновений глохнут, и я не слышу, что мне говорят. Наконец в уши прорывается:

— ...имо! Командир, надо добавить, уходит гад. Мы его только слегка задели!

— Поправку внес? — Угу! — Огонь! — Есть! Попали! Кто-то еще его заметил и дополнительно влепил!

Рассматриваю поле боя. Точно, наш «крестник» горит, пачкая небо жирным черным коптящим дымом. Орудие его бессильно опустилось вниз, видимо, в башню попали. Из люка на передней части корпуса наполовину вывесилось неподвижное тело без головы в черном танковом комбинезоне. Так тебе, сволочь! Наши постепенно втягиваются в город, исчезая за развалинами и чудом уцелевшими коробками зданий. Идут грамотно, сбитыми штурмовыми группами — три или четыре танка, один из которых обязательно «Ворошилов — второй», до взвода пехоты, полковушка или пара минометов, саперы. Вижу блеснувший на солнце баллон огнемета. Не сладко сегодня немцам будет, ага. Лишь бы бойцы в горячке боя не забыли о совместных действиях.

Ладно, немного повоевали, пора и честь знать. А то там Петя уже, наверное, совсем расстроился. Ну вот, уже вызывают. Радист весь напрягся, по голосу чую:

— Я, Ливень, прием.

— Ливень, говорит Третий. Приказываю вернуться на исходные. Как слышите? Прием.

— Слышу, Третий. Возвращаюсь. Конец связи.

Во, блин. Будет мне теперь головомойка. Это же новый ЧВС армии! И самое главное кто — сам бы ни за что не догадался, если бы не встретил на днях. Комиссар Кравцов! Жив, здоров и генерала получил, во как. Так что сейчас по-дружески с меня точно шкурку сдерет, чтобы зря не рисковал. Уж и не знаю, все ли ему про меня рассказали или нет, но что я — важная персона, которой участвовать в бою не положено, он знает точно.

1 января 1943 года. Юго-Западный фронт. Харьков

По проспекту Сталина, до войны одной из красивейших центральных улиц Харькова, а сейчас мешанине из мусора войны — разбитых остатков машин, сгоревших танков, подбитых орудий, трупов, окруженных остовами того, что некогда было многоэтажными домами, осторожно продвигалась штурмовая группа. Легкий колесный бронетранспортер, который время от времени останавливался и высаживал разведгруппу для проверки очередного участка. За ним двигалась небольшая колонна — три танка, один из которых был снабжен бульдозерным отвалом, и три американских полугусеничных бронетранспортера. Они быстро преодолевали разведанный участок, затем опять вперед выдвигалась разведка, и бросок повторялся снова.

Сидящий в одном из бронетранспортеров капитан рассматривал нарисованные на бумаге неплохие кроки, на которых, однако, был явно изображен совершенно другой район города, и тихо матерился. Сидящий рядом с ним пожилой старшина внимательно на него поглядывал, но молчал.

— Ну что, Борис Михайлович, мы окончательно заблудились? — обратился к старшине капитан, перекикивая шумы.

— Так точно, товарищ капитан. Надо хотя бы кого-то из наших встретить.

— Надо, — согласился капитан и проворчал себе под нос: — Или мы встретим, или нас встретят. Не знаю, что и лучше. Х... себе, заблудиться в трех кварталах!

В этот момент бронетранспортер опять встал, и капитан приподнялся над бортом. Из-за передового танка к бронетранспортеру бежали два бойца, один из которых капитану был незнаком. Подбежавшие резко остановились и отдали честь. Разведчик-сержант, которого, как вспомнил капитан, звали Егором Кантарией, доложил:

— Товарищ капитан, встретили пехоту из хозяйства полковника Бунышина. Их представитель — лейтенант Горькавый.

— Здравия желаю, товарищ капитан.

— Здравствуйте, товарищ лейтенант, — поздоровался капитан, внимательно осмотрев лейтенанта и его знаки различия. — Чем обрадуете?

— Через три дома — перекресток, если выбить оттуда немцев, вы сможете свернуть на юг и выйдете к передовым частям вашей бригады. Как нам доложили, эта улица практически вся уже от немцев очищена. Но оказалось, сведения не совсем верные, они контратакой отбили несколько домов и прорвались на перекресток. Наша рота шла на помощь своим, когда попала под обстрел. Попытка выбить фрицев из домов не удалась. Наши два танка подбили, вытащить раненых мы не можем, действуют снайперы. Примерные силы противника, по нашей оценке, — до двух взводов пехоты с крупнокалиберным пулеметом, двумя-тремя противотанковыми ружьями и пушками, несколькими минометами.

— Ясно. Вот что, лейтенант, а как у вас со связью?

— Наверное, как и у вас. Работают «семы». Наши и противника. Радиосвязи нет. Посыльные пока не вернулись.

— Понятно. Ну, где тут ваш командный пункт? — капитан, жестом подняв нескольких бойцов, один из которых нес катушку провода, повернулся к старшине и сидящему за ним лейтенанту Буракову: — Я к пехотинцам. Выдвигайтесь на исходные, — он вылез вместе с бойцами из БТР и пошел за пехотным лейтенантом. Вслед за этой группой неторопливо поползли вперед танки, все так же настороженно разглядывая провалы оконных проемов стволами своих орудий, и бронетранспортеры с пехотой.

— Сюда, — лейтенант показал на дверной проем комнаты на третьем этаже и тут же вопросительно посмотрел на капитана, заметив, как два бойца со снайперскими винтовками, не дожидаясь команды, разошлись в разные стороны. Заметив удивление сопровождающего, капитан невозмутимо сказал: — Снайперы действуют по своему плану. Сейчас фрицам укорот сделают, — и добавил, кивнув в сторону одного, пониже ростом, уже скрывшегося в соседнем дверном проеме: — Это же сам Номоконов. Слыхали? — Лейтенант кивнул, имя знаменитого снайпера стало известным уже давно, особенно на Юго-Западном фронте.

В разоренной комнате неподалеку от оконного проема, прямо на брошенных на пол

досках и обломках мебели, расположился старший лейтенант, два радиста и трое бойцов-посыльных, один из которых, осторожно высунувшись сбоку, наблюдал в бинокль за улицей.

Поздоровавшись, старший лейтенант Афанасьев быстро описал обстановку. По его словам, немцы, похоже, получили в подкрепление одну или две самоходки, которые недавно расстреляли подбитые танки, окончательно спалив один из них и добив раненых, лежащих на открытых участках, и обстреляли соседний дом, в котором расположился второй взвод. Обстрелянный взвод понес потери, и теперь у старшего лейтенанта в строю из всей роты осталось меньше пятидесяти человек с одним станковым и четырьмя ручными пулеметами.

— Ничего, старшой, сейчас с тобой придумаем, как устроить немцам новогодние праздники. У меня тридцать штыков, да еще два «Василька», не считая танков. Для наступления хватит.

Несколько минут ушло на обсуждение предстоящих действий, тем временем снайперы, вышедшие на охоту, смогли подстрелить пару немецких наблюдателей и своего немецкого «коллегу». Фрицы, разозленные потерями, вывели на перекресток обе самоходки и закономерно получили адекватный ответ. Прилетевшие из бокового дома, в который смог заехать танк с бульдозерным отвалом, стомиллиметровые снаряды оставили от артштурмов два дымных факела. Одновременно второй танк спокойно выехал на перекресток, укрываясь за подбитой раньше техникой, и выстрелом из своей стопятидесятидвухмиллиметровой разнес вдребезги один из этажей вместе с установленным там противотанковым ружьем. Второе ружье, пытавшееся обстрелять KB-2, было подавлено огнем двух АТС и еще одного танка, забросавших все замеченные подозрительные места очередями осколочных гранат и осколочно-фугасными снарядами. Под таким прикрытием несколько групп мотострелков и пехотинцев пробрались в занятые немцами дома, и внутри их разгорелись ожесточенные схватки. Бросок гранаты, за ним очередь автомата, затем рывок пехоты — алгоритм действий, хорошо изученный мотострелками и быстро перенятый пехотой, помог быстро выбить немцев из двух, одного за другим, домов. Попытки немцев отсечь захваченные дома огнем были сразу прерваны весомыми контраргументами русского танка с надписью «Превед, медвед!» на броне. Сорокакилограммовые фугасы мигом остудили пыл храбрых арийских вояк, и противник почел за лучшее самому оставить позиции, чем нести неоправданные потери от огня русской тяжелой артиллерии.

— А ты говорил, трудно. Ничего, против «ворошиловского» лома нету у фрица приема, — подвел итог капитан, прощаясь со старшим лейтенантом. — Борис Михайлович, не жадничай, делись, — добавил он, глядя на недовольно бурчащего старшину, выдававшего в открытую дверь бронетранспортера подходящим пехотинцам гранаты взамен израсходованных в бою.

3 января 1943 года. Берлин. Управление вооружений

Наступивший новый год отнюдь не радовал собравшихся в зале для совещаний генералов и полковников. Наступление русских, приведшее к окружению и гибели целых трех армий, продолжающееся неуклонное продвижение большевистских орд на Запад, объявленный в рейхе недельный траур мало способствовали поддержанию оптимистического настроения. Тем более плохим оно было у столь информированных господ.

Указание Гитлера, что война должна быть выиграна тем же оружием, с которым войска ее начали, ему пришлось отменить еще в прошлом году. Неожидаемое техническое превосходство русских оказалось шокирующим не только для солдат на передовой, но и для всего руководства рейха, которое начало искать срочный и простой выход из сложившегося пикового положения. Вот и сегодня собравшиеся в управлении вооружений сухопутных сил решали, как им подлатать то, что по-русски называлось бы «тришкиным кафтаном» немецких панцерваффе.

— ...Необходимо наладить выпуск промежуточных образцов, до окончания доводки «Тигра». Предлагаю временно наладить выпуск усовершенствованной инженерами «Алькетт» первой модели, — докладывал полковник Хэнель.

— Какое усовершенствование? Разве фюрер не приказал прекратить все работы по тупиковому варианту? — удивленный комментарий принадлежал генералу Томасу, начальнику управления экономики и вооружений.

— Господин генерал, это была их инициатива. Стремясь поскорее выполнить наши требования о насыщении армии тяжелыми танками, фирма, не дожидаясь окончания испытаний, выпустила, — полковник перевернул несколько листов в лежащей перед ним папке, — к настоящему времени уже сто пять шасси первой модели. В связи с неудачей боевых испытаний они остались невостребованными. Инженеры предложили доработать их и временно поставить, до выпуска настоящих «Тигров», как вспомогательный тяжелый танк. Кроме того, на этой же базе и базе выпущенных доктором Порше шасси ими разработано самоходное орудие с длинноствольной пушкой «восемь-восемь». Испытания показали, что такие орудия достаточно эффективны против русских танков.

— Временный тяжелый танк? А для чего он нужен? — генерал Томас резко повернулся к инспектору подвижных войск Гансу Валентину Хубе.

— По моему мнению, этот танк может стать переходной моделью до выпуска достаточного количества более мощных «Тигров», а потом использоваться как танк сопровождения, для прикрытия основных танков на близких расстояниях.

— То есть вы считаете, господин генерал-инспектор, что этот танк нам нужен?

— Ну конечно. Иначе мы остаемся в ближайшее время без тяжелых танков. Но меня больше интересует другой вопрос — как идут перевооружение и выпуск «четверок» и «троек» с более мощными пушками?

— Перевооружение «Панцер-четыре» новыми орудиями идет медленно, а подготовка серийного производства «Тигра» снижает выпуск новых «четверок». Аналогично с производством «Панцер-три», вместо которых начинает выпускаться новый танк «Панцер-пять» «Пантера», — полковник спокойно смотрел на медленно вскипающего генерал-инспектора.

— То есть вы хотите сказать, что поступления новых танков практически не будет? Чем же вы прикажете пополнять потери сейчас? — генерал Хубе потерял свою обычную невозмутимость и готов был, кажется, вцепиться своей единственной рукой полковнику Хэнелю в глотку.

— Почему же не будет. Будет. В соответствии с указаниями фюрера.

— Господин полковник, только в прошлом месяце безвозвратные потери составили больше четырехсот танков. Чем прикажете пополнять потери, если вы прекращаете выпуск «четверок» и «троек»?

— Наше управление предлагает выпускать созданную фирмой БММ простую противотанковую самоходную пушку с противоснарядным бронированием. Она уже принята на вооружение распоряжением фюрера под названием «Хетцер».⁹ Кроме того, на этом же шасси фирма разрабатывает средний танк с башней от «четверки» и пушкой Л-75/48.

— Сколько самоходных противотанковых орудий может быть выделено в распоряжение подвижных войск в этом месяце и когда начнется выпуск нового танка? — справившись с собой, нормальным тоном спросил Хубе.

Последовавшая затем свара не поддается описанию. Выяснилось, что самоходные установки только прошли первые испытания и их серийный выпуск еще не начинался, а предложенный танк существует лишь в виде наброска. Генералы и полковники вермахта, «белокурые рыцари» и «истинные арийцы германской нации» торговались, как простые базарные бабы. Каждый защищал честь своего мундира и свои интересы, мало задумываясь о

⁹ В нашей реальности «Хетцер» появился не в 1944 году.

реальном положении дел.

В результате длительного и упорного спора появился документ, предусматривающий выпуск не менее двух сотен «промежуточных» тяжелых танков «Леопард», принятие на вооружение легких самоходных противотанковых орудий «Хетцер» и среднего эрзац-танка «Ягуар» на их базе. Кроме того, управление вооружений согласилось сохранить выпуск «Панцеров-четыре» на одном заводе до начала выпуска «Ягуаров».

Фюрер и рейхсканцлер, прочитав решение совещания, некоторое время, вспоминая все изученные на фронте ругательства, озвучивали их прямо в присутствии высших чинов вермахта, но, в конце концов, под градом аргументов сдались и утвердили его. Так что, к началу летнего наступления танкисты должны были получить не менее двухсот танков «Леопард» и четырехсот — «Тигр», новые средние танки «Пантера» и «Ягуар».

Зверинец получался еще тот!

«Харьков был настолько большим по площади и укрепленным оборонительными рубежами, что пять корпусов четырех армий Юго-Западного фронта генерала Рокоссовского брали его 18 дней, с 30 декабря по 15 января. Самой первой освобожденной частью нынешнего Харькова стал ХТЗ, освобожденный 9-й армией 31 декабря — за 15 дней до освобождения центра.

6 января 2-я механизированная армия освободила Рогань, находившуюся за тогдашней городской чертой, а 7-я гвардейская армия в тот же день частично — изолированный от остального города Орджоникидзевский район (поселок ХТЗ), взяв станцию Лосево.

Первыми освободили сердце Харькова — площадь Дзержинского — воины 183-й стрелковой дивизии полковника Василевского. Символом победы стал красный флаг над Госпромом, водруженный утрям 13 января. Самыми последними освободили районы Змиевской улицы и отделенный от города рекой Уды изолированный Краснобаварский район, то есть юг города. Окончательно угроза контрудара немцев в центр города была ликвидирована 18 января, когда советские войска освободили Мерефу.

В боях за город отличились десять дивизий и пять бригад: 28-я гв. стрелковая дивизия генерал-майора Чумаева, 89-я гвардейская сд полковника Серюгина, 84-я п-ка Бунышина, 116-я ген. — м-ра Макарова, 252-я ген. — м-ра Анисимова и 299-я ген. — м-ра Травникова, стрелковые дивизии 9-й армии; 93-я гвардейская ген. — м-ра Тихомирова, 183-я п-ка Василевского и 375-я п-ка Говоруненко, 15-я гвардейская, сд ген. — м-ра Василенко 7-й гвардейской армии, 1-я гв. тяжелая тбр п-ка Махрова, 3-я гв. тбр ген. — м-ра Земляного и 7-я гв. тбр п-ка Хватова, 33-я мсбр подп-ка Ходова и 6 гв. мсбр п-ка Егорова 2-й механизированной армии. Этим дивизиям и бригадам было присвоено почетное наименование Харьковских».

Харьков во времена Великой Отечественной войны.

Страница рус: бви: ссср: история: украина: вов: Харьков

18 января 1943 года. Юго-Западный фронт. Харьков. Сергей Иванов

Нет, все же у представителя Ставки есть и немало неприятных обязанностей. В бою лишний раз не поучаствуешь, в комиссии всякие входи. Ладно, когда вчера осматривали подбитые танки и результаты их стрельбы. Сутки провозились, но множество любопытных вещей накопили. Интересно, откуда в этой реальности у немцев столько вольфрама появилось? У нас он, помнится, в дефиците был, а здесь вон чуть ли не каждый третий танк подбит снарядами противотанкового ружья «Панцербуше» 2,8/2 см. С вольфрамовым, между прочим, бронебойным сердечником. Хотя, может быть, я и ошибаюсь. Хорошенько, увы, не помню. У кого из авторов читал об этом ружье, тоже никак не вспомню. А вот что

выпустили его мало, помню точно, именно из-за дефицита вольфрама. Впрочем, против KB такой снарядик малоэффективен оказался.

Зато как наши «двойки» отличились. Оказалось, что в городском бою вполне неплохая машина — любую стенку своим снарядом разнесет, к тому же, в отличие от штурмовой самоходки, благодаря башне, огонь вдвое быстрее переносит. Так что не зря американцы и англичане артиллерийские танки до конца войны сохраняли, не зря. Конечно, у KB-2 крупные недостатки тоже есть — медленное заряжание, да и угол возвышения ствола маловат, по верхним этажам не постреляешь. Впрочем, у T-50 и T-34 тоже такой недостаток выявился.

Ну ладно, теперь придется на текущую работу переключиться. Нет, все же правильно кто-то написал, что, после того что бойцы видели на фронте, для них бледнели любые призывы, написанные Эренбургом или Толстым. Вот и сейчас наша комиссия составляет акт о нацистских злодеяниях в Харькове. Ведь из почти миллиона населения, жившего в городе до войны, по предварительным данным, в городе осталось не более двухсот тысяч человек.

Сначала мы рассматриваем документальные доказательства — дневники, показания свидетелей, приказы и донесения.¹⁰ В дневнике ефрейтора Пауля Фогта, чья танковая дивизия воевала неподалеку от Харькова, я читаю следующую запись: «Этих девчонок (служащих в РККА девушек) мы связали, а потом их слегка поутюжили нашими гусеницами, так что любо было глядеть...». Бл... я бы этих белокурых арийских рыцарей точно на кол посадил, и про гуманность бы не вспомнил. То, что они творят с нашими девушками-военнослужащими, описанию не поддается. Причем все это освящено приказом! Тем же, где написано, что комиссаров, взятых в плен, расстреливать, дополнительно указано, что женщин-военнослужащих убивать на месте. Естественно, немецкие, не могу их назвать солдатами, ублюдки скорее, этим вовсе пользуются. «Благородные арийские нравы»....! Ту же самую картину не раз видел и под Москвой: в Шайковке местные жители, помнится, рассказывали, как «раненую девушку-лейтенанта голую вытащили на дорогу, порезали лицо, руки, отрезали груди...» А уж изнасилованных и расстрелянных женщин встречали на каждом шагу, что военных, что гражданских.

Теперь вот дали прочесть показания про то, что немцы творили, ворвавшись в Харьков. Первой их жертвой стали раненые, которых так и не смогли эвакуировать. «Три грузовика с солдатами из дивизии „Адолф Гитлер“ подъехали к госпиталю (Первый общий эвакуационный госпиталь). Они выбили двери восьмого корпуса и бросили внутрь зажигательные гранаты. Когда раненые пытались спастись, выпрыгивая из окон, их расстреливали из автоматов. На следующий день прибыло девять эсэсовцев, которые выгнали медперсонал из помещений и расстреляли всех находившихся в палатах». Жена одного из раненых, пришедшая в госпиталь, нашла «окровавленное и изувеченное тело мужа, лежащее между койками. Голова его была разбита, один глаз выбит, руки сломаны, а кровь еще сочилась из ран». Всего эсэсовцами только в одном госпитале было убито 800 человек.

Ну, чтение закончилось, сейчас поедem на вскрытие захоронений. Как сейчас помню, читал в Интернете про места расстрелов в Харькове — Дробицкий яр, Лесопарк, лагерь военнопленных в Холодногорской тюрьме, в районе ХТЗ. Читал, а теперь вот своими глазами увижу. Пусть здесь нацисты поменьше городом владели, но расстреляли не меньше, если не больше. Лесопарк уже раскопали, сразу после освобождения, поэтому сейчас к рвам в Дробицкий яр поедem, а потом к захоронениям у Холодногорской.

Вот бойцы под руководством профессора Бурденко начали раскопки этих рвов. Мы подъехали, когда уже докопались до тел. Разрытый ров длиной до двадцати метров на большую глубину весь завален трупами. Точное количество трудно определить на взгляд, но их очень много. Вообще же это совершенно страшное зрелище. В яме в беспорядке лежит

¹⁰ Использованы отрывки и материалы из книги А. Дюкова «За что сражались советские люди».

груда трупов мужчин, женщин и детей. На некоторых, еще полностью не разложившихся, видны следы ужасных пыток, которым подвергались эти люди перед расстрелом. Бл..., всего за свою жизнь насмотрелся, но тут чуть не поплохело. Спас спирт во фляге — чуть принял для облегчения. Нет, вот такие места надо точно консервировать чем-нибудь и потомков сюда возить. Тех гнид, что о «благородных немецких солдатах» плачутся и о «борьбе с коммунизмом». Хорошо хотя бы, что кинооператор все это снимает.

Вот ведь казалось в восьмидесятые, что «так жить нельзя». А оказалось, что только так и надо жить. Потому что все остальное намного хуже для большинства людей. Нет, надо все сделать, чтобы наша страна здесь и сейчас сохранилась. И я приложу к этому все усилия. Потому что иначе так и будем вскрывать очередные рвы или читать байки про «кровавую гребню», предусмотрительно за год до начала войны расстреливающую поляков из немецкого оружия. Это значит, чтобы немцев потом обвинить, ага. А те такие несчастные, такие заботливые, только и думали, как весь мир от русских варваров спасти, а самих варваров от коммунистического ига. Потом эти байки их духовные наследники по всему миру разносить будут. Нет, не дать сволочам радоваться, не дать!

Но наконец-то этот тягостный день подходит к концу. Подписываем итоговый документ за сегодня. А завтра — опять на вскрытие, теперь у Холодногорской тюрьмы. Кое-кто с трудом от сегодняшнего очухивается. Мне проще, все же я многое повидал.

Вот, под роспись доводят, что через месяц в Харькове открывается суд над захваченными немецко-фашистскими преступниками. И правильно. Нечего тянуть, надо сразу показать им, что их ждет. Жаль только, что гуманное советское правосудие их в самом наихудшем случае к повешению приговорит. Я бы их четвертовал.

1 июня 1943 года. Юго-Западный фронт

Майор Трофимов, бывший командир первой в РККА корректировочной эскадрильи автожиров, а ныне командир отдельного корректировочно-разведывательного полка Юго-Западного фронта, сегодня отправился в полет, не только посадив в кабину своего вертолета стрелка-наблюдателя, но и подвесив под фюзеляж две бомбы. Конечно, для обычного самолета две десятикилограммовые осколочно-фугасные бомбы — практически ничто, но для его полуконструктивной «летающей мельницы» — почти перегруз. Небольшой двухмоторный вертолет «Омега» Г-3, стрекоча моторами и посвистывая винтами, пролетел над тыловыми районами, уклоняясь от столбов густого дыма и постепенно набирая высоту. По сравнению с обычным самолетом, вертолет был более уязвим для зенитного огня. Вот только попасть в него было не проще, чем в немецко-фашистскую «раму» ФВ-189, из-за нестандартных маневров. Какой самолет может вдруг зависнуть на одном месте или даже дать задний ход? А вот трофимовская «Омега» — запросто! Жаль только передача на винты сложновата, может отказать. Но это уж как повезет. Зато даже при полном отказе моторов, если скорость и высота есть, можно на авторотации винта сесть на землю. Размышление летчика прервал стрелок-наблюдатель, заметивший пикирующие с высоты немецкие истребители.

Для немецких летчиков стал неожиданностью маневр непонятной летающей машины, которая резко замерла в воздухе и неожиданно даже дала задний ход. По инерции оба истребителя проскочили вперед, старательно уклоняясь от пуль. «Летающее недоразумение» неожиданно оказалось не только маневренным, но и неплохо вооруженным, к истребителям потянулись траассы двух пулеметов. Ругнувшись про себя, ведущий ввел машину в боевой разворот, стремясь занять атакующую позицию на высоте. Буквально десять минут назад их пара неожиданной атакой подбила один истребитель и сбила один разведчик, заставив еще одного русского на потрепанном, выпущенном почти полгода назад и уступающем по всем параметрам их новейшим «Фокке-Вульфам» «Яке» седьмой модели поспешно выйти из боя. Поэтому ведущий и атаковал эту непонятную винтокрылую машину без малейших

сомнений, хотя время патрулирования в воздухе уже заканчивалось. Но машинка оказалась с норовом, и теперь сбить ее стало для летчика, прошедшего Польшу, Францию и воевавшего на Востоке с начала Похода, делом личной чести. Доворачивая набиравшую высоту машину, ведущий оглянулся, ориентируясь, и невольно выругался вслух. Эта неуклюжая на вид дурацкая машинка просто развернулась на месте вокруг своей оси и теперь уверенно набирала скорость. Краем глаза пилот заметил два разрыва бомб на земле, похоже, в районе расположения какой-то своей тыловой части. Кроме всего прочего, теперь приходилось опасаться и дружественного зенитного огня, снизу вспышками сварки работали два пулемета. Но проклятый русский, умело маневрируя, уходил к себе, за линию фронта. Осмотревшись и не увидев никакой опасности, ведущий опять передал сигнал атаки: — Хорридо! — с удовлетворением отметив, что ведомый без дополнительной команды пикирует немного в сторону, стремясь перекрыть русскому возможность уйти задним ходом.

Трофимов, быстро оглядевшись, усмехнулся и резко перевел ручку «шаг-газ». Геликоптер резко застыл в воздухе, и зарвавшийся немец оказался впереди машины, точно в перекрестии прицела основного пулемета. Трофимов начал стрелять заранее, и пикирующий немецкий самолет сам влетел в ясно видимую трассу очереди УБ. Крупнокалиберные пули на близкой дистанции вспороли броню, покрывающую брюхо машины, полетели в стороны какие-то клочья... и самолет исчез из поля зрения майора. Он еще успел услышать приглушенную очередь турельного пулемета и ругань стрелка, когда неподалеку промелькнули, отсвечивая красными звездами, силуэты двух «Яков».

Досмотрев интересное зрелище воздушного боя геликоптера с истребителями до конца, Андрей опустил тяжелый морской бинокль и с наслаждением помахал уставшей рукой. Стоящий рядом командующий шестой армией генерал Голиков с еле заметной усмешкой покосился на него и сказал:

— И этому разведывать не дали. Полагаю, начали сосредоточение. Завтра утром надо ждать начала наступления.

— Согласен, — ответил Мельниченко коротко и слегка холодно. Ну, недолюбливал он Голикова. Еще с того дня, когда впервые прочел о его роли в предвоенной недооценке намерений Гитлера, о неудаче возглавляемого им Воронежского фронта в сорок третьем под Харьковом. И это его отношение только усилилось при личном знакомстве. Этот крупный, с большой головой и резкими чертами лица, стриженный налысо, «под Котовского» генерал почему-то казался Андрею слишком «скользким». Но, как говорится, «ноблесс оближ», положение обязывает, и сейчас Мельниченко, как командир одного из корпусов Второй механизированной армии, старался, не выдавая своих чувств, наладить взаимоотношения с командующим армии, обороняющей первую линию на направлении возможных действий его корпуса. Как механизированная армия, так и его корпус скрытно сосредотачивались за этой линией обороны для противодействия вскрытому разведкой предстоящему наступлению противника.

Да, история этого мира, хотя и отличалась порой значительно, все равно пыталась свернуть в русло Главной Исторической Последовательности. Впрочем, возможно просто логика событий диктовала в похожих условиях одни и те же ходы основным игрокам. Теперь, после зимне-весеннего наступления Советской Армии немцы вынужденно планировали свой летний ответ. А ответить они могли только наступлением, благоприятные условия для которого сложились здесь и сейчас как раз в районе стыка Юго-Западного и Центрального фронтов.

Андрей закончил разговор с командующим и командиром корпуса, подумав, что за время беседы он слишком воспарил в своих мыслях, и, попросившись, вышел с командного пункта. У стоящего в отдалении «козлика» его ждал, терпеливо сидя, возвышающийся мохнатой глыбой над местной, подошедшей познакомиться шавкой, Ленг. Напуганная размерами пришельца, собачонка даже не лаяла, а как-то робко принюхивалась издали. Ленг сидел, вроде бы не замечая ничего, но явно посматривая и ловя носом доносящиеся запахи.

Подошедший Мельниченко внес свои коррективы в назревающие события, приказав

Ленгу садиться в машину. Забравшись в нее сам, Андрей приказал шоферу ехать домой. Несколько мгновений спустя легковушка, шумя мотором, выехала из-под маскировочной сетки, накрывавшей стоянку. Вслед за ней тронулись с места спрятанные под соседними деревьями броневичок БА-64 и похожий на него по виду небольшой безбашенный БТР-64 с охраной.

«...Батальоны тяжелых танков первоначально включали две роты по два взвода тяжелых танков по пять машин и взводу управления и поддержки, всего 19 танков всех типов в роте. С июня 1943 года в роте стало 14 тяжелых танков, в том числе две командирских машины „Тигр“, а в батальоне три роты и три тяжелых командирских танка. Кроме танков „Тигр“, батальоны тяжелых танков имели на вооружении 18...20 средних танков, чаще всего PzKpfw. III М или PzKpfw. III N. Эти танки вооружались короткоствольной 75-мм пушкой и имели задачу противопехотной артиллерийской поддержки взводов, вооруженных „Тиграми“. Кроме того, в батальоны обычно включались отдельные взводы тяжелых танков „Леопард“. С середины 1943 года ТТБ часто имели на вооружении и другие типы машин (например, 510 ТТБ — танки „Ягуар“, а 511 ТТБ — самоходки „Хетцер“).

Зенитный взвод имел на вооружении зенитные самоходные установки Flakpanzer 38(t) 2 cm Flak auf Sfl38(t) „Gepard“, с одной 20-мм зениткой, Flakpanzer IV „Möbelwagen“ или „Wirbelwind“ со счетверенной установкой 20-мм зенитных пушек 2 cm Flak 38, а иногда и Flakpanzer IV „Ostwind“ с 37-мм зенитной пушкой Flak 18...»

«Тигр. История создания и применения». Под ред. Ивана Кошкина. М., 1995 г.

«Из „Записки заместителя наркома обороны генерал-полковника Говорова „Об итогах применения автожиров АК и вертолетов Г-3“».

Автожиры и вертолеты, способные работать с ограниченных площадок, особенно необходимы при работе с артиллерией в горной, лесистой и болотистой местности, особенно в межсезонную распутицу, когда обычные самолеты не могут взлетать с размокших аэродромов.

Возможность взлета автожира АК с нулевым разбегом и посадки с таким же пробегом за счет раскрутки несущего винта в таких условиях является неоценимым преимуществом. [...]

Основным назначением таких аппаратов должна быть корректировка артиллерийского огня, вспомогательными — связь и высадка диверсантов на ограниченные площадки. Вооруженные автожиры и вертолеты, напротив, по мнению работников ГАУ, находят ограниченное применение...

Необходимо усилить производственную базу Завода номер 290 и сосредоточить там всех специалистов по винтокрылым аппаратам.

Москва, 1944 г.»

7 июня 1943 года. 1-й Украинский фронт. Сергей Иванов

Как всегда на войне, обязательно очередная неожиданность сваливается на тебя, когда ее совсем не ждешь. Вот и сейчас. Нет, понятно, что немецкое наступление, да еще такого масштаба, без неожиданностей не обошлось бы. Но чтобы вот так совпало — я приехал к Андрею в штаб, и немцы ударили — это ж нарочно не придумаешь. Они таки ударили. В самом уязвимом месте и самым неожиданным образом. Не знаю, кто там у них такой умный

попался, но сделали они все грамотно. Собрали в одном месте несколько тяжелых танковых батальонов и вдарили. А за ними целый корпус СС в прорыв бросился. И накрылась наша оборона на этом направлении медным тазом. Так что теперь Андрей срочно собирает все силы для контратаки во фланг, а мне тряхнуть стариной придется — против передового отряда продержаться полдня хотя бы. Ничего, старый верный «Рыжий» не подведет. А еще у меня в запасе небольшой сюрприз есть. Так что поглядим, кто кого, хер хенерал Хауссер. Помнится, в последние годы перед переносом не раз читал о том, что немцы под Прохоровкой всего четыре или пять танков потеряли. Ну-ну. Врать-то они умеют, но мы им сейчас статистику попортим. Не зря я в штаб вместе с моторизованной колонной саперов добирался.

Ага, вот и головные дозоры. Так, не высовывайся. Нефиг тебе смотреть, гори лучше. Эх, хорошо очередь кумулятивных гранат из «Василька» легкую технику прореживает. Если же лента еще через одну осколочными заряжена, то и пехоте, а в данном случае мотоциклистам немало достается. Тэк-с, притормозили немного. Сейчас или пикировщиков вызовут, или артиллерия самоходная работать начнет.

Не-е, ребята. Что ни говори, а самое хреновое на войне — это бомбежка. Когда на тебя эта воющая и плюющаяся огнем гадина сверху валится и ты всей кожей чувствуешь, как сидящая внутри сволочь тебя в прицел ищет, так и хочется в штаны надеть. Вот артиллерийский обстрел я все же лучше переношу, может, потому, что снаряд до взрыва не виден. Ладно, часть фрицев отбомбилась, а другую наши ястребки отогнали.

Вот и гости дорогие пожаловали. Пожалуй, пора в танк лезть.

— Что? Комкор звонит? Ну, давай. Что скажешь, Пятый? Не успел школу эвакуировать, отрезали? А как со связью? Провод пока не тронули? Понял. Постараюсь их тебе сохранить. Особенно Лену? Хорошо, хорошо. Учту. Да не злись ты так. Лену и Ленга специально приберегу, Кактуса выделю. Он колючий. Все, отбой.

Н-да, вот и поговорили. Мы теперь в полуокружении, и передовой командный пункт корпуса тоже. А на нем и Горобец, оказывается, присутствует. Не знал, что Андрей так серьезно о ней заботится. Влюбился?

— Петр, тебе приказ. Берешь свой взвод, два танка и отделение саперов — и на КП. Организуешь дополнительное усиление обороны, с той стороны немецкие диверсы бродят. Связистку сержанта Горобец — сбереги во что бы то ни стало. Вижу, в курсе. Там еще Ленг, он ее дополнительно охранять будет. Но он только пес, а ты... в общем, понял. Действуй.

Ответ Кактусова не слышу, все покрывает грохот нескольких сильнейших взрывов. Сюрприз! Это два идущих впереди танка подрываются на минах. Не на простых и обычных для этого времени противогусеничных, а специально разработанных противоднищевых. И первые результаты их применения меня радуют. Один из немецких танков вскрыло, как консервную банку, видимо, мина точно под корпусом сработала. Второй потерял всего лишь гусеницу и несколько катков и застыл на открытом всем ветрам холме, так что один из командиров танков не удержался, выстрелил в него. Получилось удачно, восьмидесятипятимиллиметровый подкалиберный снаряд вызвал взрыв боекомплекта.

— Семнадцатый по «четверке» отстрелялся на отлично. После боя объявите от моего имени замечание за недисциплинированность и благодарность за отличную стрельбу, — говорю стоящему рядом командиру роты охраны штаба, капитану Киму, щупловатому на вид, но мускулистому и подвижному корейцу, между прочим, говорящему по-русски без малейшего акцента, а сам мучительно пытаюсь решить, что же будут делать немцы дальше. Передовой отряд, похоже, не на направлении главного удара. Слабоват. Скорее всего, обойдут нас, свернут ближе к маршруту главной колонны. Ну, а та наверняка идет к «панцерштрассе». Надеюсь, не ошибаюсь, иначе нас тут точно сметут. Против главных сил кампфгруппы какой-нибудь «Мертвой головы» мы с часок продержимся. Только если она здесь идет, ведь в этом районе две неплохие «панцерштрассе» проходят. Если здесь, то примерно через полчаса нас артиллерия начнет долбить. А если нет — сейчас нас быстренько обстреляют всем чем есть и уйдут.

Как приятно чувствовать себя умным! Обстреляли и ушли, как я и думал.

Ага, кто-то спешит с тыла. Так, сразу двое. Нет, трое и Петя с ними. Это что сегодня за день, все мои приказы нарушают?

— В чем дело, товарищ старший лейтенант?

Отвечает первым не он, а незнакомый майор:

— Товарищ полковник, докладывает командир шестьдесят пятого отдельного танкосамоходного полка майор Летунов! Попытка обхода нами отбита, сейчас полк сосредотачивается в районе КП корпуса. Приказано поступить в ваше распоряжение.

В мое распоряжение — это хорошо, вот только что дальше делать? Так, а ведь третий — явно посыльный. И чего молчит? Видимо, мой взгляд достаточно красноречив, сержант без дополнительного приказания начинает докладывать о сложившейся обстановке.

Тэк-с, и что мы имеем? По сообщению, Андрей не сумел точно нащупать фланг атакующих. Одна танковая и мотострелковая бригады сцепились с эсэсманам лоб в лоб, несут большие потери. Вторая группа из танковой и мотострелковой бригад нанесла удар правильно, во фланг, и сильно потрепала противника, но тот быстро подвел резервы. Хо, а может, неплохо получится, если полком вот здесь по этому промежутку зайти и практически охватить фланг подошедшей группы. А что, так и сделаем!

Объясняю задачу Летунову, настраиваю на оборону Кима, и мы дружной толпой рвем по намеченному мною проселку. Можете смеяться, а понимающие даже постучат себя по лбу и дружно запишут автора в Мюнхгаузены, но наша колонна домчалась до исходного района со средней скоростью двадцать километров в час. Я офигел, как та корова из анекдота.

А на исходном!

Глянул в бинокль, мама моя родная, а там дымы, дымы, дымы. Огромная равнина с рощами и холмами, по которой на первый взгляд хаотично перемещаются группы танков, между ними мелькают фигурки пехотинцев, из кустов внезапно вырываются языки оружейных выстрелов, и кругом догорают или просто стоят подбитые танки и самоходки. Прикинул я что к чему, и мы пошли в атаку. Сбоку, обходя месиво людей и техники.

Едва выскочили из-за рощицы, смотрим — а прямо перед нами очередная колонна немецких танков ползет. Наши не растерялись, сразу огонь по ним открыли. Строй немцев нарушился, они стали расползаться в разные стороны. Тут в промежутки и наши шестидюймовки грохнули. Сразу несколько танков вспыхнули после первого залпа, а уж после второго пара «четверок» с черными крестами на броне рванули, как перегревшиеся в костре консервы. Вот что значит хороший такой калибр в сто пятьдесят два миллиметра!

Но немцы не дрогнули, сумели даже под огнем развернуться нам навстречу. Чего-чего, а умения воевать у них всегда хватало. И началось! Первые ряды наших атакующих танков смешались с фрицевскими, грохнули взрывы, загорелись подбитые машины. Но КВ-2, выполняя отданный перед боем приказ, продолжали маневрировать в стороне и бить по любым замеченным немецким танкам.

— «Черноголовый»! — Готово! — Короткая! — Огонь! — Морской! — привычная симфония боя захватила меня и весь экипаж и отпустила только вечером, когда остатки полка собрались на сборном пункте. Из тридцати трех машин — восемь. И наш «Рыжий».

Но поле боя у Краснознаменки осталось за нами. И завтра я обязательно посмотрю, что и сколько мы набили. Помнится, только этих, «убершвере»¹¹ «Тигров», как минимум пять-шесть горело. Из них два точно мои. А что, кумулятивный шестидюймовый, пробивающий двести десять миллиметров брони — это вещь! Тем более, если враг занят другими танками и тебя не видит.

На ночь располагаемся неподалеку от торчащих среди остатков изб печных труб бывшей деревни.

¹¹ Сверхтяжелый, нем.

«Черниговская битва заняла в Великой Отечественной войне особое место. По своему ожесточению и упорству борьбы эта битва не имеет себе равных. Общий замысел германского командования сводился к тому, чтобы окружить и уничтожить оборонявшиеся в районе Чернигова — Новгород-Северского войска 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов. В случае успеха предполагалось расширить фронт наступления и вернуть стратегическую инициативу. Для реализации своих планов противник сосредоточил мощные ударные группировки. Большие надежды возлагались на новейшие танки „Тигр“, „Леопард“ и „Пантера“, штурмовые орудия „Фердинанд“, самолеты-истребители „Фокке-Вульф-190-А“ и штурмовики „Хеншель-129“.

Начавшаяся битва сразу же приняла грандиозный размах и носила крайне напряженный характер. Наши войска не дрогнули. Наступление ударных группировок противника было приостановлено. [...] Лишь ценой огромных потерь ему удалось на отдельных участках вклиниться в нашу оборону. [...] Окончательно похоронило гитлеровскую операцию „Цитадель“ крупнейшее за всю Вторую мировую войну встречное танковое сражение под Краснознаменкой. Оно произошло 7 июня. В нем с обеих сторон одновременно участвовали 1200 танков и самоходных орудий. Это сражение выиграли советские воины. Фашисты, потеряв за день боя до 300 танков, вынуждены были отказаться от наступления. [...]

12 июня начался второй этап Черниговской битвы — контрнаступление советских войск 3 июля советские войска освободили города Киев и Мозырь. Вечером 3 июля в честь этого крупного успеха в Москве впервые за два года войны был дан победный салют. [...]»

8 марта 1944 года. 2-й Белорусский фронт

Механик-водитель танка «Превед, медвед!», гвардии лейтенант Анатолий Федорович Логинов¹² мысленно выругался, пожелав фрицам и их родственникам самых противоестественных сексуальных отношений со всеми возможными партнерами. После долгого марша переключение передач что-то заедало, да и уровень масла явно находился на критической отметке. Но фрицы рвались вперед со страшной силой, поэтому никакой возможности покопаться во «внутренностях» танка у Анатолия не было. Знаменитая Первая гвардейская тяжелая танковая бригада должна была вступить в бой прямо с марша. Вздыхнув и еще раз помянув по матушке проклятых фашистов, Логинов с трудом переключил скорости, аккуратно развернул танк и вывернул из-за холма так, чтобы его отрог продолжал прикрывать большую часть корпуса танка. Для опытного, прошедшего бои в Харькове, форсирование Днепра и поле под Краснознаменкой водителя выбор подходящей позиции был простым, основанным на почти инстинктивных действиях, делом. Он, не дожидаясь команды капитана, остановился, крикнув в ТПУ: «Короткая!» и сразу после грохота и мягко качнувшей машину отдачи резко стронул ее с места. Краем глаза успев заметить выросший на склоне холма разрыв, он так же резко развернул и снова повернул танк, заставив его проехать своеобразной змейкой. По броне глухо простучали осколки, неподалеку, похоже, разорвался солидных размеров снаряд. Старший лейтенант Волков скомандовал: «Короткая!», Анатолий с разворотом притормозил танк. Загудел двигатель поворота башни, раздался грохот выстрела, и практически сразу машину резко дернуло, а по ушам, несмотря на наушники и шлемофон, ударил страшный грохот. Сквозь него в наушники пробился чей-то крик и тотчас смолк. Радист повернулся к Анатолию, что-то неслышно произнес и резко

¹² Реальное лицо, Герой Советского Союза А. Ф. Логинов был механиком-водителем танка 15-го гвардейского отдельного танкового полка прорыва.

обмяк, чуть не свалившись с сиденья. Логинов машинально остановил мотор. Тут до него дошло, что в наушниках стоит мертвая тишина, а правый рукав комбинезона вспорот, словно бритвой, и из раны выступила кровь, постепенно набухая на коже и пропитывая ткань. Боли не было, только правую руку словно пощипывало. Осмотревшись, он заметил оборванный провод переговорного устройства и сплюнул. Все ясно, какой-то осколок перебил провода ТПУ и резанул его по руке.

Осторожно, стараясь не потревожить радиста, он перебрался в боевое отделение. Увиденное там, хотя и было вполне ожидаемым, Анатолия не обрадовало. На полу лежали двое раненых, командир танка висел на своем сиденье так, что сразу было понятно, он мертв. Командир орудия... лейтенант присмотрелся — ранен. «Положение как при первом прыжке с парашютом, — подумал учившийся свое время в школе стрелков-радистов ВВС Анатолий, — страшно, но прыгать надо».

Он осторожно помог очнувшимся радисту с заряжающим вытащить так и не пришедших в себя двоих более тяжело раненных через эвакуационный люк, сел в кресло командира орудия, прильнул к прицелу и невольно вздрогнул. Приближенный оптикой немецкий танк, казалось, сейчас въедет прямо в башню. Лейтенант тряхнул головой, отгоняя наваждение, слез с сиденья, вынул из боеукладки несколько снарядов, положил поближе к казеннику, затем аккуратно, но резко вогнал снаряд в ствол, чтобы он врезался пояском в нарезы, вспомнив уроки заряжающего, сержанта Марченко. Ругаясь про себя, он выхватил из второй боеукладки гильзу с зарядом и дозарядил пушку. Закрыв затвор, снова усевшись на место наводчика, он старательно прицелился и выстрелил. Вражеский танк, как ни в чем не бывало, продолжил движение, а позади него, в кустах, вырос столб взрыва. Логинов мысленно выругался. Во-первых, он ухитрился зарядить явно не бронебойный снаряд, а во-вторых, неправильно взял упреждение. Внезапно в памяти всплыли страницы прочитанной незадолго до войны книги «Артиллерия» с пояснениями и картинкой, как брать упреждение при стрельбе по движущемуся танку. Быстро зарядив второй снаряд, на этот раз с черной окантовкой вокруг головной части, Анатолий тщательно прицелился и выстрелил. На этот раз эффект последовал незамедлительно. На борту танка словно вырос огненный цветок. Мгновение — и танк взорвался весь, подброшенная силой взрыва башня подскочила вверх и упала на еще горящие обломки, внешне почти не напоминающие ехавшую несколько секунд назад бронированную машину. Впечатленный последствиями попадания кумулятивного снаряда, лейтенант снова начал заряжать пушку...

В это же самое время не более чем в полукилометре от танка «Превед, медвед» старшина Рогальчук, вспомнив молодость, привычно наводил прицел пятидесятисемимиллиметровой пушки под обрез корпуса. Немецкий «Леопард», только что разделавшийся с одним из КВ, шел прямо на орудие, или не замечая его в кустах, или пренебрегая этой опасностью. Мысленно сам себе скомандовал: «Огонь», старшина дернул спусковой шнур, привычно приоткрыв рот. Пушка сильно подпрыгнула, сбивая наводку, но это уже ничего не решало. Танк успел выстрелить одновременно. На поле боя замер квадратной неподвижной глыбой очередной подбитый немецкий танк и еще одна советская пушка, замолчавшая навсегда. У склонившегося набок из-за разбитого взрывом колеса орудия, навалившись на прицел, застыл человек со знаками различия старшины в петлицах недавно введенной полевой формы...

Казалось, еще немного — и тонкая линия обороны русских рухнет. Оберштурмфюрер Макс Смушке высунулся из люка, внимательно осмотрелся и нырнул назад в люк, укрываясь от свистящих, казалось, у самых ушей осколков разорвавшегося неподалеку неизвестно откуда прилетевшего русского «чемодана». Несколько осколков звучно грохнули по броне. Макс вызывал по радиации командира. Хорошо, что русские не имели здесь своих глушилок, и связь пока работала нормально.

Обрисовав ситуацию, он предложил атаковать по наиболее танкодоступной местности, прямо сквозь боевые порядки контратаковавших русских. По его мнению, большевики уже выдохлись, и удар «Тигров» должен закончиться успешно. Выслушав приказ командира

батальона, штурмбанфюрера Отто фон Шрамма, он скомандовал водителю:

— Вперед, Курт. Нужно поторапливаться, иначе русских успеют разбить до нас.

Взревели моторы, и тяжелые бронированные мастодонты устремились вперед, навстречу победе и славе... Откуда прилетел этот снаряд, Макс так и не понял. Грохот удара болванки, мгновенно заглушивший все звуки и заставивший кружиться крепкую арийскую голову, запах пламени, проникший в нос, тяжелая крышка люка, мгновенно отлетевшая в открытое положение. И вот Макс уже бежит, вернее пытается быстро перебирать ногами в попытке оказаться подальше от разгорающегося танка. Но далеко убежать не удастся, тяжелый удар сбивает его с ног. Сознание милосердно гаснет, и он уже не видит, что ударивший его прикладом рядовой Гена Кац, разглядев, что на танковом комбинезоне лежащего фашиста нашиты знаки эсэсовца, сплюнул, передернул затвор и выпустил в лежащего короткую очередь.

Наступление немцев внезапно тормозится, а затем их части начинают откатываться назад, под натиском ударивших во фланг «тридцатьчетверок» и русской пехоты. Это наступают остальные бригады Седьмой механизированной армии.

Контрнаступление немцев под Балатоном, которое должно было задержать наступление русских на берлинском направлении и вернуть Германии столь необходимую ей венгерскую нефть, было остановлено ударом вовремя подведенных резервов.

Вечером, в штабе армии, вспомнив о женском празднике, Мельниченко приказал собрать и поздравить всех служащих в штабе. Елена Горобец, возвращаясь после дневного дежурства к себе, встретила прогуливавшегося Андрея. Смущаясь и краснея заметно даже в полутьме, он преподнес Елене небольшой букетик лесных цветов.

7 мая 1944 года. Берлин. Сергей Иванов

Вот и Берлин во второй раз в жизни посмотрю. Первый раз еще старлеем, когда нас с жен... ну, в общем, когда на экскурсию из части съездили. Да, такой вот парадокс, в Группе советских войск в Германии советские военнослужащие и их родственники в Берлин могли попасть только на экскурсию, а самостоятельный въезд был запрещен. По периметру города на всех станциях патрули стояли, если в городе ловили, то в двадцать четыре часа назад, на Родину отправляли. Помню, был у нас такой комвзвода, разгильдяй и холостяк, что характерно, по фамилии Бжесский, так его за какие-то политические прегрешения (кажется, с немкой переспал или продал немцам что-то), замполит полка грозился откомандировать. Офицерское собрание, все дела, а он встает так неторопливо и нежно-ехидным голосом замполиту и говорит: «А что это вы, товарищ Коробкомов, меня Родиной пугать вздумали? Неужели вам в СССР плохо», замполит сразу и замолчал. Отделался тогда наш Михаил всего лишь выговором, даже не по партийной, а по служебной линии.

Вот так. Всего-то по Берлину еду, а воспоминаний! Давить их надо, думать мешают. Хотя, если честно, а о чем тут особо думать, как в той шутке, трясти надо. Немцы явно из последних сил сопротивляются. Ну, а как же еще, если наши войска сначала их постарались как можно больше от Берлина отсечь, прорвав оборону сразу на нескольких фронтах, а потом в лучшем стиле «блицкрига» и израильской армии в прорыв множество механизированных и конно-механизированных групп бросить. Так что теперь вся Германия как слоеный пирог из наших и немецких войск, а передовые части Андрея где-то у Рейна уже. В Берлине же в основном сборная солянка осталась, фольксштурмисты, охранные части, армия резерва, пэвзошники, штабисты. В принципе — смазка для штыка, но дерутся отчаянно. Вот и движемся мы, не торопясь, где-то вдоль затянутого в бетон берега Шпрее. Где — командиру и начштаба бригады точнее известно, меня больше положение передовых частей интересует, да и общая обстановка. Еле уговорил меня опять представителем Ставки послать, да еще в свою бригаду. И «Рыжего» у Андрея выцыганил, у него все равно сейчас в основном «тридцатьчетверки» в армии, а все тяжелое в тыловых эшелонах или вместе с

пехотой «шверпункты» берет. Вот и наша бригада вместе с гвардейским стрелковым корпусом в Берлин вошла.

Да, разделили город страшно, сплошные развалины и коробки домов. Населению дали пять суток для эвакуации через наши фильтры, только мало кто ушел. Боялись, Геббельса понаслушавшись. Потом — тяжелая артиллерия и бомбардировщики, а теперь мы. И все стреляют. Немцы, конечно, сами виноваты, но когда воспоминания о будущей красивой столице ГДР на текущую картинку накладываются...

Ползем, можно сказать, а не едем. Отдельные недобитые группы фрицев прячутся среди развалин, и есть шанс наткнуться на «фаустников» даже в тылу наступающих войск. Поэтому идем стандартным построением штурмового отряда — впереди разведка, пешком, вдоль развалин по улице, за ними ИС-1, сбоку вдоль домов идут два отделения пехоты, в передовых группах там еще и огнеметчики, у нас их нет, все же не линейное подразделение, а штабная рота. За первым танком ползет наш «Рыжий», готовый поддержать своей шестидюймовкой огонь стодвадцатидвухмиллиметровой пушки ИСа. За «Рыжим», прикрытые его броней едут два штабных бэтэра, а за ними, в хвосте — еще один ПС. БТР, кстати, необычные, изготовлены в Чехии, бригаде достались как трофеи во время Балатонской операции. Помнится, что-то подобное чехи и у нас разрабатывали, а тут вот даже в бой пустили. Немцы называли их «котятками», наши придумали свое прозвище, почему-то «швейками» зовут, а иногда и просто «шайками».¹³

О, вот это здание я узнаю всегда! Теперь точно привязался к местности — мы у Музейного острова, а справа от нас, за речкой, Пергамский музей. Тэк-с, а ведь оттуда явно стреляют.

— Береза, я — Рыжий. Как дела? Прием.

— Рыжий, здесь Береза-два, при форсировании реки ранен комбат-два капитан Баранник. В бою на том берегу погиб принявший командование его зам, капитан Плясунов. Командование батальоном принял старший адъютант, капитан Белоусов.¹⁴ Береза-один решил усилить батальон учебной ротой. Прием.

— Береза, я — Рыжий. Принял. Предлагаю помочь огнем с места.

— Рыжий, здесь Береза-один. Ваше предложение принял. Разрешаю открытие огня выходом набережную. Прием.

— Береза, я — Рыжий. Принял. Прием.

Ну, вот и мы примем участие во второй гусарской. Правда, традиция слегка нарушена — нас больше, чем их. Но это значит только, что им не повезло!

— Лева, стоп. Гена, ориентир правый угол здания, правее две тысячных, огневая точка. Осколочным.

— Готово!

— Огонь!

В танке наконец-то устанавливается привычная атмосфера — смесь паров топлива, масла и пороховых газов. Внезапно начинает стрелять радист. Чего это он? «Семен, что там?» — «Командир, похоже, фаустник! Очередь дал, но не понял, попал или нет».

Черт, неужели где-то впереди гад прячется? «Махра» не видит? Посмотреть из люка?

Открываю люк, и в этот момент в развалинах вспухает облако пыли от выстрела. Фаустник, вашу...! По борту танка словно ударяют огромным молотом, по голове бьет звуковой удар. Черт, неужели песец? Люк открыт, выскочить успею, но вроде внутри все в порядке. Сквозь шум в ушах пробиваются голоса. Так, все живы, никаких повреждений нет. Мехвод запускает движок Ура, все работает. Кажется, идея Андрея о накладной броне с начинкой из песка нас спасла. Выглядываю из люка, благо музей уже взяли. Ага, вот и

¹³ «Шайкой» называется металлический тазик, используемый для мытья в общественной бане.

¹⁴ Фамилии танкистов и факты подлинные, взяты из истории 1-го танкового корпуса.

пехотинцы этого «камикадзе» поймали. Бл..., мальчишка совсем, лет двенадцать, не больше, из всего оружия только пустая труба панцерфауста и, точно, вон один из солдат рассматривает, кинжал, скорее всего, гитлерюгендовский. Что делать будут? Неужели убьют? И не докричишься. Нет, дали пару подзатыльников, что-то на пальцах объяснили и отпустили. Молодцы, вот только не станет ли он потом нам в спину стрелять?

Кстати, а чего это тихо так? Не стреляют вроде? Точно тишина. Так, что нам радист скажет?

Неужели кончилось? Да, комендант Берлина генерал-полковник Кребс прибыл для переговоров в штаб Первого Белорусского фронта. Кончилось. Всего на год раньше...

Дошли!

От границы мы Землю вертели назад,
Было дело сначала,
Но обратно ее закрутил наш комбат,
Оттолкнувшись ногой от Урала.

12 мая 1944 года. Бонн

В небольшом, заштатном городке, единственной достопримечательностью которого считалось здание ратуши, настолько незначительном, что его даже не бомбила авиация союзников, четвертый день занятом советскими механизированными частями, происходило что-то интересное. Любопытные жители, уже понявшие, что нацистская пропаганда преувеличила жестокость «руссише зольдатен», но еще опасавшиеся лишний раз попадаться им на глаза, с удивлением подсматривали из-за занавесок на окнах за идущими по улицам нарядными в отстиранной и отутюженной форме военнослужащими, в том числе и девушками.

Большинство из собиравшихся у пивной «Бунш», в подвальном зале которой с утра наводили порядок русские солдаты и несколько ранее работавших в этом заведении кельнеров, несли в руках свертки или букеты. Наконец заинтригованные наблюдатели, жившие поблизости от пивной, увидели, как к зданию подъехали, встреченные приветственными криками русских, две машины. Из первой вышел молодой, подтянутый генерал, уже известный некоторым обывателям как командующий русской армией. Он, ответив на приветствия, подошел ко второй машине и помог выбраться из нее девушке в белом платье, с венком на голове.

Встречавшие встали в две шеренги, и генерал со спутницей прошли между ними в здание пивной. За ними постепенно входили в двери и все остальные собравшиеся.

В подвальном помещении, рассчитанном человек на семьдесят посетителей, за составным длинным столом разместились тридцать восемь офицеров, солдат и пятнадцать военнослужащих-женщин. Во главе стола сидел сам командующий седьмой механизированной армией генерал-полковник Мельниченко. Рядом с ним, слева, сидела его невеста, а если учесть факт регистрации в штабе фронта — уже жена, Елена Горобец...

«[...] Четвертый период войны. Разгром фашистского блока.

В ходе наступления второй половины 1943 года советские войска завершили освобождение территории Советского Союза и начали освободительную миссию в отношении стран Европы... Пока союзные войска, преодолевая сопротивление немецко-фашистских войск, медленно продвигались по Италии и Франции, Красная Армия, отбив контрнаступления противника под Балатоном и в Восточной Пруссии, стремительно контратаковала. Разбив группировки немецко-фашистских войск в Венской, Пражской и Берлинской операциях, советские

войска, введя в прорывы подвижные части механизированных армий и конно-механизированных групп, высадив воздушные десанты, вышли к началу мая 1944 года к Рейну, преодолели Альпы и освободили северную часть Италии. Осажденный Берлин был взят штурмом. В ночь с восьмого на девятое мая 1944 г. в пригороде Берлина, Карлсхорсте, был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии. [...]»

**Реферат по истории СССР. Ученица 9 б класса 31-й средней школы
г. ... Мельниченко Ирина.**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

И вновь продолжается бой

Жить и верить — это замечательно,
Нам открыты все дороги, все пути.
Утверждают космонавты и мечтатели,
Что на Марсе будут яблони цвести.

Е. Долматовский.

6 июля 1944 г.

— Итак, что вы можете доложить? — командующий Седьмой механизированной армией прошелся вдоль стола в своем рабочем кабинете, машинально постукивая пальцами по его поверхности. Начальник Следственной группы Особого отдела армии непроизвольно поежился. Всем уже давно было известно, что, когда командующий сильно не в духе, он выстукивает «Марш танкистов». Вот и сейчас Николай Дагестанский явственно расслышал в ритме ударов: «Броня крепка и танки наши быстры». Лежавший до этого спокойно в углу пес командующего, здоровенный черный зверь, присел и осмотрел присутствующих настороженным взглядом, поводя ушами.

— Товарищ командующий, для расследования факта пропажи личного состава прокуратуры и трибунала армии мною была создана группа во главе со старшим следователем, капитаном ГБ Месяцевым.

— Понятно, пусть тогда он и докладывает, — раздраженно прервал Мельниченко майора, — услышим все от очевидца. — Сидевшие за столом начштаба и член Военного Совета согласно кивнули.

— Докладывайте, — Андрей строго посмотрел на вытянувшегося в струнку капитана Месяцева.

— На основании распоряжения товарища майора, мы сначала определили три возможные дороги, по которым могли двигаться наши товарищи. Получив под командование мотострелковый взвод на бэтэрах, я, а также капитан Журавлев и старший лейтенант Златопольский отправились в путь по каждому из трех маршрутов. По дороге вели опрос местных жителей и властей, пытаясь найти следы пропавшей колонны. Наконец в городке Вельск, в котором сходились все три дороги, наши группы встретились. Опрошенные жители городка показали, что действительно видели два «Студебеккера», два «Виллиса» и БА-64. В них ехали мужчины, и женщины, причем одна из них, беременная, была одета в яркое синее платье. Это были наши. Беременной была секретарь армейской прокуратуры Мария Козлова. По полученным сведениям, колонна свернула на лесную дорогу, ведущую к Варшаве. Позднее из показаний старшего лейтенанта Круглова, офицера связи оперативного отдела, удалось установить, что коллективы трибунала и прокуратуры действительно

собирались посмотреть на Варшаву, о чем ему сказал лейтенант Завьялов, член военного трибунала, в разговоре.

— Так, — теперь голос командующего был таким ледяным, что от одного произнесенного слова, кажется, даже температура в кабинете упала на пару градусов. — Продолжайте.

— Мы поехали по лесной дороге, труднопроходимой даже для бронетранспортеров. Чем дальше мы углублялись в лес, тем отчетливее были видны следы протекторов американских грузовиков «Студебеккер» и бронетранспортера. На всякий случай мы, посоветовавшись, приготовились к боестолкновению, одновременно стараясь внимательно наблюдать за дорогой, чтобы не потерять следы колонны. Проехали несколько деревень и хуторов, везде нам сообщали, что видели проезжающую без остановок колонну. Наконец, недалеко от деревни... мы обнаружили подорвавшийся на фугасе броневедомый автомобиль и, после осмотра окрестностей, труп сержанта Артура Вилкаса. Позднее были получены сведения, что он, единственный уцелевший после взрыва из экипажа броневедомого автомобиля, контуженный, продолжал отстреливаться от напавших бандитов из швадрона¹⁵ Армии Крайовой до последнего патрона. В ходе перестрелки он уничтожил двух бандитов. После того как его ранило второй раз, бандиты схватили его и повесили на проводе. При дальнейшем осмотре места происшествия обнаружено, что след от «Студебеккеров» был таким, словно их разворачивали в разные стороны, а потом увели в сторону от деревни, в лес. Я приказал Журавлеву с бойцами обыскать первый на нашем пути дом, а Златопольскому — проехать в противоположный конец деревни и заблокировать ее с другой стороны. Свой бронетранспортер я приказал вывести на середину деревни, поставив его так, чтобы были видны все дома.

Едва мы остановились, к бронетранспортеру прибежал связной от Журавлева. Прибыв вместе с ним в дом, я увидел, что Журавлев держал в руках найденное платье Марии. Перед ним на коленях стоял молодой парень, лет семнадцати-восемнадцати. Парень показал, что пять дней назад группой из швадрона АК, которая базировалась на соседнем хуторе, километрах в пяти севернее, в лесу, неподалеку от деревни была устроена засада. Уничтожив броневедомый, захватив два «Студебеккера» и два «Виллиса» с офицерами Красной Армии и двумя женщинами, они раздели задержанных и провели по деревне в сторону хутора. Вещи с раздетых частью забрали вместе с автомашинами, частью побросали. Бросили и платье, которое он подобрал, — Месяцев сделал передышку, глотнул из протянутого ему стакана воды, и продолжил:

— После короткого совещания мы, взяв в качестве проводника парня, поехали на хутор. Окружив хутор, прикрываемые пулеметами бронетранспортеров, мы вместе с автоматчиками ворвались в дом и арестовали всю сидящую за столом и распивавшую компанию. Аковцев оказалось десять человек. Задержанный в деревне парень их опознал. В ходе допроса с применением специальных методов, разрешенных Постановлением ЦК по отношению к шпионам, диверсантам и вредителям, задержанные показали, что действительно, получив сведения о продвижении колонны, они устроили засаду. После непродолжительной перестрелки они взяли наших военнослужащих в плен, разоружили, раздели догола, издевались, кололи ножами. Тамару, секретаршу трибунала, изнасиловали, а Марию из прокуратуры, бывшую на седьмом месяце беременности, истоптали. Затем всех посадили в один из грузовиков, довели до хутора, там взяли вещи из машины, а людей вывели в лес, расстреляли и быстро закопали. Автомашины передали прибывшим из другой местности членам АК, которые угнали их в неизвестном направлении. Мы передали автомашины в розыск по оперативным каналам. Показаниями захваченных бандитов были выявлены четверо, которые участвовали в изнасиловании и расстреле. Взяв этих четверых,

¹⁵ Отряд в польской Армии Крайовой. АК — вооруженные формирования, подчинявшиеся польскому правительству в Лондоне.

оставив на хуторе охрану, я и Златопольский выехали в лес. Километрах в двух от хутора мы остановились на небольшой поляне. Там на опушке леса был найден холм еще свежей земли, забросанный ветками деревьев. Яма, куда были сброшены тела наших товарищей, была неглубокой. Мы осторожно вытаскивали тела, когда четверо бандитов попытались бежать, воспользовавшись отвлечением нашего внимания. Автоматчики, пытаясь пресечь бегство, успели открыть огонь, в результате все четверо были убиты. Мы загрузили тела наших товарищей и бандитов в бронетранспортер, а сами пошли следом. Материалы следственного дела на эту банду, тела убитых бандитов и оставшихся в живых мы передали на хуторе прибывшим сотрудникам польской беспеки.¹⁶

— Понятно, можете не продолжать, — Мельниченко еще раз прошелся вдоль стола: — Организовать похороны погибших товарищей, вам и вашей группе объявляю благодарность.

— Как же протест польских властей? — спросил член Военного Совета.

— Опишите обстоятельства дела, я подпишу и передадим наверх. Думаю, протест отклонят, — командующий тяжело посмотрел на члена Военного Совета, а сидящий в углу пес негромко гавкнул.

30 августа 1944 года. Москва. Красная площадь

Несмотря на моросящий дождь, настроение присутствующих, как стоящих в строю, так и находящихся на гостевых трибунах, было радостно-солнечным. Самая кровопролитная война, пережитая страной за последние годы, закончилась, и закончилась нашей победой. Победой, ради которой народ принес огромные жертвы, праздником со слезами на глазах. Но все же — праздником!

И стояли в строю в своих серо-стальных мундирах танкисты, в черных — моряки и морские пехотинцы, в зеленых — пехота, в зеленых с синими бриджами — кавалеристы и темно-зеленых — артиллеристы, синели мундиры летчиков, голубыми беретами выделялись десантники. За плотными коробками парадных расчетов можно было заметить строй пехотинцев с непонятными предметами, похожими на свернутые знамена в чехлах. За ними чернели уходящие вдаль по улице колонны боевой техники. Блестели на появлявшемся в разрывах туч солнце ордена и медали на груди, поблескивали парадные, шитые золотой и серебряной канителью погоны, солнечные зайчики отражались от начищенных до блеска сапог и ботинок.

За приготовлениями к параду следили многочисленные гости и корреспонденты, сутились у нескольких десятков камер, стоящих на треногах, кинооператоры. На левой трибуне, среди прочих, стояла пара, на которую посматривали многие из гостей. Слишком уж они выделялись — красивая молодая женщина и моложаво выглядевший генерал в мундире танкиста, звездой Героя и множеством боевых наград на груди. Кроме того, они занимали самые удобные места, и рядом с ними было еще свободное пространство, куда можно было бы встать, если бы не вежливо-предупредительные сержанты ГБ, внимательно наблюдавшие за происходящим на трибуне и сообщающие всем, пытающимся встать, что эти места зарезервированы. И действительно, через некоторое время к стоящей паре присоединились еще двое мужчин, один из которых был сразу опознан большинством гостей. Еще бы, сам замминистра внутренних дел, фактический министр госбезопасности Меркулов был известен практически всем. Но в тот же момент любопытствующим стало не до этих мелочей, по всей площади прошло единое движение, похожее на порыв ветра, — на трибуну Мавзолея выходили первые представители правительства, а из ворот Спасской башни появился на кауrom жеребце командующий парадом маршал Рокоссовский. Как только он остановился напротив Мавзолея, по площади еще раз прошло единое слитное

¹⁶ Польская госбезопасность.

движение. Из тех же ворот на белом спокойном жеребце, в мундире генералиссимуса выехал лично Сталин. Над площадью разнеслась, усиленная динамиками, команда: «Парад, смирно!» Неторопливо проскакав до едущего ему навстречу Рокоссовского, Сталин остановил коня в заранее намеченном месте и принял доклад маршала. Потом они оба проследовали вдоль строя войск, приветствуя их, сопровождаемые непрерывными криками «ура». Бывалые конники отметили, что товарищ Сталин держится в седле неплохо, хотя и не так уверенно и красиво, как опытный кавалерист Рокоссовский. Но большинство присутствующих ничего не замечало, озадаченное столь неожиданно открывшимся умением Иосифа Виссарионовича.

Затем, подскакав к Мавзолею, Сталин и Рокоссовский на некоторое время скрылись от всех взглядов и появились уже через несколько минут на трибуне.

Сталин, успевший отойти после скачки, начал свою речь:

— Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!¹⁷ Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. [...] Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

[...] С Победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы! Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом! Слава нашему великому народу, народу-победителю! Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!

После выступления Главнокомандующего последовали привычные, знакомые каждому, видешему парад на Красной площади, команды и начался проход войск. Шли, чеканя шаг, знаменные группы, ассистенты с клинками наготове, знаменщики со штандартом фронта, со знаменами наиболее отличившихся частей. За ними маршировали разноцветные, блистающие орденами и медалями коробки фронтовиков. Приближаясь к Мавзолею, идущий впереди командующий выхватывал из ножен и салютовал стоящим на трибуне шашкой. По этому сигналу в рядах коробки звучало могучее «И-и-раз!», почти неслышное на трибунах из-за громкой музыки, и шеренги дружно переходили в положение «смирно» и «равнение направо». Шли по порядку фронтов, с севера на юг-Карельский, Ленинградский, Прибалтийский, Первый и Второй Белорусские, Первый и Второй Украинские, за ними — участвовавшие в войне с Японией Дальневосточный и Забайкальский фронты. Отдельно шли летчики дальней авиации, бойцы противовоздушной обороны и парадный расчет Военно-морского флота, за ними — части Войска Польского и Чехословацкого корпуса.

Встретившиеся с нашей армией на Рейне и Хоккайдо союзники, несмотря на обострение отношений, ответили на приглашение, прислав небольшие парадные расчеты. Среди них выделялись шотландские горцы в своих традиционных килтах, голоногие, непривычно для зрителей выбрасывающие вперед прямые руки. Они прошли под восторженно-насмешливыми выкриками. Сменившие их американские пехотинцы и воздушные десантники также удостоились своей долей аплодисментов и приветствий. Французы, идущие последними из союзников, шли двумя группами. Первой шла коробка летчиков полка «Нормандия-Неман», встреченная восторженным ревом и аплодисментами, а за ним — парадный расчет наиболее отличившегося в боях двенадцатого кирасирского полка второй бронетанковой дивизии.

Прошли союзники. Над площадью установилась тревожная тишина, прерванная внезапной дробью барабанного боя. Под него на брусчатку вышел строй пехотинцев с теперь уже расчехленными, полураспущенными, склоненными вниз знаменами. Блестели наверху в виде прусских орлов, под морозящим дождем слипшимися шторами колыхались, волочась

¹⁷ Подлинная речь И. В. Сталина от 8 мая 1945 года.

по земле, иногда разворачивая перед зрителями часть свастики или тевтонского креста, символы воинских соединений поверженного Третьего рейха. Промаршировав до Мавзолея, шеренги солдат делали четкий разворот и бросали знамена и штандарты прямо перед собой. Наконец прошла, избавившись от вражеских знамен, последняя шеренга и, грохоча моторами, на площадь выехали танки. Первыми, слегка проскальзывая на брусчатке, но старательно держа строй, промчались легкие разведывательные Т-50, похожие на уменьшенные копии «тридцатьчетверок». За ними выехали и сами «тридцатьчетверки». Впереди, четко держа строй, шли новые Т-34-85. Сергей улыбнулся своим мыслям и покосился на восторженно следящую за проходящей техникой Елену и стоящего рядом Андрея. Да, эти танки мало напоминали оставшиеся у него в памяти. Обтекаемые башни без замана, зенитные пулеметы, дополнительные баки на специальных креплениях сзади корпуса. В конце колонны Т-34 шли пять танков более ранних выпусков. На одном — литая башня-гайка образца сорок второго, рядом с ним непонятно как сохранившийся танк образца сорокового года, еще с лючками для стрельбы из револьверов в бортах башни. Проезжавшие танки-ветераны были встречены овацией зрителей. Вслед за «тридцатьчетверками» на площадь неторопливо и грозно выехали тяжелые ИСы, поражая наблюдателей своими обтекаемыми очертаниями и мощными орудиями с набалдашниками дульных тормозов. Наибольшее впечатление на присутствующих, особенно на иностранные делегации и атташе, произвели показанные впервые ИС-2 с мощными стопятидесятидвухмиллиметровыми орудиями в слегка увеличенной, словно раздутой, башне. И вновь в конце парадной колонны прошли более старые танки — КВ, первой, второй и пятой моделей. Среди них Сергей с гордостью отметил «Рыжего» с надписями на борту и башне. Экспрессивно-радостное «Дошли!», ясно различимое на боку высокой башни, вызвало оживление среди корреспондентов, защелкавших своими «лейками» и «кодаками». Сергей, вытянувшись по стойке смирно и отдавая честь, с гордостью смотрел на идущий танк, вспоминая прошедшее, и мысленно прощаясь с друзьями, не дожившими до этого радостного дня.

А парад продолжался, шли колонны самоходных установок, зениток, артиллерии и гвардейских минометов. И только самолеты так и не пролетели, мелкий дождь и низкая облачность заставили отказаться и от полетов, и от прохождения колонн демонстрантов.

«[...] Как рассказал мне впоследствии товарищ Власик, Иосиф Виссарионович начал тренироваться на манеже еще летом сорок второго года. Подумайте, немцы наступали к Дону, рвались к Волге и Кавказу, а товарищ Сталин был настолько уверен в грядущей победе, что выкраивал из своего насыщенного рабочего графика один-два часа для выездки, готовясь к будущему Параду Победы! [...]»

К. Симонов. Иосиф Виссарионович Сталин. Глазами человека моего поколения. М., 1965 г.

«Выступление т. И. В. Сталина на приеме в Кремле в честь участников Парада Победы 31 августа 1944 года

„Не думайте, что я скажу что-нибудь необычайное. У меня самый простой, обыкновенный тост. Я бы хотел выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незавидное. За людей, которых считают „винтиками“ великого государственного механизма, но без которых все мы — маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим. Какой-либо „винтик“ разладился — и кончено. Я подымаю тост за людей простых, обычных, скромных, за „винтики“, которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Их очень много, имя им легион, потому что это десятки миллионов людей. Это — скромные люди. Никто о них не пишет, звания у них нет, чинов мало, но это —

люди, которые держат нас, как основание держит вершину. Я пью за здоровье этих людей, наших уважаемых товарищей. «»

Правда. 1 сентября 1944 года¹⁸

9 марта 1946 года. Вашингтон

Президент самого могущественного на данный момент государства мира мысленно помянул своего предшественника не слишком хорошими словами. Конечно, «де мортиус аут бене, аут нихиль», но разве можно сохранить спокойствие, вспоминая, как он шел навстречу малейшему пожеланию этого усатого горца. В результате дядя Джо совсем обнаглел, игнорирует все законные требования демократических стран, а самое главное — требования президента государства, которому сам Бог вручил бразды правления миром! Вот и вчера ему доложили, что вместо вывода войск из северного Ирана русские дополнительно ввели туда очередной механизированный корпус. Мало того что эти русские нагло создают в оккупированном районе автономные, фактически независимые от центрального правительства, республики с прокоммунистическими властями, мало того что они столь же нагло пытаются сохранить за собой концессии на разработки месторождений в этих районах — они в ответ на требования вывести войска отвечают вводом новых сил. Нет, это поистине нетерпимо и должно быть прекращено. Эти парни должны понять, что только англосаксонская нация может и должна управлять миром. Но вот как надавить на этих упрямцев? Вот тут пожалеешь о решении предшественника привлечь русских к разгрому джапов. Понятно, что это решение сократило продолжительность войны и спасло жизни примерно полумиллиону американских парней. Но зато утрачена отличная возможность завершить проект «Манхеттен» до конца войны и опробовать бомбу в боевых условиях по реальным целям. Сжечь один-два города джапов, показать всему миру мощь нового оружия, запугать этих плохих парней наличием у США большой дубины. Да, такие были возможности указать этим зазнавшимся «комму» их место. И все проиграно из-за неудачной политики этого яйцеголового калеки.

Конечно, кадры полигонных испытаний «Малыша» и «Толстяка» производят впечатление. Но полигон есть полигон, а расчеты есть расчеты. Не подкрепленные реальными боевыми испытаниями...

В этот момент мысли президента перебил громкий командный голос генерала Ле Мея, командующего вновь созданным Стратегическим Авиационным Командованием:

— Надо указать Советам, что мы располагаем достаточной мощью не только для отражения нападения, но и для быстрого сокрушения СССР в войне... Они считают себя не слишком уязвимыми, ибо их промышленность и естественные ресурсы широко рассредоточены, однако СССР остается уязвим для атомного, химико-бактериологического оружия и дальних бомбардировщиков... Соединенные Штаты располагают в настоящее время возможностями обезлюдить огромные поверхности Земли, оставить только незначительные следы человеческой деятельности...

Президент утвердительно покачал головой, в то же время вспоминая, что еще недавно Кертис скептически относился к возможностям атомной бомбы. Всего два полета на полигон — и он уже пламенный сторонник атомного оружия. Учитывая его боевой опыт, это интересный факт. А учитывая сложившуюся ситуацию...

Тут в голову президенту пришла одна очень интересная мысль, которую он решил реализовать сразу после совещания. Он записал на лежащем на столе листе: «Вызвать посла СССР и пригрозить ему применением АБ».

¹⁸ Подлинная речь от 25 июня 1945 г. Источник: Сталин И. В. «Сочинения». Т. 15. М., Писатель, 1997, с. 232.

Тем временем Кертис Ле Мэй заканчивал свое выступление:

— Необходимо форсировать реорганизацию независимых Военно-Воздушных Сил, ускорить разработку плана «Пинчер» и строительство новых дальних бомбардировщиков Б-29 и Б-36. По расчетам штаба САК для войны против СССР требуется около тысячи бомбардировщиков вместо имеющихся в наличии двухсот семидесяти девяти. Поэтому я предлагаю с сорок седьмого финансового года перераспределить средства, выделив на строительство дальних бомбардировщиков, создание новых истребителей сопровождения и развитие инфраструктуры ВВС не менее пятидесяти процентов бюджета.

Как и ожидал президент, это предложение вызвало ожесточенные споры. Особенно рьяно выступали против него моряки, как министр ВМС, так и начальник штаба. Но их аргументы о возможности замены дальних бомбардировщиков палубными ударными самолетами разбивались авиаторами с помощью одного неопровержимого факта — отсутствия у моряков самолета с необходимой дальностью полета и грузоподъемностью. «Пока атомная бомба представляет собой трехтонную громадину, для ее перевозки требуется именно тяжелый бомбардировщик», — заметил генерал Спаатс.

«Резонно», — оценил тезис генерала Трумэн, одновременно отметив про себя, что предложение армейцев о развитии дальнобойного ракетного оружия является на настоящее время полной фантастикой, хотя, возможно, и требующей финансирования. На перспективу, так сказать. Не зря же разведке пришлось приложить столько усилий, чтобы захватить и этого немецкого инженера Брауна и большую часть документации и строящиеся пусковые установки. Но даже все эти документы, по мнению специалистов, еще не дают возможности создать дальнобойные ракеты с необходимой грузоподъемностью и эффективностью. Но денег армии на эти исследования выделить можно, США достаточно богаты.

Совещание закончилось победой авиаторов. Президент согласился с их позицией, и теперь самолетостроительные компании должны были получить самый большой и жирный кусок бюджетного пирога. Поменьше получили и развивающиеся атомные заводы и лаборатории, за ними свою долю выцарапали моряки, и лишь армия, словно бедная родственница, получила остатки. Впрочем, даже эти остатки были достаточно велики и позволили бы содержать вооруженные силы такой страны, как Германия.

А через час после совещания состоялась встреча президента и посла СССР в США А. Громыко. Протокол встречи не велся, и лишь позднее воспоминания близкого к президенту сенатора Генри Джексона позволили узнать правду.

Вызванного посла президент с ходу огорошил требованием немедленного вывода советских войск из Северного Ирана не позднее чем через сорок восемь часов. На ответ посла, что они будут выведены в соответствии с планами Советского правительства, Гарри Трумэн напомнил, что у США имеется могущественное оружие в виде атомной бомбы: «Мы не остановимся перед тем, чтобы сбросить ее на вас», — добавил он. В ответ ничуть не изменившийся в лице Андрей Андреевич ответил, что сообщит о полученном пожелании Правительству СССР и, прощаясь, заметил, что, по сообщению ТАСС, атомная бомба есть и у СССР.

Едва посол отъехал от Белого дома, как взбешенный Трумэн приказал немедленно вызвать к нему директора Центрального Разведывательного Управления Аллена Даллеса и начальника Разведывательного Управления МО генерала авиации Л. Кэррола. При этом он произнес что-то вроде: «Я им покажу Алису в Стране чудес...»

*«Из документов Объединенного Комитета Начальников Штабов США,
1945 год :¹⁹*

1. 19 сентября. „Основы для формулирования военной политики США“.

¹⁹ Источник: А. С. Орлов. «Тайная битва сверхдержав», Москва, «Вече» 2005 г., стр. 99—101. Выдержки из подлинных документов. Выделено мной.

— [...] мы должны сохранять подавляюще мощные вооруженные силы во время мира, которые должны быть в состоянии сделать неразумным для любой крупной агрессивной нации начать большую войну **вопреки воле США**. [...] Наше правительство должно оказывать давление с целью быстрого разрешения спорного вопроса политическими средствами, в то же время осуществляя **все приготовления для того, чтобы нанести первый удар**. [...]

2. 3 ноября. „Стратегическая уязвимость России для ограниченного воздушного нападения“.

— [...] Отобразить приблизительно двадцать целей, пригодных для стратегической ... бомбардировки в СССР и на контролируемых им территориях. [...] ... в настоящее время Советский Союз не располагает возможностью нанести аналогичные разрушения промышленности США. [...] ОКНШ рекомендует **начать воздушное нападение** с применением обычного, атомного и химико-бактериологического оружия не только в случае явной угрозы красной агрессии, но и **если создается впечатление, что СССР в конце концов обретет потенциал либо для такого нападения, либо для отражения такого нападения** [...]».

1 июля 1947 года. Семипалатинский полигон

Стоящие в бетонном, специфичных обтекаемых форм, бункере офицеры рассматривали окружающую их степь в специальные, подготовленные для такого случая, стереотрубы. На объективах заметны были необычные насадки с откидными черными заслонками — бленкерами, в настоящее время поднятыми. Сидевший у телефона сержант в полевой форме внезапно встрепенулся и громко сообщил всем:

— Самолет над полигоном. Будет виден через две минуты. Направление — ориентир номер один.

Сергей Иванов развернул свою стереотрубу в указанном направлении и начал разглядывать небо. Через некоторое время он заметил серебристую точку, плывущую на высоте, среди редких облаков. Подкрутив верньер усиления, он увидел, что точка превратилась в маленький, словно игрушечный самолет с четырьмя моторами, медленно и неумолимо приближающийся к их убежищу. Неожиданно в уши ворвался громкий голос, почти крик сержанта: «Опустить бленкера!» и размеренный, повторяемый сержантом вслед за словами в трубке счет: «Десять, девять, восемь...»

Сергей схитрил, опустив защитный бленкер не сразу, а на счете «восемь», и успел заметить распутившееся в небе белое пятно парашюта. Затем опущенная защита превратила день в ночь, но не успели глаза адаптироваться к темноте, как ее разорвало сияние, обжигающее глаза даже сквозь темный, практически ничего не пропускающий светофильтр. Сергей, предусмотрительно сощуривший глаза, оторвался от стереотрубы и посмотрел на окружающих. Большинство из офицеров, не столь предусмотрительных или невнимательно слушавших инструктаж, оторвались от своих стереотруб и сейчас терли покрасневшие глаза. Кое-кто, включая маршала Конева, довольно громко выражал свое отношение к происшествию старым русским способом, с использованием ненормативной лексики. Спустя мгновение бункер здорово тряхнуло, словно при землетрясении, а в узкие бойницы ворвалась ослабленная расстоянием ударная волна, снеся несколько непрочных установленных стереотруб, разбрасывая бумаги и растрепав прически присутствующих. Буквально сразу удар повторился, пришла отраженная от земли часть ударной волны. Сергей только улыбнулся и снова прильнул к стереотрубе. Однако сквозь фильтр уже практически ничего не было видно, и он рискнул откинуть бленкер. Его примеру последовали сначала ближайшие к нему, а затем и все остальные офицеры.

Над равниной уже вырос огромный, сюрреалистический, невиданный в природе гигантский гриб, у макушки которого, ясно видимые в стереотрубу, то и дело сверкали

молнии. Расположенные вокруг эпицентра остатки снесенных ударной волной зданий горели, сквозь клубящуюся пыль виднелись уничтоженные самолеты и разбитые орудия. Вверх вздымались столбы черного дыма от горящих складов с нефтепродуктами. Меньше всех пострадали танки и тяжелые бронетранспортеры, внешне многие из них выглядели полностью исправными, хотя на ближайших к эпицентру машинах даже издали можно было заметить сорванные навесные баки, отсутствие зенитных пулеметов, антенн и вообще любых прикрепленных снаружи предметов. Заметивший это генерал Сыч, представитель Главного Бронетанкового Управления, озабоченно нахмурился и записал что-то в блокнот.

— Как ваши впечатления, товарищ полковник? — незаметно подошедший сзади к Сергею Лаврентий Павлович, поправляя пенсне, внимательно смотрел на повернувшегося к нему Иванова. Сергей, невольно вытянувшись, ответил: — Все как положено, товарищ Берия. — Расслышавшие этот разговор соседи с удивлением посмотрели на этого, ранее не замечаемого ими среди присутствующих, полковника в танковой форме с васьковскими петлицами. Увидевший это Иванов нахмурился. Берия, заметив реакцию Сергея, обернулся и строго взглянул на окружающих. Офицеры сделали вид, что ничего интересного не произошло, поспешно отворачиваясь или разглядывая голые стены и пол бункера.

Отвернувшись, Берия еще раз поправил пенсне и приказным тоном предложил Сергею следовать за ним. В соседней комнате за столом сидел Мельниченко и что-то сосредоточенно писал. Увидев входящих, он начал приподниматься, но, остановленный жестом Берии, снова присел и продолжил работу.

— Товарищ Мельниченко тоже считает, что взрыв прошел, как вы сказали — как положено. Значит, будем считать, что все получилось. Сейчас заполните свои отчеты и собирайтесь, поедем в Москву. Товарищ Сталин ждет наших личных докладов, — сказал Лаврентий Павлович.

— Товарищ Берия, а посмотреть на местности? — немного нахально спросил Сергей.

— А зачем вам смотреть? Рисковать получением дозы радиоактивности запрещаю, — голос заместителя председателя Совета Министров, начальника управления «Ф» при правительстве Советского Союза, председателя Научно-технического комитета построжал, — посмотрите съемку.

Пока шел этот разговор, на испытательное поле выползли две гусеничные машины, переделанные из танков ИС. Защищенные от радиации всеми способами, которые смогли разработать в специальных лабораториях и конструкторских бюро, тяжелые машины, оснащенные измерительной аппаратурой, медленно ползли по выжженной степи. Танки пересекли эпицентр взрыва и замерили радиоактивность на испытательном поле. Тут же на поле выехала группа службы радиационной безопасности и оградила флажками границы опасной зоны. Выехавшие вслед за этим группы исследователей проверили результаты воздействия взрыва на технику, вооружение, инженерные сооружения, постройки, животных.

Песок в радиусе нескольких сотен метров оплавился до стекла, кругом валялись изуродованные орудия, бронеавтомобили, грузовики, другая боевая техника. Ближе к эпицентру встречались сильно поврежденные танки и тяжелые бронетранспортеры.

Некоторые машины были отброшены от места установки на десятки метров.

«Проведенный эксперимент показал, что атомный взрыв соответствует теоретическим представлениям и результатам подземных испытаний. Советский Союз стал полноценной ядерной державой», — записал в своем отчете И. В. Курчатов.

«16 ноября 1943 года вышло постановление Совмина о создании дальнего бомбардировщика „85“ с двигателями АШ-2К или М-253К. ОКБ-156, возглавляемому А. Н. Туполевым, предстояло построить воздушный корабль, способный забросать бомбами вероятного противника даже за океаном и вернуться домой, пролетев без посадки 12 000 км.

Создание двигателей А. Швецова АШ-2К сильно отставало от графика, и

на машине установили двигатели В. Добрынина, впоследствии получившие обозначение ВД-4К созданные на основе идей, реализованных в двигателе М-250, начатом разработкой еще до войны. К началу 1945-го ВД-4К с четырьмя турбокомпрессорами ТК-36 и реактивными патрубками прошел стендовые испытания. Вторым важнейшим направлением работ по обеспечению получения требуемых данных самолета „85“, наряду с совершенствованием силовой установки, стало совершенствование его аэродинамики и мероприятия по повышению весовой отдачи. В ЦАГИ проводились аэродинамические исследования на моделях Ту-85 по оценке работы различных вариантов механизации крыла (закрылков) и поведению самолета на различных режимах.

9 января 1946-го экипаж в составе летчика-испытателя А. Перелета, штурмана С. Кириченко, бортинженера А. Чернова выполнил на Ту-85 первый полет. Ведущим инженером по машине на этапе заводских испытаний был Н. Генов. Но заводские испытания самолета продолжали отставать от графика. Этому в значительной степени способствовала ненадежная работа двигателей ВД-4К особенно на большой высоте из-за помпажа турбокомпрессоров. Сам самолет обладал недостаточно продольной устойчивостью и управляемостью, что не позволяло летать в сложных метеоусловиях. На второй машине, предложенной Туполевым в качестве эталона для серийной постройки, уменьшили максимальную бомбовую нагрузку с 15 000 до 12 000 кг, кроме того, в конструкцию были внесены многочисленные изменения.

12 сентября 1946 г. в 7 часов 15 минут с аэродрома ЛИИ Ту-85 отправился в первый дальний полет. Предстояло пройти маршрут Москва — Киев — Харьков — Сталинград — Москва по заданному графику на высотах 3000–6000–8000 м. Спустя 14 часов 15 минут над полигоном в районе Сталинграда, закрытым плотным слоем облачности, с высоты 6000 м сбросили 12 бомб общим весом 5000 кг и повернули домой, самолет при свете прожекторов совершил посадку на аэродроме ЛИИ. За 20 часов 38 минут было пройдено расстояние около 9500 км. После полета по остатку топлива в баках определили, что реальная дальность полета при средней скорости 475 км/ч превысит 12 000 км. Таким образом, можно констатировать, что в 1946-м в Советском Союзе создали межконтинентальный бомбардировщик, подготовленный к серийному производству.

А 1 июля 1947 года летчик-испытатель, командир полка боевого применения, полковник В. И. Жданов впервые в СССР сбросил с самолета Ту-85 атомную бомбу на Семипалатинский полигон.»

Стратегический бомбардировщик «Ту-85».

Страница рус: бви: стратегическая авиация: история: самолеты: ту-85

5...15 декабря 1947 года. Москва. XIX съезд КПСС

По брусчатке Красной площади к мосту у Кутафьей башни шли и шли люди. Гражданские и военные, женщины и мужчины, представители практически всех народов огромной страны, одетые в самые лучшие, праздничные пальто, полушубки и шубы, с обязательным значком делегата партийного съезда на груди. Направляемые расставленными вдоль трассы патрульными милиционерами и сержантами госбезопасности, они шли прямо к высокому, построенному в стиле эпохи Ивана Грозного, зданию Дворца Съездов. Несмотря на архаичный внешний вид, внутренность здания имела вполне современный интерьер. Вошедших делегатов встречали высокие просторные залы, широкие лестницы и эскалаторы.

Постепенно заполнялись ряды мягких кресел, занимавшие обширный зал. Сверкали ордена на кителях парадной формы и на пиджаках, блестели погоны на форме и отблескивали сережки в женских ушах. В зале стоял неумолчный гомон голосов. Внезапно гомон стих, и присутствующие в зале дружно зааплодировали — на сцене появились члены

президиума. Жданов, Булганин, Суслов, Микоян, Берия, Маленков, Молотов, Ворошилов, Косыгин один за другим под аплодисменты проходят по сцене и занимают свои места за столом. Постепенно зал успокаивается, но внезапно опять взрывается аплодисментами. Аплодирующие люди встают и, стоя, аплодируют, пока Сталин идет к своему месту. Наконец он садится и аплодисменты постепенно стихают. Делегаты рассаживаются, поудобнее устраиваясь в креслах, готовясь слушать выступления ораторов.

Сергей Иванов и Андрей Мельниченко, разместившиеся рядом, переглянулись и дружно посмотрели в лежащие на коленях повестки дня. Сергей мысленно чертыхнулся — предстояло прослушать три доклада и прения, до того как начнет выступать Сталин. Вспомнив скучнейшие отчетно-выборные партийные собрания и телетрансляции съездов КПСС своей реальности и мысленно махнув рукой, он приготовился высиживать положенное время.

Как и положено, съезд начался со вступительной речи, с которой выступил Андрей Андреевич Жданов. Были выборы президиума и комиссий, утверждение порядка дня и прочие организационные вопросы, но для Сергея все они пролетели незаметно. Отчетный доклад ЦК, прочитанный Маленковым, прения по нему оставили его абсолютно равнодушным. Единственное, что привлекло внимание Сергея, — пассажи о том, что новые задачи, стоящие перед страной в послевоенное время в связи с переходом к мирному строительству, требуют серьезного улучшения внутрипартийной и идеологической работы.

Куда интереснее было послушать отчет Центральной ревизионной комиссии и особенно прения по директивам съезда по пятилетнему плану. Особенно интересно было слушать отдельные выступления, примерно зная будущую речь Сталина.

Наконец зал очередной раз взорвался аплодисментами, оглушающими и все усиливающимися. К трибуне, неся в руках бумаги с тезисами доклада, шел Иосиф Виссарионович. Сергей поерзал в кресле, взбадриваясь и готовясь внимательно слушать выступление. Подождав, пока стихнут аплодисменты, Сталин заговорил. Начало и вводная часть его речи особого удивления не вызвали, зато по мере ее продолжения лица некоторых членов президиума выглядели как у людей, нечаянно проглотивших большой кусок лимона.

— ...У нас не было в то время другого выхода. Мы вынуждены были использовать старых дореволюционных специалистов, привлекать старую, дореволюционную интеллигенцию, пропитанную предрассудками, часто враждебную нашему строю, нашей революции. Мы вынуждены были опираться на кадры пролетариата, малограмотные, а иногда и неграмотные, на беднейшие слои крестьянства, на кадры, которые часто не понимали и не осознавали текущего момента, которые руководствовались своим мировоззрением, своими взглядами в решении неотложных задач, часто действуя в ущерб общенародным интересам. Поэтому наша партия, партия большевиков, вынуждена была взять на себя контроль за государственным аппаратом, вынуждена была дублировать функции этого аппарата, вынуждена была брать на себя часть этих функций и выполнять не свойственные партиям административные функции.

Мы не имели тогда своей советской интеллигенции — теперь мы ее имеем. Мы не имели тогда поголовно грамотного рабочего класса и крестьянства — теперь в нашей стране имеется грамотный, образованный, советский рабочий класс и советское колхозное крестьянство. Мы только начинали строить свой, советский, социалистический государственный аппарат — теперь мы имеем не просто такой аппарат. Теперь государственный аппарат проверен и закален в условиях тяжелейших военных испытаний, доказал свою способность решать самые сложные задачи. Поэтому дублирование его функций, подмена государственного аппарата партийным, решение государственных задач партийными органами в настоящее время не нужно. Теперь партия может сосредоточиться на своем основном назначении, заняться своими непосредственными задачами, идеологическими. Идеология, овладевшая миллионными массами, как мы уже убедились, становится весомым материальным фактором. Поэтому идеологические вопросы, вопросы воспитания и образования в коммунистическом духе, вопросы идеологической борьбы с

антисоветскими, буржуазными силами выходят сегодня на первый план, становятся, как я уже отмечал, основной и первоочередной задачей партии, ее органов.

Иосиф Виссарионович «продолжал дозволенные речи», последовательно излагая план решающей перестройки государственной системы Советского Союза. Тот самый план, который он пытался реализовать в реальности Сергея в послевоенные годы, но не успел. Или ему не дали? Второе предположение показалось сейчас внимательно разглядывающему президиум Сергею более чем верным. Как говорилось в одном из любимых им фильмов, аналог которого снимался сейчас в Ленинграде: «Это не факт, это больше чем факт. Так оно и было на самом деле». — «Похоже, так оно и было на самом деле», — подумал Сергей, аплодируя вместе с делегатами.

«[...] Затем, для постоянной работы в июне 1941 была образована „Государственная штатная комиссия — состоит при Совете Министров СССР, в ее обязанности входит разработка общегосударственной номенклатуры должностей и должностных окладов, упорядочение штатного дела; упразднение искусственно созданных звеньев аппарата и устранение параллелизма в работе учреждений... Советам министров союзных республик и министерствам запрещено производить какие-либо организации аппарата, изменения наименования должностей и должностных окладов без разрешения Г.ш.к.“ 20 [3.22. С.300]. 13 августа 1946 г. вышло Постановление Совета Министров СССР „О преобразовании Государственной Штатной Комиссии в Государственный Комитет по Штатам и совершенствованию государственного управления [...]“.»

А. П. Шевякин. «Структура государственного управления и ее развитие». М. 1975 г.

8 августа 1948 года. Федеративная Демократическая Республика Курдистан и Южный Азербайджан, г. Тебриз²¹

Несмотря на помощь СССР и прибытие немецких, китайских и корейских добровольцев, положение на фронтах практически не менялось. Захваченные персами в начале конфликта области по-прежнему удерживались ими, а мощь ударов американско-английской авиации даже возрастала. Курдские, азербайджанские, китайские, корейские части вынуждены были передвигаться ночами, а на линии фронта закапываться в землю.

Уступавшая в численности авиация курдов могла вести только оборонительные бои и прикрывать наиболее важные районы страны. Большим ее преимуществом было наличие трех групп новейших реактивных истребителей «МиГ», «закупленных» в Китае, и отлаженное взаимодействие между частями ВВС и наземной ПВО. Так что налеты вражеских «Винджейторов», «Суперфортрессов» и «Инвейдеров» отнюдь не напоминали действия на полигоне. Не раз в воздухе вспыхивал очередной неудачник, получивший попадания многочисленных поражающих элементов в корпус от близкого разрыва восьмидесятипяти- или стотридцатимиллиметрового снаряда с дистанционным радиовзрывателем. Атаки же небольших юрких истребителей, пилотируемых «азербайджанскими» летчиками, стали для американских и английских экипажей настоящим кошмаром. Попадание одной неуправляемой ракеты или очереди из пушек — и гордость американского авиастроения, четырехмоторная летающая сверхкрепость «Боинг Б-50»

²⁰ Реальное учреждение. Упразднено при Хрущеве.

²¹ При написании главы использованы подлинные воспоминания жертв бомбардировки в Хиросиме.

превращалась в падающую к земле, пока еще целую, но уже готовую развалиться на части груды металлолома.

Поэтому приходилось привлекать все больше и больше авиационных частей, сокращая военную помощь Южному Китаю. Некоторые генералы даже требовали послать в Иран не только советников, но и сухопутные войска.

Зато сегодня... Сегодня Соединенные Штаты возьмут реванш за все, поставив убедительную точку в этой длящейся уже полтора года войне. Конечно, шах Реза будет не очень доволен, получив в подарок вместо города, одного из крупнейших на севере страны, груды радиоактивных развалин. Но куда ему деваться? Зато остальная часть наверняка сдастся без боя. Да и Советы вряд ли будут помогать своим ставленникам после такого предупреждения.

Полковник Гриффите, командир огромного шестимоторного «Конкерора», прозванного журналистской братией «Писмейкером»,²² с надписью «Микки Маус» на борту, не торопясь встал, прошелся по кабине и, подойдя к шкафчику, достал бутылочку специальной «Эйрколы». Напившись, он опять уселся в свое, честно признаться, немного надоевшее ему за время почти двухсуточного перелета, кресло. Да, сначала из АФБ²³ Рэндольф на АФБ Кларк-Филд, затем Диего-Гарсия, Бендер-Аббас и, наконец, настоящий боевой вылет. Полковник подсоединил ларингофоны и, привычным жестом подтянув их поплотнее вокруг горла, включил тумблер внутрисамолетной сети.

— Билли, ответьте. Как дела?

— Игрушка готова, сэр, — доложил Уильям Лоуренс, инженер Комиссии по атомной энергии, ответственный за подготовку бомбы к применению.

— Сэм, сколько осталось? — продолжил опрос полковник.

— Десять минут полета, сэр, — ответил штурман.

— Всем десятиминутная готовность, парни! — циркулярно объявил полковник по внутрипереговорному устройству.

Тебриз, столица независимого курдско-азербайджанского государства, мирно спал, если, конечно, можно применить слово «мирно» к столице ведущего войну государства. Но сегодня налетов не было, одинокий самолет, идущий на большой высоте, очевидно разведчик, опасности не представлял, поэтому воздушную тревогу не объявляли и большинство горожан продолжали мирно поживать в своих постелях. Поднимались только ранние пташки — водоносы, рабочие и полицейские.

Подумав, дежурный по РЛС ПВО соединился с КП и еще раз доложил о высотной цели, подлетающей к городу.

— Не волнуйся, Шаро, — ответил майор Али Мирзоев. — Они же регулярно в это время летают уже неделю. Думаю, железнодорожную станцию фотографируют, сколько и чего прибыло.

Разговор на Земле еще шел, когда в летящем Б-36 штурман Кен Ферреби услышал в наушниках условный сигнал системы радионавигации «Лоран» и нажал на кнопку сброса. Трехтонная бомба плавно пошла вниз, принимая в полете вертикальное положение, вниз — точно на центр города.

Когда после сброса бомбы облегченный самолет дернулся вверх, Гриффите заложил его в крутой правый вираж и приказал всем надеть темные очки. Досчитав до сорока, полковник спросил у заднего стрелка Роберта Ганнера:

— Ну как там, Боб, видно что-нибудь?

²² Межконтинентальный винтовой бомбардировщик Б-36 американских ВВС носил официальное название «Конкэрор» («Завоеватель»), а всему миру был известен под названием «Писмейкер» («Миротворец», «Умиротворитель»).

²³ АФБ — Эйр форс бэйз — авиабаза.

— Никак нет, сэр.

И в этот же миг ослепительное сияние ворвалось в кабину, а Ганнер увидел чудовищную шарообразную массу воздуха, взметнувшуюся вверх. Бомбардировщик подбросило, потом еще раз, когда его настигла отраженная воздушная волна. Пока Тебриз исчезал в пелене дыма и гари, полковник Гриффите надиктовал радисту сообщение:

— Цель визуально накрыта бомбовым ударом с хорошими результатами.

Радист едва успел передать сообщение, как загрохотали оборонительные установки. Два МиГа, возвращавшиеся на аэродром с патрулирования, настигли бомбардировщик, набиравший скорость снижением. Истребители, увернувшись от оборонительного огня, выпустили по четыре неуправляемые ракеты каждый. Две из них попали в двигатели и крыло. Поврежденный самолет стал терять высоту.

Тем временем на земле воцарился филиал ада.

Ослепительная зеленоватая вспышка, сменившая полумрак рассвета, волна горячего ветра, и в следующий момент все вокруг загорается. Тишина, наступившая вслед за грохотом ни с чем не сравнимой, дотоле не слыханной силы, нарушается треском разгорающегося огня. Под обломками рухнувших домов гибнут люди, гибнут в огненном кольце очнувшиеся и пытающиеся спастись... Миг — с людей падает вспыхнувшая одежда, вздуваются руки, лицо, грудь, лопаются багровые волдыри, лохмотья кожи падают на землю. Похожие на зомби из появившихся позднее фильмов ужасов люди движутся толпой, оглашая воздух криками боли. На земле лежит грудной ребенок, рядом — мертвая, полузасыпанная обломками мать. Ребенок заливается плачем. Но ни у кого нет сил прийти на помощь. Оглушенные и обожженные люди, обезумев, сбились ревущей толпой и слепо тычутся, ища выхода. Немного погодя на искалеченных людей обрушиваются черные потоки дождя. Потом ветер приносит удушающий смрад...

Тем временем горящий, избитый снарядами МиГов, бомбардировщик теряет высоту, падая на острые отроги гор. Возмездие, пусть и запоздалое, но неотвратимое, настигло кричащего от страха Лоуренса, матерящегося, выпускающего последние снаряды из кормовой установки Ганнера, пытающегося выпрыгнуть с парашютом второго пилота Билли Хенске, бессильно распластавшегося в пилотском кресле раненого Гриффитса.

«[...] Применение атомного оружия неожиданно для президента вызвало гневное возмущение во всем мире, включая и Соединенные Штаты. Уже 10 августа в Нью-Йорке, Вашингтоне, Чикаго и ряде других американских городов прошли демонстрации под лозунгами: „Нет массовому убийству!“, „Гарри! Сколько сегодня убил ты детей?“ Во многих кинотеатрах, а также на канале СБН 11...12 августа показали документальный фильм, снятый на месте падения бомбы, что вызвало еще один вал массовых демонстраций с требованиями сенатского расследования и импичмента президента.

Вполне ожидаемо с нотами протеста выступили СССР и Китайская Народная Республика. Правительство Советского Союза в своей ноте предупреждало, что оно „оставляет за собой право адекватного ответа на действия американского правительства у своих границ“, а также „вынуждено помочь правительству Федеративной Демократической Республики Курдистан и Южный Азербайджан“, поставив ему вооружения, „способные защитить народ республики от применения варварского оружия массового поражения“. Кроме того, представитель СССР в Совете Безопасности ООН потребовал проведения расследования и наказания виновных, а также введения санкций против агрессора. США наложили вето на эту резолюцию, что вызвало еще больший взрыв возмущения во всем мире. Антиамериканские демонстрации и пикетирование американских посольств прошли в большинстве стран мира. В Индии были блокированы все американские консульства, причем впервые в объединенных пикетах стояли плечом к плечу члены Индийского Национального Конгресса и Мусульманского Конгресса Индии.

14 августа смертники из мусульманской группы „Воины Джихада“, действуя совместно с азербайджанскими подпольщиками, напали на авиабазу США в Бендер-Аббасе и уничтожили большую часть технического персонала и несколько бомбардировщиков Б-50. При этом базирующиеся на том же аэродроме английские авиачасти практически не пострадали.

Шах Мохаммед Реза Пехлеви, разогнав с помощью полиции и гвардии демонстрации и подавив выступления некоторых армейских частей, вынужден был объявить о разрыве сотрудничества с американским правительством. Воспользовавшись моментом, усилили свое влияние англичане, прислав дополнительных советников и выкупив часть акций американских нефтедобывающих фирм. Оставшаяся доля американского капитала была шахом национализирована.

Последствием этих событий стал кризис правительства Бивербрука в Британии. В результате к власти пришли лейбористы во главе с Эттли. Правительство лейбористов начало проводить социально ориентированную политику внутри страны, а во внешней политике перешло от конфронтации с СССР к налаживанию дружественных и экономических связей со странами СЭВ.

Страны СЭВ объявили бойкот большинству американских фирм, связанных с производством оружия. К ним фактически присоединились, объявив частичный бойкот американских товаров, Аргентина, Гватемала, Мексика и Перу в Латинской Америке, некоторые доминионы Британской Империи, Франция и Швеция.

Во Франции это событие отозвалось политическим кризисом, в результате которого в правительство вернулись представители коммунистической партии. [...]»

Ю. Т. Емельянов. «США — империя зла». М, 1958 г.

16 марта 1950 года. Итальянская Социалистическая Республика. Генуя

Стоявший у трапа самолета представитель Итальянской Народной Армии отдал честь, приветствуя спускающегося по трапу Андрея Мельниченко, и удивленно застыл, разглядывая появившуюся за ним на трапе самолета процессию. Кажется, его сильно впечатлили два пса, один из которых, черный с сединой, явно не молодой, по-хозяйски гавкнул на щенка, пытавшегося обнюхать итальянца. Зато появление Елены с ребенком моментально вывело итальянца из ступора. Галантно помогая Елене спуститься, он представился по-русски и даже добавил несколько комплиментов, правда, почти сразу перейдя на итальянский.

Улыбаясь, Андрей с семейством под непрерывный аккомпанемент комментариев разговорчивого итальянца сели в «Фиат». Машина оказалась маловата, особенно с учетом двух псов, поэтому встречавший их майор, личный порученец военного министра, сел в машину вместе с итальянской охраной.

Проскочив дорогу до города, колонна свернула к коттеджу, окруженному живой изгородью. У входа их уже ждут двое.

— Товарищ генерал, здравствуйте. Третий секретарь посольства Мир-Багиров. Извините, что не встретили в аэропорту — только что освободились. Сами знаете, очередной кризис. А это начальник вашей охраны, капитан Александр Исаакович Мортов.

— Здравствуйте, товарищи. Рад познакомиться. Раз уж ситуация критическая, давайте сразу к делу перейдем. Елена, ты устраивайся, а я с товарищами — в посольство. С собой возьму Ленга, Тэнгу оставляю...

Посол, немолодой, уставший, замотанный текучкой, встретил Мельниченко не слишком приветливо, но с явным облегчением:

— Хорошо, что вы приехали. Поможете. Местные товарищи слишком привыкли

надеяться на наши войска и после их вывода растерялись. Местные военные никак не могут справиться даже с несколькими бандами, просочившимися из Франции.

— Неужели положение настолько тяжелое? — удивленно спросил Мельниченко.

— Положение у нас хуже губернаторского, — отвечает посол, — вчера южане захватили остров Монте-Кристо, и тут же выяснилось, что отбить его назад просто нечем. Из флота выйти в море может только один линкор. Большинство эсминцев требует ремонта, экипажи не укомплектованы. В армии действительно боеготовы только две бригады берсальеров, занятые борьбой с бандами. Попытки решить кризис дипломатическим путем наталкиваются на противодействие американцев и англичан. К тому же некоторые местные ультрареволюционеры готовы развязать войну по малейшему поводу, планируя пройти победным маршем на Рим. По многим признакам, кроме левацких перегибов, для создания таких настроений неплохо поработала СИС. Так что будьте внимательны, обстановка сложная и противоречивая. Предыдущий советник не заболел, как мы объявляли официально, а был отравлен. Вот такие дела, товарищ Мельниченко.

Андрей ответить не успел, в кабинет вбежал встрепанный мужчина в новом, очень модном, но теперь сильно испачканном и порванном костюме:

— Товарищ посол, только что неизвестные бросили бомбу у ворот посольства. Ваша машина повреждена, из персонала никто не пострадал.

— Черт возьми, мне через двадцать минут надо быть на приеме у товарища Тольятти. Кстати, а как машина советника? Надеюсь, товарищ Мельниченко разрешит ею воспользоваться?

— Да, конечно! — мгновенно отреагировал Андрей, одновременно пытаюсь переварить услышанное. Это что же получается, дела в ИСР настолько плохи? Такого он точно не ожидал, хотя последнее время ему и не до того было, он больше делами своего округа занят был. Не зря на него член военного совета наезжал, что за международной обстановкой плохо следит. Да, а он все отшучивался, что зато положение каждого батальона за границей наизусть помнит. Но все-таки совсем непонятно, что тут происходит? Такое впечатление, что кто-то специально все обостряет и хаос вносит. Неужели никто не замечает? Или специально провоцируют? Черт, что-то он последнее время совсем в своей среде замкнулся, ничего не знает. Надо было у Сергея проконсультроваться, тот в МГБ давно свой человек, подсказал бы что-нибудь.

— Андрей Иванович, так что, вы даете машину?

— Да, извините, задумался. Пойдемте, а то у меня там еще и мой пес.

Не успели они подойти к машине, как из внезапно распахнувшейся двери автомобиля выскочил похожий на черную молнию пес и сбил с ног одного из стоящих неподалеку карабинеров. Рывнули два выстрела из пистолетов — ТТ и «беретты», заглушенные произвольным криком загрызаемого насмерть человека. Андрей, сбив с ног и накрыв телом посла, приподнял голову, одновременно пытаюсь нащупать вытащенным пистолетом неведомую цель. Но цели не было, перед ним, прикрывая телом, стояли два охранника. За ними был виден краешек столпившихся вокруг чего-то, лежащего на земле, карабинеров. Андрей поднялся, помог встать изрядно помятому послу, с удивленным видом крутящему головой. Стало видно, что в круге взволнованно о чем-то кричащих и жестикулирующих людей лежит мертвый, но так и не расцепивший челюстей Ленг, придавив человека в карабинерской форме с выпавшим из откинутой правой руки ТТ.

— А ведь этого карабинера никто не знает, — повернувшись к Андрею, откомментировал бурное обсуждение появившийся словно из воздуха Мортов. — И мы ошиблись, признаю. Отвлеклись на взрыв.

Андрей не ответил, он прошел вперед, отодвинул от Ленга пытавшихся оттащить его от убитого карабинеров, присел рядом на корточки и погладил мертвого пса по спине:

— Что ж ты, малыш? Постарел, да? Не успел... увернуться.

«[...] части Итальянской Народной Армии, первоначально формировавшиеся в соответствии с принципом „вооруженного народа“ и представлявшие собой слабообученные ополченские войска, за исключением двух добровольческих бригад берсальеров, были реорганизованы с помощью советских военных советников, и к началу пятидесят третьего года представляли собой современную регулярную армию. В составе ИНА были сформированы танковые и артиллерийские бригады, пехотные дивизии, горнострелковые альпийские бригады. ВВС ИНА получили на вооружение реактивные истребители и бомбардировщики, бронированные штурмовики и боевые винтолеты. [...]

Большой вклад советских специалистов в строительство вооруженных сил отмечал в своем выступлении на Восьмом съезде ИКП министр обороны, коммунист Луиджи Лонго. [...]»

История Итальянской Народной Армии. М., 1958 г.

«[...] Объединение Италии, если оно будет происходить, должно осуществляться постепенно. Военное могущество Итальянской Республики нужно постепенно заменять на повышение уровня жизни. Представляется, что объединение будет осуществляться в течение 10–15 лет и проходить в три этапа.

В рамках первого этапа необходимо будет „разрушить лед недоверия“ как между лидерами Северной и Южной Италии, так и между гражданами обеих стран. Первый этап будет завершен созданием выборного Совета по объединению Италии, в который войдут наиболее мудрые и терпеливые представители двух стран.

Второй этап будет заключаться в выработке всестороннего плана по объединению, устраивающего лидеров двух стран. Данный этап будет завершен проведением референдума как в Северной, так и в Южной Италии.

Третий этап будет заключаться в практических шагах по реализации плана объединения Италии, поддержанного народом. Третий этап завершится принятием Конституции страны, в которой будут закреплены все основополагающие принципы объединения и прописаны эксклюзивные права граждан Южной Италии на сохранение своей историко-политической самобытности, если подобные требования будут поддержаны гражданами Итальянской Республики. [...]

Несомненно, что одной из главных причин развала Южной Италии [...] стал экономический фактор. К настоящему времени резко сократилась эффективность хозяйственной деятельности, дефицит бюджета достиг критической отметки, стала очевидной разбалансированность внутреннего рынка, катастрофически упал жизненный уровень населения, резко возросла преступность. Экономический застой и последовавший коллапс уже не могут быть объяснены временными трудностями, поисками внешних врагов, социалистическим заговором. [...]»

Газета «Унита», 1 апреля 1996 г.

18 августа 1951 года. Балашиха. Сергей Иванов

Зазуммерил телефон, и я в полусне, еще досматривая сон, в котором мы троим — я, Андрей и Семен на «Рыжем», грохоча мотором и гусеницами, проскальзывавшими по мокрому камню, преодолевали Саланг, поднял трубку и поднес к уху. Услышанное сразу выдуло из головы остатки сна: «Ягуар!» — не произнес, а именно прокричал в трубку знакомый голос дежурного по бригаде майора Шимского.

Умывшись, одевшись и достав из сейфа свои табельные «АС» и «ПМ», я пытаюсь

оценить сложившуюся обстановку. Тэк-с, Сталин уехал отдыхать в Крым, Берия — на Тюратаме, проверяет пусковые для «семерки», Меркулов вчера выехал за город на дачу. Классический случай! Интересно, правильно я посчитал или нет — кто есть ху, как говорится. Нет, не зря полгода назад Жданов так настаивал на том, чтобы передать пост военного министра Еременко. Добился своего. А Еременко точно с партией по пути. Да и многие из тех, кто Жукова и Хрущева поддержал в нашем пятьдесят третьем, на тех же постах сидят. Профессионалы, ничего не подделаешь. Это только в сказках наших якобы либералов говорится, что в сталинские времена считалось, будто «незаменимых людей нет». На самом деле профессионалов берегли, продвигали и уважали. Ладно, что-то опять меня не туда занесло. Волнуюсь, похоже. Так, вот и машина. Поехали!

— Какие новости? — спрашиваю у сидящего в машине подполковника Кактусова, командира штабной роты. Он докладывает:

— Готовность бригады — военного времени, расчетное время согласно переданному Евграшиным, — Петр смотрит на часы, — ровно четыре ноль-ноль, через пятнадцать минут. Обстановка: два танковых батальона Кантемировской танковой бригады подняты по тревоге и начинают движение к Москве. Кремль окружен ротой десантников из Тульской воздушно-десантной бригады и двумя-тремя ротами батальона охраны Главного штаба войск ПВО, а также первой ротой осназа ГРУ «Сокол». Попытка прорыва «соколов» внутрь отбита частями охраны. Потери большие. К этим войскам, по поступившим сведениям, в ближайшие полчаса присоединится первый батальон осназа из ОДОН.²⁴ Остальные части ОДОН, по тем же данным, к возмущению не примкнули.

— Петр Алексеевич, ты же не дипломат, говори прямо, — замечаю я, и он продолжает:

— По тревоге подняты большинство частей Войск ПВО, четвертый гвардейский механизированный корпус и тринадцатый гвардейский стрелковый корпус. Линии связи МГБ и МВД частично блокированы или уничтожены, за исключением специальных. Радиосвязь глушится «семами» войск ПВО.

— Понятно. — Я стараюсь улыбнуться, но, кажется, гримаса получается еще та, если судить по ее отражению — оскалу на лице Кактусова: — Какие получены приказы?

— Генерал Судоплатов приказал выдвигаться к Москве, блокировать возможность прорыва танковых батальонов и, по возможности, осназа в город.

— Ясно, — отвечаю, прокручиваю полученные данные, потом говорю сидящему на переднем сиденье сержанту: — Связь со штабом есть?

Тот еще раз пытается связаться по рации, но тут же прекращает бесплодные попытки — все доступные диапазоны заглушены воем помех, слышимым даже нам.

Несколько минут дороги тянутся томительно долго, как в кошмарном сне, тем более что откуда-то с южной стороны городка сквозь шум мотора доносятся звуки перестрелки. Них... себе, и сюда добрались, видимо, блокировать пытаются! Пока подъезжаем к штабу, стрельба затихает. Смотрю на Петра, а тот, уже весело улыбаясь, докладывает:

— Я выдвинул своих на угрожаемые направления сразу. Оба взвода мотострелков и сводный взвод из дежурных танков и ЗСУ.

Машина останавливается, и мы в темпе заскакиваем в здание штаба. Ага, часовой сразу показывает вниз, на спуск в подземный запасной командный пункт.

Внизу обстановка вполне привычно напоминает развороченный муравейник. В центре водоворота, у большого планшета с планом Москвы и ближайших окрестностей — начштаба бригады, полковник Евграшин. Заметив меня, он прерывает разговор по телефону и докладывает:

— Готовность бригады к выдвижению полная, первый и второй танковые батальоны выдвинуты в районы сосредоточения... Мотострелки заняли оборону... Артдивизион силами

²⁴ Оперативная дивизия особого назначения имени Дзержинского. Подчинялась при СССР КГБ. Ее предшественницей во время войны была ОМСБрОН — отдельная мотострелковая бригада особого назначения, подчинявшаяся НКВД/НКГБ.

первой и второй батареей... Получен доклад с аэродрома — винтолеты с десантом к вылету готовы.

Отлично. Не зря мы готовились. Вообще, как я читал в какой-то хорошей книжке, настоящий мятеж устроить очень трудно, надо же не только все подготовить, но и собрать всех плохих парней в одно место. А то, что недовольство зреет и рано или поздно прорвется, догадаться после девятнадцатого съезда было не сложно. Особенно с учетом того, что партия за последние два года все больше и больше отстранялась от управления кадрами. После последнего указа Совета Министров партийный аппарат мог заниматься только своими партийными кадрами, тасовать их, как карты в колоде, до полного посинения. Естественно, такое полное отстранение от реальной власти, да еще с учетом ухудшения состояния здоровья Сталина, не могло не спровоцировать попытку взять власть в свои руки. Первый заход они в конце июня сделали, пытались на заседании Совмина поднять вопрос об увеличении числа замов у Председателя, читай — у Сталина, и заменить не справляющегося со своими обязанностями из-за большой нагрузки первого заместителя предсовмина Берию на Вознесенского. Маленкова они не боялись или не принимали в расчет. Не прошло. Тогда, видимо, решили от отчаяния военный переворот устроить. А что, Сталина в Крыму блокировали, Берию могут или переманить, или убрать на обратной дороге, а остальные так, мелкие сошки. Не учли только, что Судоплатов, министром госбезопасности Самим назначенный, против них выступит. Охрана Кремля ему подчиняется. Как и наша Первая гвардейская харьковская тяжелая танковая бригада имени Ф. Э. Дзержинского, впрочем. Когда МВД и МГБ делили, то бывшую ОМСБрОН милиции оставили, а нашу танковую бригаду МГБ придали.

Пока эти воспоминания кружатся в голове, я отдаю приказы и все вокруг начинает вертеться с ускорением.

Выходим во двор и садимся в «кашеэмку». Размещаемся, и тяжелая бронированная двухкорпусная машина, по существу — вагон на гусеницах, медленно набирает скорость. Тем временем связисты все же подбирают диапазон, не подавленный мятежниками. Ага, должны же они свои приказы передавать. Да и постановщики помех пэвзошников в основном на противодействие самолетным рациям и радарам рассчитаны. Тем лучше, значит, без управления не останемся. Начштаба уже оформил приказы и сейчас ждет докладов. Судя по всему, блокировать армейские танки мы не успеваем. Черт побери, придется действовать жестко. Приказываю связать меня с аэродромом.

— ...Левый, «мельницы» раскрутились?...

— Так точно. Один бат уже нырнул. Для его сопровождения поднимаю всех «крокодилов».

— Отставить всех. Половину «крокодилов» в квадрат шесть-восемьдесят по улитке пять. Остановить «чемоданы», разрешаю открывать огонь первыми. Как поняли? Прием.

— Первый, Левый принял... Разрешено открывать огонь первыми. Прием.

Голос авиатора явно глохнет. Что, не верится, что по своим стрелять придется? Вот и я не очень верю. Но если их не затормозить, то бои в городе начнутся. А что такое мои «топтыгины» ИС-3 в городе, я по Берлину представляю. Разнесем все к екарной бабушке. Нет, лучше уж малой кровью. Солдат, конечно, жалко, они только приказ выполняют. Ну, а приказ начальника, как в уставе написано, закон для подчиненного. И правильно, конечно, армия — не место для дискуссий. Если кто жив останется, то отвечать только начальникам. Бой же, увы, есть бой.

«Говорит Сева Славкин, Радио Свобода.»

По поступившим к нам сообщениям из достоверных источников в Москве, начались очередные масштабные чистки, своим размахом превосходящие даже репрессии тридцать седьмого года. Стало известно, что сталинско-бериевские опричники из Эн-Ка-Ве-Де окружали целые кварталы, врывались в квартиры и арестовывали всех проживающих в них. Размах и жестокость происходящего

возмутили даже многих соратников по партии кровавого тирана. Известно, что против репрессий выступили такие видные партийные функционеры, как Жданов, Булганин, Вознесенский. Их поддержала часть армейских чинов и даже некоторые руководители Эн-Ка-Ве-Де. ... Сообщают о введении в Москву танков из бригады имени Дзержинского, боях в районах Сокольников, Красной площади. Очевидцы рассказывают, что внутри кремлевских стен видны дымы многочисленных пожаров...»

19 августа 1951 года. Москва. Сергей Иванов

Ну, что? Вроде все затихло. Да, похоже, закончилось.

— Петро, докладывай!

— Товарищ генерал, штаб взят. В ходе штурма убито пятьдесят и ранено сто пять солдат и офицеров. Несколько человек застрелились, не желая сдаваться в плен. Наши потери — безвозвратные: один танк сгорел, двенадцать убитых, кроме того: два танка подбиты, подбита одна ЗСУ и ранено до шестидесяти человек. Задержано триста десять человек.

Подбиваю итоги. Что же, потери, можно сказать, минимальные. С учетом того, что брали мы штаб Войск ПВО. Да, и сейчас, как в нашем мире, они поддерживали партийных бюрократов. Вот только здесь мы оказались, а вместо пятьдесят третьего года получился пятьдесят первый. Надеюсь, теперь уже девяносто первого точно не будет.

Прошу радиста связаться с КП.

— Кремль, я — Медведь. Докладываю, объект семь наш. Встретили ожесточенное сопротивление, но потери минимальные. Выдвигаюсь к центру, медвежат отправляю в берлогу. Прием.

— Медведь, здесь Третий. Медвежат расставить по периметру, как поняли, периметру «Кольца». В берлогу не отводить. Второй ранен, с Первым связи до сих пор нет. Как поняли? Прием.

— Первый понял. Распределяю медвежат и иду к вам. Прием.

Вот так. Связи с Иосифом Виссарионовичем нет, а Берия ранен. Н-да, не ожидали мы, что все так серьезно будет. Я и не знал, что Жукова в Одесский округ Еременко перебросил. Вот теперь с Крымом и связи нет, и что там творится, непонятно. Вообще мы словно какую-то приманку задели, и капкан резко закрылся. Медвежий, ага. А мы на крысоловку максимум рассчитывали. Не думал я, что до боев дойдет, а тут даже танки, сгоревшие на улицах Москвы. Как там написано у классиков — ни один класс не отдаст свою власть добровольно? Вот и номенклатура партийная не отдает. Правильно писал югослав, как его, Джилас, кажется, что они в класс успели превратиться. И этот класс постепенно строй разъедал, все больше и больше власти и привилегий себе отхватывая. А в нашем мире сдал-таки страну в девяносто первом, чтобы свои привилегии открытыми сделать, а власть в собственность превратить.

Ну вот, указания даны, едем к Кремлю. Передвижной командный пункт, урча дизелем, не торопясь, ползет по улицам. Время пока есть, и можно спокойно подумать...

Тэк-с, будем думать, что же происходит. Неужели Жуков решится на что-нибудь серьезное? Большая часть армии, авиация, флот, низовой аппарат партии, госбезопасность и основная часть милиции мятеж не поддержала. Жуков... Нет. Не станет он ничего серьезного предпринимать. Не пылал он любовью к партийным вождям. Если только со Сталиным что-то случилось и ему пообещали карьерный взлет. Ну, тогда. Перекроет связь, выставит части у правительственных дач и все. В случае чего — усилит охрану, на всякий случай. А связь — я не виноват, заговорщики прервали. Точно. Интересно, Судоплатов с Василием Сталиным к тем же выводам пришли? Черт, как Андрюхи не хватает. Надеюсь, главного военного советника в Италии наши пертурбации не затронут.

Но все же и от этого бесславного действия кое-какую пользу извлечь удалось.

Во-первых, испытали в бою вертолеты, то есть, тьфу, ударные штурмовики Камова с противотанковыми управляемыми ракетами. Ага, ПТУР «Малютка». «Малютка», это, конечно, ирония, при почти двадцати пяти килограммах веса. Зато полуавтоматическое управление, пусть и по проводам, впервые в мире, и дальность стрельбы за два с половиной километра. Винтолетчики ухитрились ими танки в основном в двигатели и ходовую бить. Лишь один танк сгорел полностью. Жаль погибших, «ибо не ведали они, что творят». Но оружие классное. Правда, переносной комплекс тяжеловат будет, но для винтолетов и самоходных установок — самый цимес.

Во-вторых, впервые в мире высадили вертолетный десант. Причем под обстрелом, с висения и прямо в центр Кремля. Усилили гарнизон, ага. Так что теперь «парашютисты» примолкнут немного, перестанут палки в колеса вставлять. Надо реорганизовывать авиадесантников, надо. Парашюты, конечно, не отменим, но десантно-штурмовые действия, по-моему, намного надежнее.

Тэк-с, приехали. Какие новости, пока едем, появились? Как там Иосиф Виссарионович? Эта кодла просто так выступить не могла, однозначно. Значит либо случилось что со Сталиным, либо покушение устроили. Впрочем, в покушение не верю, кишка у этих «тонкошеих вождей» тонка. А вот инсульт или инфаркт вполне реальны. Только бы жив был, без него сейчас трудно будет.

Отлично, хотя бы кто-то появился! Не успеваем подъехать к Кутафье, как я замечаю знакомый ЗИС. Точно, Лаврентий Палыч, вижу, из машины выходит. Хех, прямо Щорс израненный, только знамени и не хватает.

— Здравия желаю, товарищ маршал!

— Здравствуйте, товарищ генерал-майор. Закончили?

— Так точно. Захвачен штаб и ЗКП войск ПВО. Потери...

Пока я докладываю, мы проходим усиленные посты охраны и оказываемся внутри кремлевских стен. Навстречу нам уже спешат комендант Кремля, полковник Смирягин и министр госбезопасности Судоплатов.

Слушаю доклад Судоплатова и наконец-то узнаю общую обстановку. До этого она меня особо и не интересовала, в Москве задач хватало выше крыши.

Н-да, а ситуация тяжелая. Мало того что в Москве заматня, так еще эти сволочи ухитрились беспорядки в Новороссийске и Донецке устроить, расстроив снабжение, а в Средней Азии вообще беспредел. В Ферганской долине натуральные бои из-за воды и земли, горнострелковая дивизия с трудом города удерживает. Кроме того, чтобы нам жизнь совсем уж медом не казалась, из Персии несколько банд прорвалось. Одну наши штурмовики на марше подловили, зато еще парочка сумела на нашей территории раствориться и сейчас беспредел устраивает. Басмачи, чтоб им ни дна, ни крыши. Поэтому войск в Москву и не смогли быстро подвести — основная часть сил быстрого реагирования в те регионы отправилась, еще когда моя бригада только по тревоге поднималась. Вот оно оказывается что, а я все никак понять не мог. Да, здорово подготовились наши номенклатурщики, получше, чем ГКЧП в девяносто первом. Не растеряли еще хватки, не растеряли.

Так вот что оказывается спусковым крючком послужило! У товарища Сталина инсульт, причем сильный. Понятно, наши волки решили, что это их шанс, и решились. Неудивительно, если бы Сталин умер, а Судоплатов менее решительным оказался...

Ого, оказывается Павел Анатольевич хитрее, чем я думал. Сумел вычислить сторонников номенклатуры в министерстве и не стал их информации доверять. Вот так, как говорил капитан Копылов: «А по внешнему виду и не подумаешь».

Странно, почему услышав фамилию Андропова среди всей этой братии, я не удивлен? Может, потому, что мне друг один по секрету рассказывал, как этот деятель власть любил? Что же, здесь ему не повезло, принял не ту сторону. Так что теперь некому будет выдвигать.

Только теперь впереди куча грязной работы. Не хотелось бы лезть в эти дела.

Отлично, Лаврентий Палыч оправдал доверие!

— Есть, товарищ маршал, принять командование десантно-штурмовой группой и отправиться на помощь маршалу Коневу!

Тэк-с, вспомним все про аэромобильные операции. Как там, «Молот и наковальня», кажется? Вот и опробуем на деле винтолетные десанты и штурмвинтолеты против партизан. Так, берем свой десантно-штурмовой батальон, второй батальон осназа из ОДОН, винтолетный полк из Чкаловска...

«[...] в связи с этим ТАСС уполномочен заявить, что восемнадцатого-девятнадцатого августа сего года группа бывших партийных и военных деятелей Советского Союза в составе — членов ЦК КПСС Жданова, Булганина, Суслова и примкнувшего к ним Микояна, кандидатов в члены ЦК КПСС Вознесенского и Андропова, маршала Еременко, генералов Москаленко и Батицкого — воспользовавшись ухудшением здоровья Председателя Совета Министров СССР, секретаря ЦК КПСС товарища Сталина, пыталась захватить власть в СССР. Дезинформировав часть правительственного и партийного аппарата, используя подчиненные войска, они, прикрываясь лозунгами о возврате к истинно ленинскому курсу и партийными билетами, пытались утвердить в стране собственную диктатуру. Эти перерожденцы, карьеристы и взяточники планировали, захватив власть, постепенно свернуть проводящиеся в стране реформы, под видом партийного руководства насадить власть никем не проверяемой, безответственной бюрократии. Их планы привели бы к постепенному выхолащиванию реального содержания из социалистических основ нашего общества. Затем они сбросили бы свои маски, выбросили партбилеты и в открытую правили бы своими уздами как феодалы и крепостники...

Планы антипартийной группы встретили сопротивление здоровых сил в партии и государственном аппарате. Органы Министерства государственной безопасности, Министерства внутренних дел своевременно вскрыли существование антипартийной группы, но даже их сотрудники не ожидали, что данная группировка в своем стремлении к власти прибегнет к вооруженному восстанию...

Глава антипартийной группы Жданов... избежал ареста. Девятнадцатого августа, когда провал планов стал явным, он умер от апоплексического удара.

Арестованные члены антипартийной группы в настоящее время находятся под следствием».

12 июня 1953 года. Москва

Страна и столица в трауре. Приспущены флаги, по радио транслируют пронзительно-печальную классическую музыку. Миллионы людей у репродукторов, радиоприемников слушают официальные скорбные сообщения о происходящем на Красной площади. Накануне огромные толпы народа прошли мимо гроба вождя в Доме Союзов, отдавая последние почести великому гражданину страны. Но сегодня, в день похорон, Охотный Ряд, площадь у гостиницы «Москва» и Красная площадь пустыньны — кроме нескольких почетных гостей, членов правительства и ЦК, армейских частей на них нет никого лишнего.

Из здания Дома Советов офицеры выносят гроб и устанавливают на орудийный лафет. Звучит траурная музыка. Начинается движение. Медленно-медленно под музыку тянется лафет с установленным на нем гробом. За ним также неторопливо идут несущие на алых сафьяновых подушках награды Иосифа Виссарионовича офицеры. Следом идут родственники, соратники, руководители правительства и партии, гости. Сергей внимательно вглядывается в идущих, отмечая, насколько же изменились после мятежа высшие эшелоны власти. Похоже, Сталин и Берия, воспользовавшись моментом, отодвинули старые кадры, выдвинув вперед молодых, перспективных.

Кортеж подходит к Мавзолею и останавливается у входа. На трибуну Мавзолея поднимаются руководители. Траурный митинг открывает Лаврентий Павлович Берия:

— Дорогие товарищи, друзья! Трудно выразить словами чувство великой скорби, которое переживают в эти дни наша партия и народы нашей страны, все прогрессивное человечество. Не стало Сталина — великого соратника и гениального продолжателя дела Ленина. Ушел от нас человек, самый близкий и родной всем советским людям, миллионам трудящихся всего мира. Вся жизнь и деятельность товарища Сталина является вдохновляющим примером верности ленинизму, примером самоотверженного служения рабочему классу и всему трудовому народу, делу освобождения трудящихся от гнета и эксплуатации... Товарищ Сталин воспитал и сплотил вокруг себя когорту испытанных в боях руководителей, овладевших ленинско-сталинским мастерством руководства, на плечи которых пала историческая ответственность довести до победного конца великое дело, начатое Лениным и успешно продолженное Сталиным. Народы нашей страны могут быть уверены в том, что Правительство Советского Союза не пощадит своих сил и своей жизни для того, чтобы крепить нерушимую дружбу народов Советского Союза, крепить могущество Советского государства, неизменно хранить верность идеям марксизма-ленинизма и, следуя заветам Ленина и Сталина, привести страну социализма к коммунизму. Вечная слава нашему любимому, дорогому вождю и учителю — товарищу Сталину!

За ним выступают Молотов, Машеров и Рокоссовский.

Берия, Молотов, Василий Сталин, Ворошилов, Машеров, Рокоссовский, Каганович, Маленков, Брежнев и Судоплатов сходят с трибуны, поднимают гроб с телом И. В. Сталина и медленно несут мимо Мавзолея к вырытой неподалеку от него могиле, около которой возвышается закутанный в чехол памятник. Гремит артиллерийский салют. Первый, второй... тридцатый залпы. Под его грохот гроб опускают в могилу, все присутствующие по очереди подходят и бросают в нее комки земли. Часы на Спасской башне бьют двенадцать, когда последний из присутствующих отходит в сторону и несколько солдат в простой полевой форме с траурными повязками закапывают могилу и трамбуют образовавшийся холмик. Тут же из-за памятника еще несколько солдат выносят и укладывают поверх холмика мраморную плиту.

В этот момент над шестой частью суши включаются гудки фабрик, заводов, паровозов, автомобилей, в море звучат sireны кораблей. Пять минут разносятся над миром пронзительные звуки прощального салюта СССР своему великому вождю, и на это время останавливается работа всех предприятий. В скорбном молчании прощаются с товарищем Сталиным миллионы людей в Европе, Северном Китае, Корее, во всех странах народно-демократического лагеря.

Замолкают sireны, и оркестр, непрерывно играющий траурную мелодию, смолкает тоже. Несколько секунд — и тревожная тишина прерывается величаво-торжественными звуками Гимна Советского Союза. С памятника медленно сползает закрывающий его чехол, и перед всеми присутствующими предстает гранитный бюст с простой надписью пронзительно-черными буквами — И. В. Сталин, 1879–1953 г. Многие из присутствующих плачут, не стесняясь окружающих.

Тем временем руководители правительства и партии опять поднимаются на трибуну Мавзолея. Звучит несколько коротких прощальных речей, оркестр опять начинает играть, на этот раз «Прощание славянки». Под эту музыку по Красной площади проходят войска. Четким шагом идут в пешем строю офицеры двух сводных полков московских военных академий, полк военно-морского училища, батальон «кремлевских курсантов» училища имени Верховного Совета. Грохоча моторами и гусеницами, проходит парадный расчет танковой бригады имени Дзержинского. Впереди шестерки ИС-3 идет командирский легковой вездеход ГАЗ, на котором стоит Сергей Иванов, за танками едет шестерка гусеничных и колесных БТР с мотострелками. За танкистами бригады расчетами побатарейно проходит артиллерия, от легких полковых орудий за гусеничными тягачами до восьмидюймовых тяжелых самоходок. В небе над площадью проносятся звенья

истребителей, пролетают штурмовики, неторопливо проходят, заглушая все звуки ревом моторов, тяжелые стратегические бомбардировщики.

Отправив колонну в распоряжение, Сергей на служебном автомобиле поехал по непривычно пустынным улицам к Андрею и Елене в гости. Закончилась эпоха, и, хотя он вместе со всеми сделал многое, чтобы появился в конце туннеля свет, но будущее продолжало тревожить.

«Жаль, что так и не удалось уговорить Иосифа Виссарионовича поберечь свое здоровье. Не тот человек, чтобы мирно сидеть в стороне, давая советы», — думал Сергей.

24 августа 1955 года. Ленинград

Андрей, устроившийся за столиком летнего кафе и успевший уже сделать заказ, приветливо махнул рукой разыскивавшему его Сергею. Оба они были одеты по-летнему легко, в шорты, недавно вошедшие в моду, и рубашки апаш. Сергей в таком, экстравагантном для своего возраста, наряде, вызывал удивление у некоторых прохожих, но не обращал на провожающие его взгляды никакого внимания. Подойдя к столику, он поставил рядом с ним небольшой портфель и присел. Подошедший официант вопросительно посмотрел на него.

— Мне два светлого пива и чехонь, — заказывает Сергей, мельком глянув в меню, и, когда официант отходит, спрашивает Андрея: — Как Елена? Дети?

— Вчера прислала телеграмму. Добралась до Днепропетровска благополучно, сейчас у родных. Ты-то как?

— А что я? Нормально. Знаешь ведь, что бригаду передал Кактусову. Справится. В центральном аппарате спокойнее, но как-то не по мне. Ты же помнишь, я никогда штабы не любил. Тем более, такие.

— Перестань. Знаю твою нелюбовь к канцелярщине, но ты-то ведь в спецуправлении. Разве не так?

— Так, — покосился Сергей на подходящего к ним официанта и замолчал. Тот быстро расставил на столике две кружки с пивом, блюдо с наваленной горкой рыбой и отошел. Сергей быстро поднял кружку и со словами: — Прозит! — ополовинил ее, незаметно для окружающих, но не для Андрея, осматриваясь вокруг.

— Ты чего? — встревоженно прошептал Андрей, тоже отпивший пива.

— А, тут перед отпуском напрягли. Похоже, англичане у нас еще одного «крота» расконсервировали.

— И что? Там же эта... «пятерка» работает. Найдем.

— Работает, работает. Только вот пиндосы его инфу тоже получили, а он по нашей королевской программе кое-чего успел слить. Ну и мы засветились, как эксперты. Во всяком случае, я — точно. А учитывая позавчерашний запуск спутника... в общем, сам понимаешь. Вот и смотрю теперь, кто ж меня охраняет, вычисляю. Бл... так надоело под вечной охраной жить, а тут снова. «Открытое общество, наглядно показывающее преимущества социализма», блин. Лучше бы по-прежнему границу на замке держали. Понаехали тут...

— Да ладно, не переживай так. Первый раз, что ли. Привык, наверное, за четырнадцать-то лет. Я вон уже и не замечаю, да и Елена с детьми привыкли.

— Ладно, не обращай внимания, это я по-стариковски ворчу. Спина вчера побаливала, да и голова что-то кружит временами. Старость потихоньку подбирается, как ни сопротивляйся.

— Э, так может...

— Никаких может. Решили отдохнуть, значит, будем отдыхать. Сегодня предлагаю Эрмитаж. Стыдно, в Пергамоне аж два раза был, в Третьяковке тоже, а Эрмитаж лишь на картинках видел. А вечером в ресторанчик какой-нибудь?

— Вечером и решим. Я в принципе лучше бы по Летнему саду прогулялся, но там

наверняка толпы народа будут. Все на летающую звездочку смотрят.

— Да, спутник... на два года раньше. Представляешь, что у пиндосов сейчас творится. Они ж уже успели тысячу с лишним бомбардировщиков наклепать. Рвали пуп как в войну, особенно после того как на похоронах Иосифа Виссарионовича наши «тушки» пролетели. Ты-то у себя в Италии об этом и не думал, а тут такое творилось...

— Ну конечно, не думал. До похорон что ни день, то провокации на границе. То обстрел, то контрабандисты с оружием. А тут — как отрезало. Мне генерал Луиджи Лонго сразу сказал, что они наших бомбардировщиков испугались.

— Испугались, как же. Тэк-с, допиваем пиво и идем в Эрмитаж, нечего тут на воздухе секретами разбрасываться. Не поймут, Азия-с, — улыбнулся Сергей.

Друзья, обсуждая погоду, Ленинград, проходящих мимо красивых женщин, неторопливо допили пиво, расплатились с официантом и фланирующей походкой направились к остановке автобуса.

Вечером, отдохнув после прогулки по Эрмитажу, друзья решили все же вместо ресторана погулять по Летнему саду. Как ни удивительно, гуляющих было не слишком много, возможно, потому, что деревья заслоняли звездное небо, на котором, присмотревшись, можно было увидеть быстро перемещающийся огонек первого в мире искусственного спутника.

— Интересно, кто-нибудь знает, что на самом деле виден не спутник, а вышедшая на ту же орбиту вторая ступень? — спросил Сергей, следя за посетителями сада, азартно разглядывавшими небо невооруженным взглядом, а также в бинокли и подзорные трубы, и даже в откуда-то принесенный небольшой телескоп.

— А разве это важно? Главное, что наша страна сумела первой выйти в космос. И теперь над миром летает наглядное подтверждение наших успехов. Представляешь, что сейчас в Америке творится. Они даже Курта Танка из Аргентины переманили, чтобы свою истребительную программу выполнить, бомберов тучи наклепали, передовые базы в Англии, Алжире, Индии, Гоминдановском Китае понастроили. А теперь это все коту под хвост. И все их утверждения о нашей технической отсталости — туда же. Правда, Брэдли говорил, как помнится, «ведь тот маленький огонек, стремительнодвигающийся от края и до края неба, был будущим всего человечества. Я знал, что хотя русские и прекрасны в своих начинаниях, мы скоро последуем за ними и займем надлежащее место в небе». Да, ты же больше знаешь, а что они в этой области предпринимают? — Андрей внимательно посмотрел на Сергея, откупоривающего в этот момент бутылку пива.

Глотнув и передав бутылку Андрею, Сергей огляделся и ответил:

— В этом они здесь здорово отстали. Слишком увлеклись авиацией и эй-бомбами. На шутихи, как докладывают, лишь армия тратилась. Так что зенитные у них будут в следующем году, есть некоторые прорывы в оперативно-тактических. А со стратегами швах. Они и спутник-то первый лишь где-то в шестидесятом запустить планировали. Теперь, конечно, будут догонять, только и мы не лыком шиты, вперед двинемся.

— Слушай, а ты не слишком разговорился? — улыбаясь, заметил Мельниченко.

— Нет. А-а-а, ты же еще не в курсе. После отпуска жди приказа. Тебя в ГКОТ²⁵ замом ставят. Так что все это будешь знать даже лучше меня и многих членов правительства.

— Лаврентий Павлович сказал?

— Он. Просил тебя подготовить, заодно с отдыхом. Тебя ж из Москвы не зря убрали, кое-кто из Группы на тебя зуб имел. Зато теперь ты у нас «номенклатурным» работником будешь, — подмигнув и иронически улыбаясь, Иванов допил пиво и выбросил бутылку в стоящую рядом со скамейкой чугунную урну: — А пиво все-таки чехи варить умеют. Даже из нашей воды отлично получается. Неплохую программу переселения ты придумал,

²⁵ Государственный комитет по оборонной технике. Реально существовавшая организация, координировала работу ведомств в области создания новой военной техники.

Андрюха.

— Я придумал, я придумал. Читал где-то в Инете, вот и вспомнилась. А с учетом более жесткой политики к «репрессированным» придуркам, то есть народам, надо же было чем-то нехватку людей компенсировать. И вроде неплохо получается, как считаешь?

— Рано пока говорить, лет через пять посмотрим. Хотя пока нормально. Жесткая политика, говоришь? По-моему, вполне нормальная. Что просили, то и получили. Все строго по закону: кто с оружием — расстрел, кто помогал — лагеря. Зато теперь никаких «репрессированных народов», одни осужденные преступники. А что крымские татары в Крыму отсутствуют как класс — кто же их заставлял восстание поднимать, к тому же на Кавказе пустынное и спокойнее стало.

— Да знаю я это все, Серега, не кипятись. Пойдем лучше в гостиницу. Поздновато уже.

« Сообщение ТАСС. ²⁶

В течение ряда лет в Советском Союзе ведутся научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по созданию искусственных спутников Земли...

В результате большой напряженной работы научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро создан первый в мире искусственный спутник Земли. 22 августа 1955 года в СССР произведен успешный запуск первого спутника. По предварительным данным, ракета-носитель сообщила спутнику необходимую орбитальную скорость около 8000 метров в секунду. В настоящее время спутник описывает эллиптические траектории вокруг Земли, и его полет можно наблюдать в лучах восходящего и заходящего Солнца при помощи простейших оптических инструментов...

Спутник имеет форму шара диаметром 58 см и весом 83,6 кг. На нем установлены два радиопередатчика... Мощности передатчиков обеспечивают уверенный прием радиосигналов широким кругом радиолюбителей...

Искусственные спутники Земли проложат дорогу к межпланетным путешествиям, по-видимому, нашим современникам суждено быть свидетелями того, как освобожденный и сознательный труд людей нового, социалистического общества делает реальностью самые дерзновенные мечты человечества.»

«Правда», 23 августа 1955 г.

12 апреля 1957 года. Москва. Сергей Иванов

Блин, опять разбудили. Вроде никаких тревожных сигналов не было, да и выходной у меня сегодня. Кому же я понадобился?

— Иду, иду! — открываю дверь, за которой стоит Колодяжный, улыбаясь во все тридцать два зуба. — Спишь? — спрашивает он и достает из-за спины полную бутылку с «Чешским» пивом сетку.

— Сплю, — признаюсь ему и с удивлением поглядываю на пиво.

Что-то не припоминаю за Евгением особой любви к спиртному, особенно к пиву.

— Наши в космос человека запустили! Включай свой ВЭФ, слушать Левитана будем и пиво пить.

Запустили все-таки. На четыре года раньше. Еще один прорыв. Так, глядишь, при мне и на Луну слетают. А что, в нашей реальности не смогли только из-за бардака, что в космической отрасли творился, да отсутствия электроники. Здесь же всю Каманин Главкосмосом рулит, да так, что ни Королев, ни Челомей, ни Глушко лишний раз не

²⁶ Реальное сообщение. Автор изменил только даты. Первый в мире искусственный спутник Земли запущен в СССР 4 октября 1957 г.

дернутся. Так что того бардака, когда небольшие сравнительно деньги СССР на несколько проектов полета на Луну тратил, точно не будет.

— Заходи, сейчас включу.

Квартира у меня небольшая, но уютная, стандартная для здешней реальности «однокомнатная сталинка». Зал, спальня и кухня, не считая подсобных помещений. Небольшие по площади, это так. Да и много ли мне одному надо? Половинкой я не обзавелся, это Андрей здесь прирос, а я перекасти-полем так и остался. Почему? Черт его знает, если честно. То ли не попался никто подходящий, то ли горький осадок от неудачного там помешал.

Располагаемся в зале, кухня у меня маловата для посиделок. Включаю радио и вдвоем с Евгением, чокаясь кружками «богемского хрусталя», производства завода в Гусь-Хрустальном, слушаем Левитана:

— Двенадцатого апреля одна тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль — спутник «Восход» с человеком на борту. Пилотом-космонавтом космического корабля является гражданин Союза Советских Социалистических Республик летчик — майор Андриан Григорьевич Николаев!

Ну вот, очередной прорыв в будущее. Правильно писал какой-то русский писатель-фантаст в моем времени, что у нас, русских, все получается тогда, когда мы все вместе делаем что-то большое, или, как говорил капитан Копылов, «водку и ту вместе пить легче».

Во, опять звонок. Наверняка Андрей приехал.

Точно, да еще и всем семейством и с собакой. Тэнгу приветствует меня и Евгения и скромно устраивается в уголке, лежа поглядывает за нами и девочками. Смешно, но и здесь у Андрея две дочки. Ириша, постарше, и Мариша, которая сейчас мирно посапывает на руках у матери. Ну, теперь в моем двенадцатиметровом «зале» совсем не протолкнуться. Пока Андрей и Елена здороваются с Евгением, спешу на кухню, достаю из холодильника «что Бог послал». Так, где у меня тут тарелки? Ага, сейчас разложим нарезку...

— Дядя Сережа, а можно я тебе помогу?

Иришка. Так, отдам ей нести хлебницу.

— Сейчас, Ириша, только хлеб разложу.

— Дядя Сережа, а почему у тебя телевизора нет? Сейчас по телику старт ракеты показывают, а потом мультик новый будет. Про Алису Селезневу!

— Ну, Ириша, мне и радио хватает. Мультфильмы я не смотрю, а старт ракеты всегда в киножурнале посмотреть можно.

Обиделась. Старается не показать, но вижу, как надулась. Эх, не умею я обращаться с маленькими девочками. Ладно, пройдет.

— Пойдем, лучше все на стол отнесем.

Выносим все в зал. Вместе дружно сервируем стол, Андрей достает бутылку коньяка «Двин». Хороший коньяк, по мне — намного лучше даже тех трофейных французских, что мы пили на фронте. Разливаем по первой, а Иришка тем временем подбирается к радио и крутит ручки. Ну, поехали. Пьем, под аккомпанемент песни из новейшей рок-оперы «Юнона и Авось»:

Вместо флейты поднимем флягу
Чтоб смелее жилось!
Под российским небесным флагом
И девизом «Авось»!

Черт возьми, как специально подгадали. Теперь еще «Сагу» передать, ага. Я и не знал, что под гипнозом столько интересного вспомнил. О, вот и она, одна из моих любимых песен:

И качнутся бессмысленной высью

Пара фраз, залетевших отсюда:
Я тебя никогда не забуду,
Я тебя никогда не увижу.

Конечно, молодой Володя Высоцкий и Майя Кристалинская исполняют эту песню не совсем так, как я привык, но за душу хватает. Пожалуй, их дуэт звучит даже лучше, чем запомнившийся мне.

Ладно, посидели и хватит. Выходим на улицу, попрощаемся и прогуляемся.

Надо проветриться, да и подумать не мешает. Интересная ситуация складывается, черт побери. Американцы еще от спутника отойти не успели, а тут им новый подарочек. Причем про межконтинентальные ракеты мы особо не кричали, как при Хрущеве, а просто устроили групповой запуск в определенный квадрат Тихого океана. Ага, с официальным извещением ТАСС, с практическими боеголовками, с оцеплением из наших кораблей. Одно американское судно, смешно сказать — «Пуэбло»,²⁷ даже в этот квадрат пробраться ухитрилось. Угу, уцелел один человек. Причем все абсолютно случайно вышло. Ну кто ж знал, что они прямо в район падения боеголовок сунутся и под одну из них попадут. Скандал жуткий был. Некий сенатор Барри Голдуотер даже требовал немедленно войну объявить. Но обошлось — после того как мы сообщили, что собираемся по этому же квадрату опытным ядреным фугасом стрельбу провести. И провели. Договора о запрете на такие действия нет, заражение незначительное, да и от наших границ вдалеке, так что провели. Рвануло знатно. После этого все разговоры о войне как-то само собой затихли. Да и тяжелее американцам с нами бодаться. Бреттон-Вуда нет, в Европе наши понемногу все страны финляндизируют. Особенно если учесть поставки нефти, газа и новой техники. Не, без косяков, конечно, не обходится. Миколайчик, вон в Польше вовсю пытается с нами и немцами поругаться. Но вот только выясняется, что на одни американские кредиты не проживешь, а некоторые образцы техники только у нас купить можно. Про нефть я вообще молчу. А еще... Хе, с тех пор, как сверхсекретный отдел «С» (тсс!) Старинова в Аравии поработал, саудиты с США никаких дел иметь не хотят. Вот так-то! К тому же геморроя в Латинской Америке у американцев никто не отнимал. Вон с правительством Арбенса уже сколько времени возятся, Перрон вовсю в сторону СЭВ поглядывает, особенно после очередной стычки с англичанами за Фолкленды.

Что же получается в итоге? А ведь неплохо выходит. Пока американцы непрерывно «отбиваются от комаров», то есть от наших мелких гадостей, мы можем спокойно продолжать свое развитие, да еще с привлечением дополнительных европейских ресурсов. Так, может быть, и коммунизм построим, в отдельно взятой стране. А почему бы и нет? Но даже если и не коммунизм — то уже имеющийся социализм, издание исправленное и улучшенное, вполне меня устраивает.

Главное — не транжирить ресурсы направо и налево, даже в мелочах. Как вон с униформой для армии придумали. Не стали кучу форм делать, не стали вводить, а потом отменять. Сделали всего два вида формы — полевую, для боя, со старыми знаками различия на петлицах и повседневно-парадно-выходную, с погонами и орденами-медалями. И все. Вроде бы мелочь, а кучу денег экономим. И танков теперь шестьдесят тысяч выпускать не будем, и межконтинентальные ракеты десятками разновидностей тоже. Зато в электронику серьезно вложились, а академик Лосев через пятилетку обещает первые «мелкосхемы» выдать.

«Предупрежден — значит вооружен», — говорили древние римляне. А СССР благодаря нам предупрежден о многом.

²⁷ В реальной истории — захваченный в 1968 г. северными корейцами американский корабль-шпион.

«Информационная борьба может рассматриваться как одна из разновидностей военных действий. Но, в отличие от вооруженного противостояния, информационная борьба не прекращается и в мирное время. Особенно усиливается информационная борьба во время обострения классовой борьбы в настоящее время, при противостоянии различных социально-политических систем. [...]

Информационная борьба может быть условно разделена на три разновидности:

1. Агитация и пропаганда от имени правительства и официальными органами массовой информации, условно именуемая „белой ИБ“.

2. Агитация и пропаганда в органах массовой информации, ведущаяся якобы независимыми источниками, но поддерживающая и совпадающая с официальной информацией. Условно обозначается — „серая ИБ“.

3. Агитация и пропаганда из неофициальных источников, путем распространения слухов и использования нелегальных средств массовой информации, или „черная ИБ“.

[...] Основными принципами ИБ должны быть инициативность, атакующий характер, комплексное применение всех доступных методов. Следует помнить, что оборона в информационной борьбе является залогом поражения. [...]

Учебное пособие «Информационная борьба», Академия МГБ СССР, 1946.

9 мая 1964 года. Москва

Давно закончился и парад, и демонстрация в честь Дня Победы, но ветераны еще продолжали праздновать свой День и вспоминать друзей, не вернувшихся с войны. Одна такая группа, ехавшая в нескольких такси, подъехала прямо к ресторану «Космос». Стоявший в дверях швейцар, увидев на кителях и пиджаках ордена и медали, вытянулся в струнку и пропустил компанию в зал. Сразу у входа компанию друзей встретил метрдотель. Узнав номер заказа, он проводил группу к столику и вызвал официанта.

Подошедший официант вежливо, но без подобострастия, выслушал заказ, делая пометки в блокноте. Мельниченко и Иванов переглянулись, одновременно вспомнив официантов из «своего» будущего, либо хамоватых, либо лизоблюдствующих. Ничего похожего на них, человек просто выполнял свои обязанности и, судя по его виду, работа была ему вполне по душе. Сергей подумал, что не зря вторую пятилетку подряд в управлениях кадров вводят должности психологов, вот и результаты появились. Вспомнился ему и один из его знакомых, курсант, уволившийся со второго курса военного училища, потом закончивший техникум и работавший официантом. Как он радовался своей работе, объясняя, что главное в ней — создать настроение людям.

А здесь с этим неплохо справляются. Официант вежлив и предупредителен, ансамбль в углу играет, а не бьет музыкой по ушам. Курить, а вот курить в ресторанах нельзя, в СССР идет борьба с этой вредной привычкой. На пачках папирос и курительного табака — надписи «Курение убивает», по радио и телевизору идут передачи, где ненавязчиво напоминает о классической капле никотина и лошади, в учреждениях курить можно только в специальных местах. На некоторые работы, например учителем-воспитателем в интернат, стараются брать только некурящих. Тут Сергей оторвался от своих мыслей и прислушался к разговору Мельниченко и Номоконова.

— ...Бригадиром стал, однако. Плохо одно, командир, старею. Охотиться уже не могу, глаз не тот. Два года назад в Чите попросили пострелять на празднике. Однако плохо вышло, командир. Еле в мишень попал...

«Да, старость не радость», — подумал Сергей. Он хорошо понимал Семена Даниловича, в последнее время здоровье подводило довольно часто. Хорошо, что в

Советском Союзе медицина была бесплатной. В этой реальности врачи к тому же не скурвились, как в его времени, и по-прежнему выполняли свою работу не за дополнительную оплату, а по совести. Сергей хорошо помнил, как на его глазах уходило старое поколение докторов, которые внимательно относились к каждому больному и относились к своей работе как к служению, меняясь новыми, получиновниками, полунедоучками. Правильно про таких сказал один сатирик: «Мы бы еще лучше наладили работу больницы, если бы нам не мешали больные». Да, здесь до этого не дошло и, возможно, не дойдет.

Иванов снова отвлекся от своих мыслей, почувствовав, как ему в руку ткнулся холодный влажный нос. Это Тэнгу наконец-то вымолил у Андрея разрешение подойти к своему «хорошему другу Сергею». Потомок Ленга еще щенком включил в свой круг не только семью Мельниченко, но и Иванова. Не уступающий размером своему героически погибшему батю, Тэнгу отличался только белым галстуком на груди и более игривым характером. Сергей начал гладить пса, но тут же отвлекся — привезли заказ. Тэнгу понятно вздохнул, отошел к хозяину и прилег.

Началось все, как и положено, с тостов. Выпили за победу, за «товарища Сталина», третий, армейский тост, молчаливый и печальный, вспомнив про всех, кто не дошел. Потом пили еще, разговаривали, вспоминали смешные и не очень истории, хвастались успехами в послевоенной жизни. Колодяжный показал фото своего старшего сына, заканчивающего в этом году военное училище, отличника боевой и политической, стоящего на плацу в лихо заломленном берете и с кучей значков на груди. Потом Сергей Олегович рассказывал смешную историю про то, как он неожиданно стал кандидатом в депутаты местного Совета от общества «Знание», потом... потом все слилось для Сергея в единый праздничный вихрь, аккомпанементом к которому звучали то песни о войне, то джазовые и танцевальные композиции, исполняемые ансамблем.

Возвращаясь домой на такси, Сергей смотрел на встречающиеся группы веселых, празднично настроенных людей, на гуляющих по улицам детей и думал о том, как ему повезло. Помочь людям избежать ошибок, которые они могли сделать просто по незнанию — для этого не надо быть гением. Человек навечно запоминает все, о чем думал и читал, что видел. Вот это-то и было его с Андреем и Семой вкладом в лучшее будущее этого мира. Остальное все сделали сами люди, гиганты, которые и без их помощи смогли бы разбить нацистов, выйти в космос и даже противостоять мощи всего капиталистического мира, проиграв только из-за предательства элиты.

«Зато теперь все будет по-другому», — с удовлетворением думал Сергей, выходя из такси у своего дома и привычно замечая горящую напротив витрину дежурного универсама.

Сентябрь 1967 года. Где-то в Африке

Вокруг тянулись вверх большие тропические деревья. Их опутанные лианами кроны смыкались в вышине, образуя сплошной зеленый навес. Внизу царили влажные зеленоватые сумерки. Тонкие стрелы пробившихся сквозь разрывы в лиственном покрове солнечных лучей рассеивали таинственную полутьму на небольших участках подлеска. Душный и жаркий воздух пронизывали запахи сырой земли и гниющих листьев. Роящиеся вокруг стволов гигантских деревьев, лиан и над цветами насекомые заполняли воздух своим назойливым гулом, разрываемым на части неумолчными криками попугаев и внезапными воплями неизвестных животных. Свисающие вниз обрывки лиан, иногда касающиеся самой земли, временами вздрагивали, непонятно от чего, и продолжали раскачиваться, словно от отсутствующего в лесу ветра.

Стоящая неподвижно у ствола одного из лесных гигантов еле различимая фигура в тропическом камуфляже, внимательно изучающая окрестности, внезапно ожила и подала сигнал. Отодвигая свисающие лианы, из леса выскользнули еще несколько таких же фигур.

Все они, кроме одного, были вооружены разнообразными вариантами коротких автоматов. Один, самый крупный и массивный, нодвигающийся так же легко, как и все остальные, неказавшийся в его руках небольшим, ничуть не тяжелее оружия других, но на самом деле тяжелый и мощный универсальный пулемет Калашникова. Впрочем, это оружие, как и автоматы его напарников, пользовалось большой популярностью во всем мире, что никак не позволяло идентифицировать государственную принадлежность его владельца. Это мог быть и наемник, и спецназовец из «зеленых беретов», и французский легионер и даже русский осназовец из террор-группы. Но если знать, что недавно здесь, в джунглях Катанги, были захвачены в заложники инженеры из Франции и СССР, то все становилось абсолютно понятным. Уж слишком профессионально действовалидвигающиеся по лесу, не походя ни на повстанцев, пусть даже и знающих местность, ни на солдат правительственной армии Конго. Честно говоря, на последних они походили меньше всего, после прихода к власти «выдающегося деятеля национально-освободительного движения» Патриса Лумумбы армия Конго, как и все государство, переживала отнюдь не лучшие времена. Трайбализм, сепаратизм, черный расизм, противодействие иностранных монополий и бойкот собственных чиновников сделали жизнь в этой африканской стране немногим отличной от той, что была при колонизаторах. Вот и носились по здешним джунглям «борцы за свободу Нижней Мукомбы и Верхней Мумбы-Юмбы», мало отличимые от разбойников, добывая себе пропитание банальным грабежом и захватом в заложники европейцев. За них платили... часто, но не всегда. Иногда дело заканчивалось смертью заложника, иногда — появлением французских легионеров или бельгийских парашютистов и гибелью «борцов за национальное освобождение». Но впервые в заложники взяли граждан Советского Союза, работавших по совместному контракту с французским горнодобывающим синдикатом. СССР старался не иметь дела с такими странами, но в данном случае дело было выгодное — впервые появлялась возможность проникнуть на богатейшие урановые месторождения планеты. Да и французская сторона и даже правительство Лумумбы, заинтересованное в притоке валюты, уверяло, что в этой области наведен полный законный порядок, а охрану рудников осуществляет одно из лучших подразделений иностранного легиона. Только вот и лучшего подразделения оказалось недостаточно, «повстанцы» не только захватили и разграбили один из поселков, но и увели с собой заложников — граждан СССР профессора Амикова, его помощника Токарева, двух горных инженеров, одного русского и одного француза, французского директора рудника и индийского инженера Рам Чарана.

Французы направили в этот район роты маринеров и парашютистов, но те так и не смогли никого найти. К тому же инсургенты пообещали при малейшей опасности убить всех заложников, а получившие эту новость французские средства массовой информации, большинство из которых и так занимало антидеголлевскую позицию из-за Алжира, подняли страшный шум. Одновременно зашевелились и противники президента в парламенте. В результате де Голль был вынужден дать указание попытаться, действуя исключительно мирными средствами, договориться о выкупе и предложил принять участие в переговорах представителям СССР и Индии. Индийцы согласились сразу, а Союз пока раздумывал. Впрочем, время пока терпело, похитители не настаивали на немедленном ответе, убежденные в неуязвимости своей позиции. Прошла уже неделя с момента нападения, и все ждали, что же сделает Советский Союз, ранее публично заявивший, что никогда не пойдет на переговоры с террористами. Пока же в газетах появились статьи о запуске в СССР нового космического корабля-спутника, на этот раз трехместного. Некоторые англо-американские газеты тут же заявили, что таким образом «коми» пытаются отвлечь мир от печальной участи заложников. И мало кто, даже в штабах стран, считающих СССР потенциальным противником, обратил пристальное внимание на уведомление о начале учений воздушно-десантных войск «Прыжок на север — 67». Что особенного, вполне обычное дело в последние годы для Красной Армии. Так же незаметно, в суматохе учений, прошел и взлет новейшего транспортного Ан-22, в который погрузилась всего лишь группа из батальона сорок пятого полка (осназ). А уж полет аналогичного самолета, только с другими

регистрационными знаками, в сторону Аргентины, с посадкой в Дакаре, не привлек ничего внимания.

Точно так же, не привлекая внимания даже возбужденно голосащих о чем-то в вершинах деревьев мартышек, группа обогнула полянку по периметру и скрылась в джунглях. Внезапно идущий впереди подал сигнал рукой, и, нажав тангенту радиостанции, коротко сообщил:

— Кол, Лису. Три часа, блеск. Часовой.

Через несколько секунд в наушниках прозвучали команды лейтенанта Колодяжного.

— Гром, Кобра — прикрытие. Лис — наблюдать. Кот, Рысь — обойти, готовность пять, группой обходим на девять, — после которых группа, разбившись на несколько пар, растворилась в джунглях, сменив направление движения.

Небольшой поселок из восьмерки хижин, расставленных по поляне у небольшой реки так, чтобы кроны деревьев прикрывали от наблюдения с воздуха даже с низколетящих вертолетов, жил своей жизнью. Сновали вооруженные и невооруженные люди, сидел у одной из хижин на корточках вооруженный часовой, жующий какую-то жвачку, еле слышно стрекотал мотор-генератор, от которого тянулись провода к одной из хижин побольше. Рядом с этой хижинкой, прикрывая доступ к поселку с реки, был сооружен редут. Из-за насыпи грозно выглядывал ствол двадцатимиллиметровой скорострелки. Второй укрепленный пункт, с установленным крупнокалиберным пулеметом, перекрывал единственную тропинку, выводящую к поселку из джунглей.

Колодяжный, закончив рекогносцировку, привычно нажал тангенту и короткими условными фразами довел до группы положение дел и приказ. Еще пару часов прошли в томительном, в прямом смысле парном, из-за обильно стекающего по телам пота, ожидании. Но вот наконец-то лагерь притих. «Сиеста», она и в Африке «сиеста». Жарко и сонно. Только неслышными привидениями мелькают непонятные фигуры неподалеку от часовых и громкое пение насекомых глушит непонятные звуки и вздохи.

Внезапно обычный шум джунглей заглушили два мощных взрыва. А затем раздалось характерное «хаканье» выстрелов и серия разрывов осколочных гранат, выпущенных из десантного автоматического гранатомета Барышева, перекрывшие громкие вопли и команды в толпе выскакивающих из хижин бандитов.

Бывшие заложники, которых люди в камуфляже, раскрашенными лицами, внезапно проникшие в хижину через заднюю стенку, отвели и заставили укрыться в небольшой грязной яме, с испугом прислушиваясь к доносящемуся треску выстрелов и грохоту разрывов, косились на оставшуюся для их охраны пару бойцов. Но те лежали спокойно и невозмутимо, словно отдыхали на пляже. Постепенно успокоились и освобожденные. Еще через несколько минут стрельба затихла, и появившаяся на краю ямы еще одна фигура в камуфляже жестом предложила всем подниматься и идти следом...

24 декабря 1967 года. Недалеко от г. Цхинвали

Построение батальона. Ровными рядами стоят в одном строю лейтенанты, старшины и сержанты. Ни одного рядового. Форма обычная, расцветкой указывающая на принадлежность к воздушно-десантным войскам.

— Батальон, равняйся! Смирно! Товарищ командир, второй батальон сорок пятого воздушно-десантного полка...

Все понятно. Сегодня у ребят из осназа какой-то праздник. Если посмотреть на календарь и подумать — скорее всего, награждение, так как никаких других поводов для торжественного построения в этот день нет. Точно, вот раздается команда:

— Лейтенант Колодяжный, младший лейтенант Громов, старшины Котов, Лисов, Багиров, старший сержант Коваленко, сержанты Доржаев, Бурденко, Васильев... — выйти из строя!

И через некоторое время:

— Приказом Министра Обороны, на основе Указа Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение задания командования награждаются...

Вот и все. Финита ля комедия. Исчезла из выпусков новостей некая «Боевая группа освобождения племени маджонго». А на обложке секретного досье одного учреждения заокеанской державы прямо под фамилией чернокожего сержанта Рэмбо появилась отметка большими буквами «КИА».²⁸

«[...] Образование системы народно-демократических государств стало одним из важнейших итогов Второй мировой войны. Впервые в мире возник союз государств, спаянных не стремлением ограбить кого-то, а строительством, нового общества, общества равных возможностей, истинно народной демократии и социальной справедливости. Несмотря на разницу в политическом устройстве, в классово-социальном устройстве общества, все они имели одинаковые черты, а именно — социальную направленность внутренней политики государства, полное устранение или резкое ограничение капиталистической эксплуатации. [...]

К странам народной демократии в настоящее время относятся: СССР, Германская Демократическая Республика, Австрийская Социально-Демократическая Республика, Аргентинская Социальная Республика, Итальянская Социалистическая Республика, Демократическая Республика Вьетнам, Венгерская Народная Республика, Румынская Народная Республика, Народная Республика Болгария, Народная Республика Греция, Народная Республика Куба, Китайская Народная Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика, Демократическая Республика Никарагуа, Польская Народная Республика, Королевство Швеция, Королевство Дания, Королевство Голландия, Федеративная Социалистическая Республика Югославия, Чехословацкая Народно-Демократическая Республика.

К настоящему времени все эти страны объединены в Совет Экономической Взаимопомощи — межправительственную экономическую организацию, созданную в 1947 году по решению экономического совещания представителей Австрии, Болгарии, Венгрии, Германии, Голландии, Дании, Румынии, СССР, Чехословакии и Югославии. Целью создания СЭВ провозглашалось содействие экономическому развитию стран-участников, повышение уровня индустриализации, уровня жизни, производительности труда. СЭВ способствовал интеграции экономических систем стран-участников, их прогрессу в экономическом и техническом развитии. Органы СЭВ принимают решения и рекомендации по различным экономическим и научно-техническим вопросам. Деятельность СЭВ имеет ряд важных позитивных результатов: в странах, входящих в эту организацию, с помощью других членов СЭВ создана развитая индустрия, осуществляется строительство, проводится научно-техническое сотрудничество. Через СЭВ координируется торговля между странами-участницами, проводится согласование и взаимная привязка народнохозяйственных планов.

В 1964 году СЭВ получил статус наблюдателя в ООН».

Обществоведение. Учебник для 7-го класса. М, 1972 г.

24 июня 1972 года. г. Нью-Йорк

²⁸ КИА — «киллед ин экшн» — убит в бою.

Сидящий в кресле немолодой человек с модными длинными волосами, собранными в косичку, в костюме для отдыха от гламурного израильского кутюрье Шкина, протянул руку к журнальному столику и взял высокий хайболл с безалкогольным коктейлем. Сделав глоток, он поморщился. Немного виски, а еще лучше — русской водки, для вкуса, и этот напиток стал бы совсем хорош. Но увы, вот уже год, как личный врач запретил ему все спиртное. Человек печально вздохнул и кривовато усмехнулся, вспомнив, как на фронте они пили все, что горит. Эх, молодость, молодость. Впрочем, тогда он и не думал, чем и где ему придется заниматься всю остальную жизнь. Простой советский начфин бригады Леха Самохин, ставший американским мультимиллионером Сэмом О'Хантом. Узнай об этом директор ЦРУ Уильям Колби, на стенку бы полез от неожиданности. Советский разведчик в логове врага, блин. Впрочем, финансовый рынок и экономика — это и есть самое логово основного врага Советского Союза. Поэтому задача С. О'Ханта, по прозвищу Уайлд Хантер (Дикий Охотник), и заключалась не только в его проникновении, но и в использовании возможностей этого «логова» для укрепления экономики своей страны.

Да, славные были денечки. Вживание в новую среду, использование открывшихся возможностей, первые успехи и неудачи. Всего пять лет, и молодой, подающий надежды биржевик из Нью-Йорка, используя кризис сорок восьмого — пятидесятого годов, становится одним из столпов «Бэнк оф Нью-Йорк», а еще через пятилетку прибирает его к рукам. Десятки спекуляций, тысячи решений... И вот «миллионер-невидимка», чье лицо не появляется на страницах газет и экранах телевизоров, уже много лет, властвует в своей финансово-промышленной империи, звоня по телефону и рассылая телеграммы, сидит в одиночестве в пентхаусе и раздумывает о превратностях жизни и тратит время на бессмысленные, с точки зрения обычного американца, самокопания. Но жизнь продолжается, и даже это ленивое времяпровождение не может длиться вечно. Звонит телефон, и приятный женский голос сообщает, что лимузин подан к пандусу, охрана готова и можно ехать на аэродром. Что же, пора. Да, лимузин готов. Пора ехать. Сэм (или все же Леха) поморщился, вспомнив, сколько самого лучшего бензина жрет этот бронированный длиннющий, в американских традициях, «членовоз». При нынешних ценах на нефть — чистое разорение. А что делать, положение обязывает.

Что-то налоговая стала слишком пристально присматриваться к его счетам и предприятиям. Неужели все-таки отследили утечку золота и долларов? Конечно, на всякий случай готовы пути отхода, надежные люди при необходимости перехватят бразды правления фирмами так, что никто и ничего не заметит. Но береженого, как известно, бог бережет. Поэтому лучше временно уехать на Сейшелы. Благо, один из островов давно числится собственностью его концерна. Хорошая база для советской разведки, не находите? Человек еще раз усмехнулся, поставил недопитый хайболл и ответил в трубку:

— Выхожу, Мэри. Передайте Джиму — все по варианту один.

24 июня 1982 года. Москва

Стоящий у Кремлевской стены старик, несмотря на возраст, сохранивший военную выправку, хотя и опирающийся на трость, медленно наклонился и поправил лежащий у стены букет. Разогнувшись, он несколько минут постоял в стойке «смирно» и повернулся к подбежавшему к нему в этот момент вместе с большой, черной, с белым галстуком на груди азиатской овчаркой подростку. Подросток внимательно посмотрел на стену, отдал пионерский салют и спросил у старика:

- Дед, ты все? Поговорил? Идем?
- Идем, Сергей, идем. Мама где?
- Они с бабушкой нас в машине ждут. А ты мне вечером расскажешь про войну?
- Обязательно расскажу, Сережа. Только ведь ты мои рассказы наизусть уже помнишь или нет?

— Что ты, дед, разве все запомнишь. К тому же мальчишки в интернате обязательно будут новых историй ждать про тебя, про твоих друзей, про Ленга и ваш танк. Ты же мне не все рассказал, наверное?

— Ладно, вспомню что-нибудь новенькое.

— Вот и хорошо. У тебя все равно интереснее выходит, чем в «Трех танкистах и собаке».

— Неужели тебе такой хороший фильм не нравится?

— Не-а. Лучше бы вместо поляков вас показали, а вместо немецкой овчарки — нашего Тимку. Он же любой из этих овчарок умнее в сто раз! Да и вы с дядями Сережей и Семеном с нацистами здорово воевали! Дед, а почему про вас фильма нет?

— Да какой фильм, Сережа? Мы ведь просто выполняли свои обязанности. Чем мы лучше героев Перекопа или защитников Брестской крепости? Вот про них да, надо фильмы снимать.

— И про вас тоже надо, дед. Нам учитель недавно про электронику рассказывал. Про идеи дяди Семена. Он же гений, реально. Академик Лосев считает, что он большинство современных направлений развития электроники предугадал. Жаль, что погиб глупо.

Мельниченко резко остановился, так что Сергей проскочил по инерции несколько шагов и недоуменно повернулся в его сторону. Так же резко застыл и пес, слегка оскалив зубы и пытаясь найти возможный источник угрозы.

— Запомни, Сергей, — ого, такого злого голоса у деда притихший внук не слышал, кажется, ни разу, — никто никогда не гибнет в боях за Родину глупо. А Семен Бريدман погиб за свободу нашей Родины. Понятно? — и дождавшись ответного кивка, слегка остывшим голосом спросил: — Неужели это вам учитель так сказал?

— Не-а, дед, это мы сами так потом решили. Ну, останься он в живых, сколько еще нового придумать бы мог. А он от работы у академика Минца отказался.

— Да, отказался, Сережа. Потому что не мог бросить свое место в строю. Понимаешь?

— П-п-понимаю. Тогда он просто не смог бы себя уважать, да, дед?

— И это тоже. Да к тому же война на уничтожение шла. Потому что, если бы нацисты победили, нас бы просто-напросто уничтожили. Не нужны мы им были, Сережа. Разве что как рабы.

— Дед, да понял я. Не расстраивайся, я ребятам все расскажу и объясню. Вон, видишь, такси наше стоит.

— Вижу, Сережа. Вон и бабушка рукой машет. Пошли поскорее, а то они нас заждались уже.

«[...] В 1963 г. вышло постановление Совета Министров СССР, согласно которому должна была быть создана ОГАС. [...] Правительство начало реализацию крупномасштабного проекта директора Института информатики АН УССР академика В. М. Глушкова, который предложил перевести управление народным хозяйством СССР на электронно-кибернетическую основу. Помимо автоматизированных систем управления, под руководством Глушкова разрабатывались системы математических моделей экономики и безналичных расчетов для физических лиц. При этом планирование становилось не просто директивным, но и по-настоящему научным. [...]»

БСЭ, Статья «Общегосударственная автоматизированная система планирования и управления в народном хозяйстве».

ЭПИЛОГ

Два человека в стандартных униках²⁹ космонавтов, склонив головы, стоят у подножия памятника. Перед ними, устремив вперед выглядывающую из массивной башни мощную пушку, на гранитном постаменте возвышается танк, старинный тяжелый «КВ-2». На башне, немного повернутой в сторону, можно разглядеть начало надписи «До...», на передней части корпуса аккуратными буквами выведено — «Рыжий». Если внимательно присмотреться, заметно, как на поверхности машины отблескивает на солнце прозрачный слой защитного покрытия. На пьедестале высечено: «Вечная слава героям, павшим за свободу Советской Родины».

Подняв головы, космонавты синхронно салютуют памятнику и разворачиваются. В это время у одного из них срабатывает коммуникатор.

— Привет, Сергей, это Иван. «Таможня дает добро». Аэролет для вас я уже вызвал, окно через три часа. Жду в Мирза-Чарле.

— Привет, Иван. Понял. Мы готовы, идем к парковке.

Через пару минут они подходят к площадке, на которой их уже ждет аэролет. Над кабиной, у главной антенны мигает красный проблесковый маячок, предупреждая о том, что машина занята. Открыв дверцу, космонавты садятся в кресла. На панели управления загорается зеленый огонек, сигнализирующий опознание и готовность к полету. Сидящий справа берется за миниатюрную ручку управления, аэролет плавно взлетает вверх на подъемных двигателях и, набрав заданную высоту, устремляется со все возрастающей скоростью вперед. Полностью передав управление автопилоту, Сергей, сидящий справа, поворачивается к младшему:

— Ну и как самочувствие?

— Медблок показывает норму, — улыбается тот, и, пристально осматривая горизонт, на котором иногда мелькают пролетающие в разных направлениях аэролеты, продолжает: — Слушай, Сергей, а тебя никогда не удивляло, как удачно сошлись судьбы членов экипажа «Рыжего»? Ну ладно, твой предок с моим вместе от немцев уходили. А Колодяжный, красноармейцы, из плена бежавшие, да и личный порученец Берии. Как-то странно все это, не находишь?

Сергей улыбается, осматривает панель, затем нажимает кнопку на ней. Сбоку от его кресла выдвигается столик, на нем стоят два бокала с каким-то пенным напитком. Сергей передает один бокал собеседнику, сам берет другой и говорит: — Ничего удивительного, Семен. А судьба твоей прапрабабки? Спаслись от немцев, потерять память, затем вспомнить все... Неужели менее удивительно? Время такое было. Да и сейчас, если хочешь знать, таких вот совпадений не меньше. Ты не знаешь, но Иван Жилин, судя по всему, родственник Иванову. Правда, точно не доказано, что это тот Иванов. Помнишь, часть документов МГБ во время путча пятьдесят первого уничтожена, вот и дело Иванова тоже.

— Ничего себе! Теперь осталось еще, чтобы и Крутиков чьим-нибудь родственником оказался. Надо будет в БВИ³⁰ поискать.

— Можешь не искать. Я уже нашел. По материнской линии родственник Мурашова. Ну и как тебе совладение? И все собрались на одном космолете.

— Да, прочел бы где-нибудь в книге — не поверил. Опять почти экипаж «Рыжего». Только фамилии другие.

— Это точно. Быков, Юрковский, Жилин и Крутиков. Не совпадают. И нас не шестеро, а четверо.

— Да. Но зато мы, как и они, на новой технике и в неизвестность...

Оба замолчали, не торопясь потягивая напитки из бокалов и поглядывая в окно.

²⁹ Универсальный комбинезон, адаптивная защитная и повседневная одежда со встроенной системой киберконтроля.

³⁰ Большой Всепланетный Информаторий, аналог Интернета.

Скорость и высота росли, так что за остеклением кабины скоро было только фиолетово-черное небо стратосферы. Не выдержав, Семен нажатием кнопки включил головизор. Возникшая прямо в воздухе миниатюрная миловидная брюнетка заговорила, видимо, продолжая выпуск новостей:

— ...на седьмом полигоне. Как стало известно, старт первого космолета с системой прокола состоится через четыре часа. Вы видите «Тахмасиб», снятый нашей робокамерой. В настоящее время на нем проходят последние проверки, по традиции их осуществляет группа контролеров во главе с представителем Главкосмоса Алексеем Каманиным...

— Ну тебя, нашел что включить. Лучше музыку какую-нибудь найди, — Сергей с иронией посмотрел на Семена. Тот подумал, что-то быстро набрал на появившемся виртуальном пульте, и перед ними зависла другая голограмма. Исполнитель старинной и фольклорной музыки Вячеслав Коротин пел, наигрывая на антикварной акустической гитаре:

Заправлены в планшеты космические карты
И штурман уточняет последний раз маршрут.
Давайте-ка, ребята, споемте перед стартом,
У нас еще в запасе четырнадцать минут...

— Вот это то, что надо, — улыбается Сергей, а аэролет тем временем маневрирует, заходя на траекторию снижения.

От героев иных времен не осталось порой имен,
Те, кто приняли первый бой, стали просто водой и травой.
Только грозная доблесть их поселилась в сердцах живых.
Этот вечный огонь, нам завещанный одним, мы в груди
храним.

Ватутинки — Москва, 2009–2010